

МИФЫ И КОНФЛИКТЫ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ ТОМ 2

Инструментализация темы конфликта
в политическом дискурсе

власть популизм травма враг
герой территория
интересы идеология
независимость оккупация нации
манипуляция Кавказ
риторика демократия этнический
КОНФЛИКТЫ медиа
идентичность оппозиция граждане
стремления государство пропаганда
выборы угроза стереотипы

International Alert

International Alert – независимая миротворческая организация с двадцатисемилетним стажем работы, работающая с пострадавшими от вооруженного конфликта людьми в целях улучшения перспектив установления мира. Помимо этого, мы стараемся влиять на политику и подходы правительств, международных организаций, таких, как ООН, и транснациональных компаний в направлении снижения риска и увеличения мирного потенциала.

Мы работаем в Африке, в ряде регионов Азии, на Южном Кавказе, Ближнем Востоке и в странах Латинской Америки, а недавно начали осуществлять проекты в Великобритании. Наша работа по формированию политики охватывает влияющие на перспективы мира и безопасности основные направления: экономику, климатические изменения, гендер, роль международных организаций, эффект гуманитарной помощи и последствия неэффективного/эффективного государственного управления.

International Alert представляет собой одну из ведущих миротворческих НПО в мире, штат ее лондонского и 14 региональных офисов насчитывает более 200 сотрудников. Дополнительную информацию о том, как и где мы работаем, можно найти на нашем вебсайте по адресу: www.international-alert.org

Эта публикация выходит благодаря помощи Европейского Союза. Только International Alert несет ответственность за ее содержание, которое не должно рассматриваться как отражение взглядов Европейского Союза.

© International Alert 2013

Все права защищены. Ни одна часть данной публикации не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами, включая электронные, механические, фотокопировальные средства, средства записи и любые другие системы сохранения и изъятия информации, или использована любым иным способом, без полного указания имени автора и источника заимствования.

Мифы и конфликты на Южном Кавказе

ТОМ 2

Инструментализация темы конфликта в политическом дискурсе

Редакторы

Джана Джавахишвили, Лиана Кварчелия

Научные руководители

Джана Джавахишвили, Геворг Тер-Габриелян

International Alert.

Содержание

Список сокращений	3
Благодарности	4
Об авторах статей	6
Предисловие	9
ВВЕДЕНИЕ	13
Инструментализация темы конфликта в политическом дискурсе Лиана Кварчелия	
ГЛАВА 1	16
Утилизация темы грузино-абхазского конфликта в избирательном процессе в Абхазии Лиана Кварчелия	
ГЛАВА 2	38
«Игры патриотов»: практики маргинализации оппонента во внутриполитической борьбе в современном Азербайджане Ильхам Аббасов	
ГЛАВА 3	62
Использование образов внешнего друга и врага во внутриполитическом дискурсе Армении на примере анализа выступлений первого президента Левона Тер-Петросяна (сентябрь 2007 г. – май 2011 г.) Микаел Ованнисян	
ГЛАВА 4	82
День памяти: современный грузинский медиа-дискурс Грузино-Абхазского конфликта Кетеван Хапава, Экатерина Паверман, Георгий Готуа	
ГЛАВА 5	98
«Мельница врага» как тормоз для внутреннего развития в Нагорном Карабахе: Медиа-исследование образа врага Гегам Багдасарян	
ГЛАВА 6	115
Утилизация этнографических мифов (герой/предатель) в контексте современных военных конфликтов и послевоенного строительства осетинского общества Эдуард Кабулов	

Список сокращений

АГТРК	Абхазская государственная телевизионная и радиовещательная компания
ВИЧ/СПИД	Вирус иммунодефицита человека/синдром приобретённого иммунодефицита
ЕС	Европейский Союз
МИД	Министерство Иностранных Дел
ММ	Милли Меджлис (Национальное Собрание)
НПО	Неправительственная организация
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ПАСЕ	Парламентская Ассамблея Совета Европы
ПЕА	Партия «Ени Азербайджан»
ПНФА	Партия Народного Фронта Азербайджана
СЕ	Совет Европы
СМИ	Средства массовой информации
СНГ	Содружество Независимых Государств
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
США	Соединённые Штаты Америки
ЮНИСЕФ	Детский фонд ООН

Благодарности

Данное исследование было проведено в рамках «Инициативы медиации и диалога на Южном Кавказе», которая финансировалась Европейским Союзом и состояла из трех этапов. На первом этапе была отражена миротворческая работа, выполненная гражданским обществом с середины 1990-х годов, в том числе работа с политиками, субъектами экономической деятельности, женщинами, СМИ, учеными и деятелями культуры. Цель этой работы заключалась в извлечении уроков и повышении качества будущих инициатив, а ее результаты опубликованы в книге *Медиация и диалог на Южном Кавказе: Осмысление пятнадцатилетнего опыта по трансформации конфликтов*.¹ Второй этап посвящен направлению «*Мифы и конфликт*», в рамках которого было выполнено данное исследование. Третий этап посвящен обучению – он использует результаты, полученные в рамках первого и второго направлений, для разработки и выпуска учебного пособия, предназначенного для развития критического мышления в отношении конфликтов на Южном Кавказе.

Серия «Мифы и конфликт» была реализована благодаря помощи и проницательности большого числа лиц, которым мы чрезвычайно благодарны. Первоначальная идея этого исследования была результатом глубокого понимания и креативного сотрудничества с партнерами International Alert в рамках инициативы «медиации»: Джаной (Дареджан) Джавахишвили (Глобальная инициатива в психиатрии, Тбилиси), ставшей координатором и методологическим супервайзером направления «мифы», и Баталом Кобахия (Центр гуманитарных программ, Абхазия), которым мы хотели бы выразить нашу глубокую признательность. Во-вторых, мы хотели бы поблагодарить самих исследователей, полный список которых приведен на стр. 6, за исполнение столь важной работы. Исследованные в рамках этих работ темы в достаточной степени табуированы в тех обществах, к которым принадлежат сами исследователи. Поэтому проникновение в кроссконфликтные многокомпонентные процессы потребовало от исследователей значительного мужества. Мы хотели бы также распространить нашу благодарность и на методологических консультантов, которые сыграли критическую роль в поддержке и координации работ соответствующих исследовательских групп и оказывали им, в случае необходимости, целенаправленную поддержку: Геворгу Тер-Габриеляну (Фонд Евразийского партнерства) за методологическую поддержку всему процессу; Оксану Карпенко (Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург) за ее контроль над исследованием учебников; Филипа Гамагеляна (Университет Джорджа Мейсона) за направление, связанное с блогосферой, и Тину Цомаю (Грузинский институт по связям с общественностью) за направление, касающееся журналистов. Особая благодарность давним партнерам и коллегам, Лиане Кварчелия и Арда Инал-Ипа (Центр гуманитарных программ, Абхазия) за их квалифицированные советы и поддержку продвижения процесса с помощью как собственного взгляда и стратегического видения, методологической поддержки, содействия и редакторского опыта, так и просто моральной поддержки.

1 Документ доступен по адресу: <http://www.international-alert.org/tl/node/4531>.

Мы также выражаем благодарность за потраченное время, советы и поддержку нашим коллегам из International Alert, чей профессиональный опыт оказал разнообразное влияние на данный процесс и публикацию: Ларису Сотиеву, автора исходной концепции проекта, без предвидения которой эта инициатива никогда не была бы реализована; Джулиет Скофилд, менеджера проекта, и позже подключившихся Ману Фаруги и Наргизу Сайпидинову за их поддержку в вопросах издательства и логистики.

Благодарим также редакторов и переводчиков – Саймона Пола Хинчлифа, Михаила Миневича и Стюарта Мора – за их кропотливый труд.

Наконец, но не в последнюю очередь, организация Alert хотела бы поблагодарить Европейский Союз за финансирование «Инициативы медиации и диалога на Южном Кавказе» и фонд по предотвращению конфликтов британского правительства за безупречную поддержку Alert. Без их помощи эта работа была бы невозможна.

Об авторах статей

Ильхам Аббасов – выпускник факультета социологии Бакинского государственного университета (1997 г). С 2006 г. он занимает должность научного сотрудника Отдела социологии и социальной психологии Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана. С 2007 г. Ильхам был докторантом Бакинского государственного университета по специальности «философия». В числе основных направлений его исследований: изучение национализма, этничность и обучение истории.

Гегам Багдасарян был журналистом и политиком; он основатель и президент Пресс-клуба Степанакерта и неправительственной организации, которая с 1998 г. была центром свободы слова в СМИ Нагорного Карабаха. В 2004 – 2008 гг. он стоял во главе издания популярной независимой газеты Демос, в настоящее время – главный редактор ежемесячного аналитического журнала Аналитикон, издаваемого на армянском, русском и английском языках. Гегам является также сопредседателем регионального НПО «Южный Кавказ».

Георгий Готуа получил степень бакалавра по специальности «Политические науки» в Тбилисском государственном университете и степень магистра в Центре социальных исследований (Варшава, Польша). Ранее Георгий работал в Кавказском институте мира, демократии и развития (при Тбилисском экспертно-аналитическом центре). Он участвовал также в целом ряде исследовательских проектов по различным темам, в числе которых политические партии, гражданское общество, этнический конфликт и местные элиты, проводил оценку нескольких проектов с международным финансированием. В настоящее время работает в рамках совместного исследовательского проекта Государственного университета Ильи и Университета Фрайбурга, посвященного неофициальным политическим организациям в Грузии и Армении.

Джана (Дареджан) Джавахишвили – грузинский психолог, с 1995 г. исследует психотравму, занимается обучением и лечением. Она оказывает психологическую помощь людям, травмированным в результате вооруженных конфликтов. С 2002 г. она глубоко вовлечена в работу по трансформации конфликтов в качестве фасилитатора миротворческих процессов в Грузии и на Южном Кавказе. Джана является членом учредительного совета «Грузинского общества психотравмы», соавтором и соредактором ряда книг на грузинском, английском и русском языках, опубликованных в Грузии, Армении, Англии, Норвегии, России и США.

Эдуард Кабулов окончил Факультет международных отношений Северо-Осетинского государственного университета во Владикавказе (Российская Федерация) и получил степень магистра в области международных отношений в Институте политических наук (Лиль, Франция). Эдуард принимал участие в различных проектах, связанных с постконфликтными регионами Южного и Северного Кавказа, которые выполнялись в

сотрудничестве с Международным институтом стратегических исследований (IISS) и организацией International Alert в Лондоне, а также с Кавказским советом по беженцам во Владикавказе. В числе его основных направлений исследований – посредничество и гражданская дипломатия в затронутых конфликтами регионах и посредничество Европейского Союза в Грузино-Российском кризисе.

Лиана Кварчелия – заместитель директора Центра гуманитарных программ (СНР), одной из старейших НПО в Абхазии, созданной в 1994 г. Работая над целым рядом вопросов развития гражданского общества, она регулярно участвует в качестве исследователя-организатора, методиста и модератора в различных проектах, связанных с процессами демократизации в Абхазии, трансформацией конфликтов и гражданским образованием как в Абхазии, так и в более широких рамках всего Кавказа. С 1996 г. она принимала активное участие в ряде проектов, относящихся к Грузино-Абхазскому конфликту, в том числе участвовала в долгосрочных программах совместно с Калифорнийским университетом (Ирвайн), организациями Ресурсы примирения и International Alert.

Микаел Ованнисян – руководитель Европейской программы Фонда евразийского партнерства в Ереване. Он принимал участие как в официальных, так и неофициальных организациях гражданского общества и инициативах в области молодежной политики, образования, гражданского участия, миротворчества, прав человека и демократизации. Его предыдущий опыт включает работу по проектам в области прав человека и СМИ в армянском отделении ПРООН, в финансируемой армянской диаспорой организации Birthright Armenia, а также участие в различных гражданских инициативах в области свободы слова, свободы собраний, демократии и высшего образования. Д-р Ованнисян – приглашенный профессор Кафедры востоковедения Ереванского государственного университета, где он читает курсы по Средневековой философии ислама, Истории исламизма и Общественным и политическим учениям средневекового ислама.

Екатерина Паверман окончила Грузинский институт клинической психологии, где получила степень магистра в области психологии/психотерапии. С 2001 г. Екатерина работала по проектам, связанным с вопросами межэтнических отношений, предотвращения конфликтов, построения гражданского общества. В 2007 г., в рамках гранта Фонда Генриха Бёлля, Екатерина работала над вопросами самоидентификации и этнической принадлежности. Она является соучредителем и членом Совета грузинской исследовательской организации – Центра изучения социальных практик.

Геворг Тер-Габриелян – региональный директор Фонда евразийского партнерства в Армении. Ранее он был ведущим советником по вопросам политики и менеджером евразийских программ International Alert в Лондоне и заместителем директора Центра региональных исследований в Ереване, Армения. Геворг преподавал курсы политики и экономики в Ереванском государственном университете и в Государственном университете Боулинг-Грин (штат Огайо, США), концентрируя внимание на вопросах, связанных с

Кавказом и Соединенными Штатами. Геворг получил ученую степень доктора наук по лингвистике турецкого языка в Московском государственном университете, степень магистра (общественный строй и политика) в Университете Ланкастера и степень магистра (административное управление) в Государственном университете Боулинг-Грин.

Кетеван (Кети) Хапава получила степень бакалавра в области клинической психологии и степень магистра в области публичной политики в Грузинском институте общественного администрирования (GIPA), где она в настоящее время преподает. Она также является докторантом Государственного университета Ильи в области исследования самоидентификации. С 2001 г. Кетеван участвовала в различных проектах, связанных с управлением межэтническими отношениями, миротворчеством и психосоциальной реабилитацией, в сотрудничестве с международными организациями, такими как Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств, International Alert, Фонд Генриха Бёлля и War child Netherlands. В числе направлений ее исследований – этничность, межэтнические отношения, социальное восприятие, психосоциальная травма и механизмы приспособления.

Мифы и конфликты на Южном Кавказе

Предисловие

«Миф — это особая коммуникативная система, метаязык (суперязык, язык о языке), передающий сообщение, которое является совокупностью смыслов, создающих скрытый идеологический дискурс; с одной стороны миф старается изменить действительность таким образом, чтобы она соответствовала ценностям мифообразующего сознания; с другой стороны он старается скрыть свою идеологизованность и воспринимается воспринимающим как само собой разумеющееся, естественное положение вещей. Миф — это не пережиток архаичного сознания, а огромная часть современной культуры, которая реализует себя через рекламу, средства массовой информации, кино и другие нарративы» —

Ролан Барт¹

В данном издании представлены исследовательские работы, старающиеся пролить свет на создание и передачу на Южном Кавказе мифов и доминирующих нарративов, связанных с конфликтами в этом регионе. Особое внимание уделено тому, как связанные с конфликтами мифы становятся объектом манипуляций во внутривнутриполитической жизни, как создаются «образы врага» и как это, в свою очередь, усиливает сопротивление разрешению данных конфликтов. Одной из наиболее пагубных язв, разъедающих общества, находящиеся в состоянии конфликта, является «образ врага». Утилизация этого образа разными политическими группами и конструирование ими образа «внутреннего врага» становится средством общественного контроля, сужает пространство рефлексии и критического осмысления общественно-политических процессов, затрудняет свободный обмен мнениями и принятие прагматичных решений.

В данном исследовании предпринята попытка поднять вопросы, связанные с табуированными темами, по которым существует исторически сложившийся общественный консенсус, не позволяющий сделать их объектом изучения и переосмысления, что потребовало от исследователей определенной гражданской смелости. Поэтому мы хотели бы выразить благодарность и уважение всем участвовавшим в данном проекте южно-кавказским исследователям и партнерам за их решимость и мужество.

Исследовательские задачи и вызовы

Проект ставил перед собой две достаточно амбициозные задачи. Прежде всего мы приступили к организации процесса, в рамках которого можно было бы собрать представителей гражданского общества из всех конфликтных регионов Южного Кавказа и предложить им совместное методологическое осмысление влияния на жизнь в их обществах

¹ Барт Р. «Миф сегодня» Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, Прогресс. Универс, 1994 г. Стр. 72—130

табуированных там тем. Этим мы хотели сместить фокус с критической оценки «другой стороны» в конфликте (что часто наблюдается в «кросskonфликтных» инициативах) на критическое осмысление доминирующих мнений, социальных образов и связанных с ними установок, превалирующих в обществах самих исследователей. Несмотря на крайнюю деликатность и чувствительность данной задачи, мы постарались придать ей «конфликтную чувствительность» следующим образом: в проект были привлечены представители всех без исключения конфликтных регионов, что дало возможность синхронной работы в плане рефлексии собственных обществ/сторон. Это обеспечивало нужный баланс в работе: представитель каждой из сторон осмысливал свое референтное общество не в одностороннем порядке, а в ходе синхронизированного процесса. Вместе работали абхазские, армянские, азербайджанские, грузинские, осетинские исследователи (преимущественно молодые социологи, политологи и журналисты). Участвовали также и представители России как заинтересованной в Южно-Кавказском регионе стороны. Таким образом, проект создал общую платформу для синхронного критического переосмысления роли мифов, связанных с конфликтами в референтных обществах участников. Это, в свою очередь, дало возможность для обмена информацией, идеями, для сравнительного анализа и, что более важно, помогло выявить универсальные процессы в каждом из южно-кавказских сообществ, часто зеркально отражающие друг друга по разные стороны конфликтов.

Вторая задача этого исследовательского проекта заключалась в создании высококачественной продукции в виде исследовательских докладов, предоставляющих соответствующим обществам пищу для размышления.

Процесс на деле оказался еще более сложным, чем можно было предположить на стадии его разработки. В частности, мы столкнулись с двумя проблемами:

- необходимостью найти исследовательские ресурсы среди молодежи Южного Кавказа, где нет сложившихся исследовательских традиций, особенно для проведения качественных исследований. Мы решили эту проблему путем наращивания потенциала менее опытных коллег, которые получали поддержку более опытных исследователей;
- необходимостью найти правильный тон подачи результатов исследований, который стимулировал бы читателей остановиться и задуматься, отрефлексировать, дистанцироваться от бытующих в социуме мифов и выработать свою, информированную позицию. Риск заключался в том, что неправильный тон мог привести к обратному эффекту – вызвать раздражение, негативные эмоции и сопротивление, что еще более укрепило бы укоренившиеся клише и стереотипы.

Надеемся, что нам удалось достойно ответить на эти вызовы.

Содержание исследования

В исследовательском проекте проанализированы три средства или механизма создания и распространения мифов: учебники истории, политический дискурс и средства массовой информации, в том числе и блогосфера.

В данном томе мы приводим результаты исследования политического дискурса. В этом блоке показано, как «образ врага» используется во внутривнутриполитической борьбе южно-кавказских обществ, находящихся в условиях затянувшихся конфликтов вот уже третье десятилетие. Исследования данного блока не следуют общей методологии, они были предложены самими авторами: некоторые из них носят более социологический характер и опираются на метод анализа дискурса, другие основаны на политическом анализе. Вне зависимости от используемого подхода и методологии, все без исключения статьи однозначно показывают, каким образом такие социальные мифы постконфликтных обществ, как «образ врага», ощущение себя в качестве «жертвы» и поиск «спасителя» используются для манипулирования общественным мнением. Интересно отметить, что исследователи в равной степени критично относятся как к проправительственным, так и к оппозиционным политическим дискурсам, которые используют образы врага для продвижения своих политических программ, зачастую изобретая новые мифы о «внутренних врагах», когда внешние угрозы перестают служить их целям. Тем самым они вносят лепту в стагнацию внутривнутриполитической жизни и сдерживание демократических процессов.

В другом томе представлены результаты исследования учебников истории. Это исследование представляет собой сравнительный анализ освещения процесса «советизации» Кавказа (от революции октября 1917 г. до принятия в 1936 г. новой конституции СССР) в учебниках советского и постсоветского периодов. Здесь авторы блока работали по стандартной схеме и методологии, основанной на анализе дискурса учебников, использовавшихся в соответствующих обществах. В дополнение к исследовательским материалам, представляющим «советизацию», мы включили также совместную работу двух авторов, посвященную новой интерпретации нарративов, относящихся к Нагорно-Карабахскому конфликту, в армянских и азербайджанских учебниках истории.

Результаты показывают, что новые (постсоветские) учебники основаны на той же идеологической парадигме, что и советские учебники. Они используют тот же язык, националистический дискриминационный дискурс, исключают понимание истории как нарратива и предлагают фактически советские эссенциалистские образцы понимания исторических реалий и современного положения дел. «Дружба между народами» уступила место пересмотренным национальным историям, враждебным по отношению к «другим» и предлагаемым в качестве «истин», которые должны запомнить дети, что приводит к закреплению образа врагов в психологии нации. Существующий разрыв между преобладающим в нашем регионе эссенциалистским дискурсом и современным

постмодерным мышлением свидетельствует о том, что новое поколение воспитывается именно на мифах, которые, как показывает политический блок наших исследований, часто заводят наши общества в состояние стагнации и ценностного тупика.

Третий исследовательский блок, посвященный СМИ, объединяет изучение господствующей тенденции журналистской этики и преобладания образов врага в быстро растущей блогосфере. Изучение журналистской этики показало, как зачастую трудно провести границу между объективностью и патриотизмом во времена конфликтов. Была подчеркнута важность разработки собственных норм этического поведения, что позволит журналистам управлять их этическими дилеммами и избегать манипуляции со стороны политической дезинформации. Изучение блогосферы, в которой доминирует более молодое поколение, выявило, в сколь широкой степени нарративы и негативные стереотипы, распространяемые большой политикой, образованием и СМИ, воспринимаются и далее распространяются этим молодым поколением. Чувствуется, что если предыдущие поколения обладали «представлением о другом» до конфликта начала 90-х годов, то целое новое поколение выросло без такого представления.

Несмотря на пессимистическую картину, которая вырисовывается из заключений наших исследователей, мы полагаем, что данная публикация все же дает повод для оптимизма. Во-первых, для оздоровления наших обществ надо сначала осуществить правильную «диагностику», выявить реальные (а не мифологизированные) проблемы. Можно с уверенностью сказать, что эта задача выполнена в данном раунде исследовательской работы. Мы рассматриваем как достижение уже сам факт, что данные исследования начали обсуждение столь табуированных тем. Достижением, по нашему мнению, является и тот факт, что они опубликованы и будут предложены для рассмотрения более широкому кругу читателей, которым, будем надеяться, данная книга даст пищу для размышлений и послужит стимулом для переосмысления устоявшихся клише и стереотипов. Надеемся также, что знания, собранные на страницах данной книги, внесут свою лепту в преодоление эссенциализма будущими поколениями жителей Кавказского региона. Это, в свою очередь, даст возможность Кавказским обществам выявить альтернативные пути осмысления общественно-политических процессов, что сделает возможным более позитивное взаимодействие в данном регионе.

Хотим поблагодарить всех без исключения участников и руководителей проекта за искреннее и целеустремленное сотрудничество и надеемся, что читатели получат удовольствие от чтения результатов исследований.

Редакторы.

ВВЕДЕНИЕ

Инструментализация темы конфликта в политическом дискурсе

Лиана Кварчелия

Переходный период после развала СССР стал для большинства постсоветских образований сложным и во многом болезненным процессом. Трансформация политической системы и экономических отношений обнаружила серьёзные внутренние противоречия и разнонаправленные тенденции в постсоветских обществах. Во многих случаях, с одной стороны, наряду с определенной степенью либерализации общественных и экономических отношений сохраняется авторитарный стиль управления. С другой стороны, в самих обществах постепенно формируется потребность в серьезных институциональных изменениях, открывающих путь к более широкому гражданскому участию. В противоречие вступают командно-административная система управления и запрос на политическую модернизацию, часто интуитивный на уровне широкого общества и артикулированный на уровне политических партий, общественных организаций и СМИ. Кроме того, в молодых государствах независимо от того, идет ли речь о полиэтничных обществах с более или менее равным количественным представительством этнических общин или же о сообществах, где подавляющее большинство составляет, согласно советской терминологии, «титовская нация», наблюдается столкновение этнонациональной идеологии и гражданских ценностей.

Однако наиболее серьезным вызовом для стабильности на Южном Кавказе после распада СССР стали этнополитические конфликты между бывшими советскими союзными и автономными образованиями, в которых оспаривалась идентичность тех или иных народов, их право на самоопределение, предъявлялись территориальные претензии. Помимо прочего, конфликты остаются фактором, оказывающим серьезное воздействие на характер и динамику внутривнутриполитических процессов в южно-кавказских сообществах.

В ситуации этнополитического конфликта наиболее мощным катализатором для консолидации общества естественным образом становятся внешние угрозы. Однако в сочетании со слабыми демократическими институтами и невысокой политической культурой наличие конфликта создает среду, в которой политические элиты склонны манипулировать общественным сознанием. В основе манипулирования – стремление элит обеспечить собственное безраздельное лидерство. Монополизируя статус носителей национальной идеи, элиты борются с инакомыслием, навязывая обществу мысль о том, что политический плюрализм якобы опасен в ситуации внешней угрозы, а критика власти – это вызов государственным интересам, самой национальной идее.

Этнополитические конфликты, как правило, носят затяжной характер, но они, тем не менее, не способны бесконечно сдерживать проявление политического плюрализма. Апеллирование к опасности диссоциации в ситуации перманентной внешней угрозы с течением времени перестает серьезно восприниматься обществом, испытывающим недовольство состоянием дел в стране, и не может далее служить препятствием к появлению конкурирующих политических программ. Однако это не означает, что тема «конфликта» и сопутствующие образы «врага», «предателя», «героя», «антигероя» и т.д. исчезают с внутривнутриполитической повестки дня, тем более в ситуациях, когда конфликты все еще остаются неурегулированными.

В данном разделе авторы на примере политических процессов в Абхазии (Л. Кварчелия), Азербайджане (И. Аббасов), Армении (М. Ованесян), Грузии (К. Хапава), Нагорном Карабахе (Г. Багдасарян) и Южной Осетии (Э. Кабулов) попытались проанализировать, каким образом происходит интернализация темы этнополитического конфликта и сопутствующих образов в соответствующих внутривнутриполитических дискурсах. Авторы исследуют механизмы, мессиджи и средства, с помощью которых осуществляются мобилизационные практики, основанные на утилизации темы конфликта и общественной травмы. Особое внимание уделяется кризисным периодам, связанным, в частности, с избирательными кампаниями, или эмоционально нагруженным памятным или историческим датам. В статьях анализируется роль наиболее значимых образов – «внешнего врага», «друга», «внутреннего врага», «героя» – в создании новых политических мифов, в значительной степени влияющих на траекторию общественно-политического развития в странах Южного Кавказа.

Несмотря на специфику каждого индивидуального контекста, очевидны параллели как на инструментальном уровне, так и в плане социальных и политических последствий утилизации темы конфликта во внутривнутриполитической жизни стран Южного Кавказа. Авторы параллельно приходят к выводу о том, что без критического восприятия современных политических практик сложно говорить об устойчивости демократических процессов и социальной зрелости постсоветских обществ, равно как и о создании условий для трансформации затяжных конфликтов на Южном Кавказе.

ГЛАВА 1

Утилизация темы грузино-абхазского конфликта в избирательном процессе в Абхазии

Лиана Кварчелия

Введение

Использование в посттоталитарных обществах негативных мобилизационных практик, основанных на утилизации темы конфликта и сопутствующих образов, в частности, образа врага, – явление достаточно распространенное. При всей схожести мотивации, принципов и механизмов, задействованных в подобных практиках, масштаб и характер их воздействия на общество может определяться особенностями культурно-исторического развития социума, а также настоящим контекстом, в котором тестируется способность общества реагировать на современные вызовы.

В данной работе предпринята попытка проанализировать характер внутренних мобилизационных практик, используемых в Абхазии основными политическими игроками в борьбе за власть и политическое влияние, а также выявить роль и место образов, связанных с грузино-абхазским конфликтом, во внутриполитическом дискурсе на примере абхазского избирательного процесса. В статье не ставится задача углубленно изучить причины, механизм и алгоритм формирования образа «внешнего врага». Здесь скорее исследован вопрос о том, как образ «внешнего врага» используется для конструирования образа «внутреннего врага», а также предпринята попытка проанализировать социальные последствия подобных мобилизационных практик для абхазского общества.

Таким образом, мы попытались взглянуть на проблему утилизации темы конфликта с точки зрения нескольких факторов. Во-первых, важно было учесть контекст, в котором используются мобилизационные технологии. Данный контекст включает, в первую очередь, опасения, связанные с грузино-абхазским конфликтом, а также вызовы, сопровождающие становление частично признанного независимого государства, находящегося в процессе демократического транзита. Именно в таком контексте формируются ключевые проблемы/угрозы, в связи с которыми конструируются образы «врага» и «друга».

Во-вторых, мы попытались выявить задействованные в абхазских мобилизационных практиках категории «врагов» и «друзей», определить референтные и опорные группы, для которых и через которые озвучиваются те или иные политические мессиджи.

В-третьих, была сделана попытка проанализировать механизм и мотивационную основу для конструирования образа «внутреннего врага».

Наконец, в-четвертых, мы попытались выявить, какова степень сопротивляемости абхазского общества воздействию негативных мобилизационных технологий с использованием темы конфликта.

Использование «образа врага» как политическая технология

Практика рекрутирования сторонников и легитимации политических претензий различных политических групп на основе манипулирования общественным сознанием довольно широко распространена в постсоветских странах. Наиболее наглядно она проявляется в электоральных процессах. Выборы – это действенный политический инструмент независимо от того, носят ли они фасадный характер в условиях «управляемой демократии» или являются подлинно альтернативными. В обоих случаях они требуют от политических элит выработки эффективной мобилизационной стратегии в отношении избирателей.

В силу того, что в ситуациях неразрешенных этнополитических конфликтов существуют реальные внешние угрозы, к которым можно апеллировать вполне обоснованно, для манипулирования общественным сознанием часто используют «образа врага». Апеллирование к теме «врага» помогает властям оправдывать в глазах граждан собственные провалы во внешней и внутренней политике. С помощью этого образа различные политические группы пытаются дискредитировать своих политических оппонентов. Являясь инструментом социального контроля, манипулирование «образом врага» помогает политическим элитам добиваться от электората выгодного для той или иной политической группы поведения, сохраняя у объектов манипулирования иллюзию свободного выбора.¹ Такая практика нацелена на подавление в обществе критического мышления и поощрение «недомыслия», на подмену осознанного отношения к происходящему чувственно-эмоциональными реакциями.²

Нельзя сказать, что манипулятивные технологии применяются на, что называется, «невспаханном поле». Само постсоветское общество, унаследовавшее от тоталитарного режима специфические установки и фобии, представляет собой благодатную почву, в которой стереотипизированное массовое сознание формирует вполне ожидаемый социальный запрос. В итоге, соединение соответствующего социального запроса с идеологическим манипулированием создает необходимые условия для регулярного появления во внутреннем общественно-политическом дискурсе темы «врага». В закрытых обществах использование «идеологемы врага» как политической практики производит «специфический сброс институциональной «сложности», блокировку модернизационного развития, плебейское упрощение или уплощение социокультурной организации общества».³

1 *Техника конструирования политического имиджа и его воздействия на СМИ*, ADV Energy Рекламное Агентство. Доступен на 2/1/13. Сайт по адресу <http://www.adv-energy.com.ua/infos/v/293>

2 К. Каландаров (1998 г.). *Управление общественным сознанием. Роль коммуникативных процессов*. Москва: гуманитарный центр «Монолит».

3 Л. Гудков (2004 г.). *Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. Авторский сборник*. Москва: Новое литературное обозрение.

В переходных обществах меняющаяся внешняя среда и внутренние трансформационные стимулы в контексте обновляющихся социальных отношений ставят серьезный вопрос о том, в какой именно парадигме будет развиваться идентичность социума. В этом смысле существует опасность, что данный вопрос может утонуть в популистской риторике политических групп, которые иногда называют «проигравшими от модернизации».⁴ Не готовые и часто неспособные взять на себя ответственность за серьезные институциональные реформы, такие политические группы видят в качестве сверхцели приход к власти или самосохранение во власти. Неудивительно поэтому, что они не в состоянии предложить обществу никакой другой консолидирующей идеи, кроме «образа врага», призванной объединить общество вокруг них – «истинных патриотов», обладающих эксклюзивным пониманием сакрального смысла государственности. Их псевдопатриотическая риторика, обостряющаяся в электоральный период, будучи замешанной на теме «врагов», «предателей» и прочих дискредитирующих конкурента понятия, начинает строго регламентировать общественные отношения и общественный дискурс, наделяя «оракулов» неформальной властью арбитров, обладающих монополией на патриотизм. Таким способом общество загоняется в квазиреальность, где в «лучших» популистских традициях желаемое выдается за действительное, а рационализм как «сомнительный» феномен выталкивается за пределы заботы об интересах социума. В результате общество на долгие годы может стать заложником мифологизированных представлений о реальности.

Ключевые угрозы, формирующие «образ врага»

Особенности мобилизационных практик, в основе которых лежит конструирование значимых для абхазского общества образов, невозможно понять, не обратившись к политическому контексту, в котором развивалась Абхазия до и после распада СССР. Поэтому постараемся выделить основные факторы, влиявшие на характер политического развития Абхазии в течение нескольких десятилетий.

Доминирующим фактором, определившим на долгие годы характер общественно-политического развития Абхазии, является грузино-абхазский конфликт, на развитие которого существенным образом повлияли демографические изменения в результате Кавказской войны в XIX в., а также сталинская политика ассимиляции и грузинизации Абхазии. Открытая фаза конфликта связана с грузино-абхазской войной 1992-1993 гг. Интересную закономерность отметил В. Волкан, подчеркнувший, что «по мере того, как наличие врага кристаллизует самоидентификацию нации, этот хронический конфликт становится инкрустированным в ее идентичность».⁵

4 Н. Баранов *Популизм в странах Центральной и Восточной Европы*. Лекция 9 по курсу «Политические трансформации посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы». Доступен 2/1/13 на персональном сайте Николая Баранова. http://nicbar.ru/polit_trans_lekzia9.htm

5 V.D. Volkan (В.Д. Волкан) (1988 г.). *The Need to Have Enemies and Allies* (Необходимость иметь врагов и союзников). Northvale, стр. 5.

Центральный негативный образ в коллективном сознании сегодняшнего абхазского социума – это «образ врага» в лице грузин. «Образ врага», как известно, формируется на основе опасений и угроз, с которыми ассоциируется противник. В случае Абхазии на более ранних этапах речь шла об угрозах политических, демографических и культурных. Демографическая угроза была связана, в первую очередь, с вынужденным переселением значительной части абхазского населения за пределы Абхазии в результате Кавказской войны во второй половине XIX в. В этот период в Абхазии начали селиться армянские беженцы из Турции и переселенцы из разных частей Российской империи, при этом значительную часть мигрантов составляли грузины. Однако наиболее массовое заселение Абхазии мигрантами связано с переселением грузинского населения в сталинский период.

В это же время актуализировалась угроза, связанная с сохранением культуры и языка. В 40-х гг. XX столетия графическая основа абхазского языка была переведена с латинского на грузинский алфавит. Вскоре абхазский язык был и вовсе вытеснен из школ. Вместо него был введен грузинский как основной язык обучения. В это же время в единственном высшем учебном заведении Абхазии – Педагогическом институте, был закрыт факультет по подготовке учителей абхазского языка. Кроме того, в этот период многие абхазские топонимы были заменены грузинскими географическими названиями.

Что касается политической угрозы – ликвидации абхазской государственности, то в новейшей истории она также связана с эпохой Иосифа Сталина. Именно в его правление (1931 г.) и по его инициативе статус Абхазии как договорной союзной республики в составе СССР был понижен до статуса автономии в составе ГССР.

Эксперты, занимающиеся проблемами грузино-абхазских взаимоотношений, часто задаются вопросом: почему в абхазском общественном сознании в качестве «врага» выступает именно Грузия, а не советская машина в целом, переломившая судьбы как отдельных людей, так и целых народов? Ответ на этот вопрос связан не просто с тем, что И. Сталин был грузином по национальности, а с тем, что в отношении Абхазии под его началом проводилась насильственная политика грузинизации, породившая целый ряд проблем во взаимоотношениях двух народов и заложившая в отношения между ними мины замедленного действия. Следует также отметить, что в своем большинстве абхазское общество осуждает период сталинизма скорее в связи с нарушением именно коллективных прав абхазского этноса, нежели в связи с нарушением индивидуальных прав тоталитарным режимом в этот период.

Само понятие «враг» предполагает одновременное наличие «друга» как противоположного элемента, образующего соответствующую дихотомию. Если попытки ассимиляции/ грузинизации абхазов положили начало формированию «образа врага» в лице Грузии, то с уходом Сталина в абхазском восприятии за Москвой (центром) все больше стал укрепляться «образ друга» и «старшего брата», к которому можно было апеллировать в связи с поползновениями со стороны Грузии. Особенно актуальной стала роль «центра» в период расширения национальных движений в Грузии и Абхазии во времена перестройки.

«Образ друга» в наибольшей степени закрепился за Россией после признания Москвой независимости Абхазии в 2008 г.

Распад СССР породил новую, еще более разрушительную угрозу – угрозу физической безопасности абхазского народа, исходящую от нового государства – Грузии. Эта угроза связана с войной 1992-1993 гг. Сам факт введения грузинских военных формирований на территорию Абхазии, военные действия со всеми вытекающими последствиями и потерями, а также артикулированная командующим грузинскими войсками угроза физического уничтожения всего абхазского этноса добавили эмоционально и психологически наиболее сильные элементы в уже окончательно сформированный образ «врага». Намеренное сожжение грузинскими военными в присутствии свидетелей зданий Абхазского государственного архива и Института абхазской истории, языка и литературы стало для абхазов символическим актом уничтожения абхазской идентичности. В период, последовавший после окончания грузино-абхазской войны, и по сей день грузинская политика изоляции и маргинализации Абхазии, сопровождаемая не только воинственной, но и уничижительной и даже расистской риторикой («пигмеи, поднимающие людей против человечества», «лилипуты (абхазы), опутавшие ноги Гулливера (Грузии)», «марионетки Москвы», «варвары» с «монголоидной идеологией» и т.д.⁶), воспринимается как зло, неизбежно исходящее от главного противника. Сам факт отрицания Грузией в последние годы наличия грузино-абхазского конфликта и отказ рассматривать Абхазию как сторону в переговорах, в то время как акцент переносится исключительно на конфликт Грузии с Россией, трактуется как оскорбительное игнорирование Абхазии в качестве актора.

В совокупности все перечисленные угрозы создали в обществе устойчивый «образ врага» в лице Грузии, сформировали осознанную коллективную потребность в защищенном от Грузии существовании и стали теснить в абхазском политическом дискурсе иные аргументы в пользу независимости абхазского государства. Однако Грузия как враг не стала единственным враждебным персонажем в массовом сознании абхазского общества. Если Россия – друг, ставшая заслоном между Грузией и Абхазией и удовлетворившая, тем самым, потребность абхазского общества в изолированности от Грузии и исходящих от нее угроз, то Запад (в большей степени США), в силу своей односторонней позиции в поддержку «территориальной целостности» Грузии, стал восприниматься в массовом сознании, по меньшей мере, как недружественная абхазам сила. Таков в упрощенном виде фон, на котором происходит политическая дифференциация и формируются процессы внутриполитической конкуренции в Абхазии, и который определяет основные параметры мобилизационных сценариев.

6 Э. Шеварднадзе. «Речь на Генеральной Ассамблее ООН», 25 сентября 1992 г.; «По словам Саакашвили, Грузия будет противостоять врагу курортами», *Civil.ge*, 23 Апреля 2011 г. Сайт по адресу <http://www.civil.ge/rus/article.php?id=22437>

Тема грузино-абхазского конфликта как основной мобилизационный инструмент президентской избирательной кампании 2004 г. в Абхазии⁷

Как и во многих других постсоциалистических странах⁸ на начальных этапах демократического транзита, популизм в Абхазии стал влиятельной силой во взаимоотношениях политических элит (властных и оппозиционных) и общества. Параметры популистского дискурса задаются следующими обстоятельствами: 1) для популизма характерна дихотомическая картина мира;⁹ 2) в условиях неурегулированного этнополитического конфликта дихотомия «свой» – «чужой» предопределена по своему характеру и направленности; 3) наиболее благодатную почву для популизма создают кризисные ситуации,¹⁰ а именно таковыми в переходных обществах являются выборы, включая предвыборную и поствыборную ситуации.

Первые альтернативные президентские выборы в Абхазии состоялись в 2004 г., т.е. спустя 10 лет после обретения Абхазией независимости. Десятилетие, предшествовавшее альтернативным выборам, было тяжелым с экономической, политической и психологической точек зрения. Абхазия, по требованию Грузии и по решению саммита СНГ (1996 г.), долгие годы находилась в режиме международных санкций. В ходе переговорного процесса на руководство Абхазии оказывалось давление практически со стороны всех международных посредников, требовавших от абхазских властей односторонних политических уступок. Эти и другие факторы способствовали формированию в абхазском обществе психологии «осажденной крепости», которая в известном смысле работала на цементирование, с одной стороны, «образа врага», с другой – на формирование еще более солидаризированной общности, противостоящей внешнему враждебному окружению. Однако, если с течением времени сам по себе «образ врага» в общественном восприятии не претерпел существенных изменений, и по отношению к стоящему за этим образом противнику общество в целом сохранило свою солидарность, то по отношению к вопросам внутреннего характера (кадровая политика, основанная на клиентелизме, характер распределения ресурсов в условиях и без того тяжелого экономического положения, сложная криминогенная обстановка и т.д.) общественное мнение стало дробиться. Появление оппозиционных партий, свободных СМИ и гражданских организаций стало важным свидетельством того, что в условиях внешней закрытости (непризнанности)

7 В Абхазии регулярно проходят выборы разного уровня: президентские, парламентские, а также в местные органы самоуправления. В 1994 г., практически через несколько месяцев после окончания войны, Парламент Абхазии избрал Президентом страны Владислава Ардзинба, возглавлявшего с 1990 г. Верховный Совет Абхазии, переименованный в 1994 г., согласно новой Конституции, в Народное Собрание – Парламент Республики Абхазия. Во вторых президентских выборах (в 1999 г.) участвовал единственный кандидат – действующий на тот момент Президент Ардзинба. Третьи президентские выборы (в 2004 г.) стали первыми альтернативными президентскими выборами в истории независимой Абхазии. На этих выборах кандидат от власти, поддержанный лично первым Президентом Абхазии В. Ардзинба, потерпел поражение, а Абхазию возглавил второй Президент Абхазии Сергей Багапш.

8 См. Баранов, Н. Указ. соч.

9 У. Альтерматт (2000 г.) Этнонационализм в Европе. Москва: РГГУ.

10 Баранов, Н. Указ. соч.

Абхазии, ее формальной отчужденности от международных институтов и процессов, более того, в условиях действовавших политических и торгово-экономических санкций, в Абхазии, тем не менее, закладывались основы открытого общества.

В условиях такого «причудливого симбиоза авторитарно-демократических элементов»¹¹ прошли вторые парламентские выборы (2002 г.), в которых уже тогда были активно задействованы оппозиционные силы.¹² Несмотря на то, что главное на тот момент оппозиционное движение «Аитаира» было вынуждено публично призвать своих сторонников бойкотировать избирательный процесс, политическая жизнь в Абхазии окончательно развернулась в сторону плюрализма и политической конкуренции. Но одновременно в нее надолго вошла практика использования идеологемы врага и соотнесенных с ней других негативных идентификаций.

В 2002 г. мишенью для нападок со стороны власти стали не только оппозиционные силы, но и НПО, которые, не будучи участниками оппозиционного движения, занимали критическую позицию в отношении власти по отдельным вопросам внутреннего развития и являлись сторонниками последовательной демократизации Абхазии. В сущности, раздражение у власти и ее сторонников, в основном традиционалистского толка, вызывал политический активизм гражданских организаций и их приверженность демократическим ценностям. Гражданские ценности в упрощенном представлении политиков и экспертов этноцентристского толка воспринимались как угроза традиционной культуре, а следовательно и абхазскому государству в целом.¹³ Нацеленность представителей НПО на поиск адекватных ответов на вызовы, стоящие перед абхазской государственностью, ответов, позволяющих сочетать усилия по укреплению и развитию абхазской культуры и абхазского языка как государственного с укреплением гражданских ценностей и принципа инклюзивности в таком полиэтничном обществе, как абхазское,¹⁴ противники НПО воспринимали как проявление «излишне серьезного» отношения к Конституции Абхазии.¹⁵

Однако прямо критиковать НПО за отстаивание демократических принципов они, по крайней мере поначалу, не хотели, и поэтому искали другой, более «удобный» повод для того, чтобы настроить общество против представителей неправительственного сектора. Таким поводом послужил диалог между представителями абхазского и грузинского гражданских обществ (под эгидой международных организаций) на тему конфликта, а также сотрудничество НПО с международными организациями. Не особенно вдумываясь

11 Баранов, Н. Указ. соч.

12 Первые альтернативные парламентские выборы состоялись еще в 1996 г. Однако в то время еще не сформировались оппозиционные движения и конкуренция носила скорее персональный характер.

13 А. Инал-Ипа (2011 г.). *Деизоляция в абхазском общественном дискурсе* в International Alert (2011а). «Деизоляция Абхазии». London. Сайт по адресу <http://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/201104DeisolationAbkhaziaRU.pdf>

14 Хотя абхазский язык имеет статус государственного, фактическим рабочим языком в Абхазии является русский язык.

15 Конституция Республики Абхазии основана на демократических принципах разделения властей и содержит ссылки на основные международные документы, включая «Всеобщую декларацию прав человека».

в суть и возможные политические и дипломатические дивиденды гражданского диалога между представителями стран, находящихся в состоянии конфликта, а также игнорируя важность контактов с западным экспертным и дипломатическим сообществом для страны, находящейся в международной изоляции и добивающейся международного признания, сторонники власти клеймили НПО с единственной целью – лишить гражданские организации либерального толка общественной легитимности. Попытки дискредитации НПО являлись частью более широкой стратегии по недопущению укрепления в стране оппозиционных настроений.

Наиболее агрессивно манипулятивные технологии были использованы во время президентских выборов 2004 г., во время которых политическая конкуренция достигла беспрецедентного накала, а общественный запрос на перемены, в том числе на смену политической элиты, был, как никогда, четко артикулирован рядом политических движений, включая ветеранскую организацию. Именно 2004 г. оказался переломным с точки зрения формирования в Абхазии демократической культуры конституционной смены власти, хотя приход оппозиции к руководству не обошелся без обострения ситуации и создания подобия коалиционного правительства.

2004 г. оказался переломным и с точки зрения широкомасштабного использования «образа врага» как главной мобилизационной технологии. Власть попыталась максимально использовать общественную солидарность по отношению к внешнему врагу для мобилизации электората против внутренних политических конкурентов. Поскольку речь шла о смене руководства, которое долгие годы, вплоть до своей болезни, возглавлял бесспорный лидер абхазского национально-освободительного движения В. Ардзинба, сторонники власти попытались произвести подмену тезиса, поставив знак равенства между оппозицией к властной элите и оппозицией к национально-освободительному движению, к самой национальной идее, к абхазскому государству в целом. Оппозиционеры и их сторонники были объявлены «прогрузинскими» силами, выражающими враждебные интересы. Тот факт, что некоторые из оппозиционных кандидатов в президенты в советское время работали в партийных органах Грузинской ССР, использовался для того, чтобы представить этих кандидатов в глазах избирателей как политически неблагонадежных политиков. Задача заключалась в том, чтобы вызвать у общества высшую степень недоверия в отношении оппозиции и, в случае необходимости, побудить население к протестным действиям.

В сложной общественно-политической ситуации абхазские НПО организовали общественное наблюдение за выборами и выступили с результатами своего наблюдения в суде, где оспаривались итоги выборов.¹⁶ Мнение Лиги Избирателей, подтвердившей победу оппозиционного кандидата, было интерпретировано проигравшими как прямая поддержка оппозиции.

¹⁶ Лига избирателей «За честные выборы» была создана в преддверии президентских выборов 2004 г. и объединила как представителей НПО, так и рядовых граждан.

С целью дискредитации НПО сторонники проигравшей команды связали общественное наблюдение со стороны неправительственных организаций с «грузинским следом». Проведение параллели между абхазской «Лигой избирателей за честные выборы» и грузинским движением «Кмара» (активным участником «Революции роз» в Грузии) должно было означать, что якобы за заявлениями Лиги о поддержке демократического избирательного процесса на самом деле стоят «враждебные силы», цель которых – привести к власти политические группы, лояльные Грузии. Те однозначно интерпретируя известные события в Грузии и в других постсоветских странах как «экспорт революций», «срежиссированный» Западом, проигравшая сторона попыталась представить победу оппозиции в Абхазии как продвижение грузинских интересов при поддержке западного сообщества. Очевидно, что через мифологизацию «роли» Грузии в плюралистическом развитии Абхазии происходило реконструирование «образа врага» и конструирование производных от него образов «предателей» и «приспешников».

Несмотря на массивную агитационную кампанию, значительная часть избирателей не восприняла серьезно идеологические ярлыки и в целом популистский дискурс сторонников прежнего руководства. Во-первых, обвинения против оппозиционных политиков базировались на предполагаемых связях с Грузией в силу прошлой деятельности этих политиков – в период их работы в советских органах в Тбилиси. Это делало аргументы обвинителей не столь актуальными в глазах общества, поскольку они были обращены к распространённой советской практике подготовки партийных кадров, а в абхазском дискурсе, в отличие, например, от грузинского, за исключением аспектов, связанных с попытками грузинизации, советское прошлое в целом не демонизировалось.

Во-вторых, в таком маленьком обществе как абхазское, где каждый человек на виду, где общество часто знает не только биографию политика, но и его родословную, сложно приписать кому-либо не совершенные им проступки или преступления.

В-третьих, к 2004 г. общественная потребность в серьезных переменах во всех сферах жизни в Абхазии была невероятно высока, поэтому голосование в пользу оппозиции во многом было протестным. Избирателей не сбило с толку даже участие в кампании на стороне кандидата от власти российских политиков и деятелей культуры (пример эксплуатации «образа друга»). Хотя в итоге большая часть электората проголосовала за оппозицию, печальным результатом использования политтехнологий стал глубокий раскол в обществе, приведший к небывалому внутреннему антагонизму, который и сегодня не до конца преодолен.

Утилизация «образа друга» в конкурентной борьбе за власть

Тема «врага» еще не раз актуализировалась в выборные периоды (2009, 2011 гг.). Условно говоря, с момента появления в Абхазии оппозиции в качестве основных политических сил определились победившие на выборах 2004 г. «прагматики» и проигравшие «традиционалисты».¹⁷ До недавнего времени тема «врага» озвучивалась, в основном, политическими группами, представляющими в абхазской политической конфигурации именно традиционалистское крыло. Соединяя своеобразным образом этноцентризм с советской ментальностью, «традиционалисты» поначалу самоутверждались в качестве легитимной политической силы, идя от противного: они заявляли о том, что противостоят «врагам» и «приспешникам Грузии», каковыми объявлялись любые силы, находящиеся в оппозиции к действующей власти. Помимо этого традиционалисты фактически противопоставляли себя носителям «анти-ценностей советского общества».¹⁸ «Прагматики», пришедшие к власти в 2004 г., имели за плечами богатый советский опыт номенклатурной работы и, напротив, изначально позиционировали себя как менеджеры, ставящие во главу угла благополучие рядового гражданина. Однако, несмотря на печальный и, в известном смысле, неудачный опыт использования традиционалистами «образа врага» во время выборов 2004 г., именно «прагматики» перехватили инициативу и попытались извлечь политические дивиденды из дихотомии образов «врага» и «друга».

После признания независимости Абхазии Российской Федерацией в 2008 г. отношения между двумя государствами стали интенсивно развиваться. За короткий период был подписан ряд важных документов, включая рамочный Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а также соглашения о совместных усилиях по охране государственной границы Абхазии, о сотрудничестве в военной области и об объединенной российской военной базе на территории Абхазии.¹⁹ Россия стала для Абхазии главным стратегическим партнером, страной-донором, гарантом безопасности от угроз, исходящих от главного врага – Грузии. Однако, если восприятие «врага» в абхазском обществе более или менее целостно, то отношение к главному «другу» не лишено нюансов. В связи с некоторыми пунктами абхазо-российских соглашений в обществе появились опасения, связанные с возможным усечением суверенитета Абхазии, ростом военной, политической и экономической зависимости от России²⁰. Следует отметить, что нынешние оппозиционеры

17 Это условное деление. Среди «традиционалистов» есть явные «прагматики», а у «прагматиков» есть свои «традиционалисты». Более идеалистическое крыло традиционалистов искренне верит в собственные этнопопулистские лозунги, но есть и ситуативные традиционалисты, конъюнктурно использующие традиционалистскую риторику.

18 А. Фатеев (1999 г.). *Образ врага в советской пропаганде. 1945-1954 гг.*, доступен на 2/1/12. Сайт по адресу <http://psyfactor.org/lib/fateev9.htm>

19 М. Гургулия (2011 г.). *Частичное признание государственной независимости Абхазии: возможности и вызовы*, в International Alert (2011b). «Политика непризнания в контексте грузино-абхазского конфликта». London; С. Гезердава (2011b) *Государственный суверенитет Абхазии и взаимоотношения с Россией*, в International Alert (2011b). *Указ. соч.* Сайт по адресу http://www.international-alert.org/sites/default/files/publications/201103GeorgiaAbkhaziaRU_0.pdf

20 Там же.

(«традиционалисты»), также как и власть («прагматики»), считают Россию главным стратегическим партнером Абхазии. Однако с точки зрения оппозиционных политиков абхазо-российское партнерство не должно быть асимметричным. Согласно мнению оппозиции, именно власти Абхазии несут ответственность за возрастающую зависимость от Москвы, так как недостаточно последовательно отстаивают интересы своего государства.

Поскольку оппозиция уже заняла нишу «главных патриотов» vis-a-vis Грузии и уличить ее в «предательстве» государственных интересов через обвинение в коллаборационизме с «врагом» было сложно, то накануне президентских выборов 2009 г. «прагматики» попыталась выставить оппозиционных политиков как силу, выступающую против главного друга и защитника Абхазии от грузинской угрозы. Власти, вероятно, рассчитывали на то, что в обществе, которое после событий 2008 г. особенно высоко ценило роль России как главного сдерживающего Грузию фактора, критический настрой оппозиции будет восприниматься именно в таком ключе. Кроме того, нужно было маргинализировать оппозицию в глазах российских политиков на тот случай, если Россия решила бы оказать поддержку одному из кандидатов в президенты.

Неудачу оппозиции на выборах 2009 г. нельзя объяснить только успешным манипулированием общественным мнением со стороны «прагматиков». В обществе запрос на стабильность оказался сильнее, нежели запрос на реформы, а большинство избирателей на тот момент не связывало с оппозицией ни первое, ни второе. Сама оппозиция оказалась разобщенной и слабой. Будучи таковой, она, тем не менее, попыталась защитить себя в глазах абхазского общества и российского истеблишмента, заняв активную антизападную позицию.²¹ Антизападничество традиционалистов – это, с одной стороны, идеологическое неприятие гражданских ценностей, с другой – протест против двойных стандартов Запада, признавшего, к примеру, независимость Косово, но отказывающегося признавать Абхазию, с третьей стороны – это индальгенция против обвинений в антироссийских настроениях.

Можно сказать, что использование манипулятивных технологий всеми политическими игроками (и властью, и оппозицией) в конкурентной борьбе за власть, в конечном итоге загнало политическое сообщество Абхазии в жесткое пространство между «врагом» и «другом». В результате оппозиция выдает желаемое за действительное, преувеличивая степень заинтересованности России в укреплении абхазского суверенитета, наивно настаивает на преодолении асимметрии в отношениях с Москвой и одновременно критикует власть за тезис о «многовекторности»²² внешней политики. С другой стороны, сама власть вынуждена оправдываться по поводу идеи «многовекторности» и заверяет

21 А. Инал-Ипа (2011 г.). Указ. соч.; И. Хинтба (2011 г.). *Деизоляция через Запад: возможности и ограничения*, в International Alert (2011a) «Деизоляция Абхазии». Сайт по адресу <http://www.international-alert.org/resources/publications/de-isolation-abkhazia-russian>

22 Хотя в абхазский политический обиход вошел термин «многовекторность», на самом деле речь шла о расширении международных контактов Абхазии при сохранении и укреплении стратегического партнерства с Россией.

Москву и собственное общество в том, что независимое абхазское государство может вполне удовлетвориться частичным признанием. В итоге ни те, ни другие не проявили до сих пор готовности искать консенсусные решения в вопросах стратегической важности, а именно таковые были бы наиболее рациональными в условиях частичного признания независимой Абхазии.

Стараясь защитить себя от критики, в особенности связанной с коррупцией, «прагматики» стали все чаще прибегать к организованному «народному возмущению» по тем или иным вопросам. К примеру, после опубликования результатов совместной российско-абхазской проверки эффективности использования российской помощи, обнаружившей серьезные нарушения в сфере реализации экономических проектов, финансируемых Российской Федерацией в Абхазии, лидер одной из оппозиционных партий выступил с резкой критикой руководства Абхазии, правда, допустив при этом оскорбительные выпады в адрес высокопоставленного российского чиновника, попытавшегося найти оправдание нецелевому использованию средств. В результате оппозиционный политик был задержан на несколько дней правоохранительными органами Абхазии для дачи показаний, однако под давлением оппозиции и гражданского общества вскоре был выпущен на свободу. В противовес выступлению оппозиционных партий, независимых СМИ и НПО сторонники власти организовали «общественное осуждение» оппозиционера, пытаясь полностью перенести акцент с вопроса хищения финансовых средств на оскорбительные высказывания в адрес российского чиновника. Эти высказывания были представлены как «покушение» на дружбу между Абхазией и Российской Федерацией, играющее на руку врагам Абхазии. Однако попытка сыграть на образах «врага» и «друга» не принесла ощутимых результатов организаторам кампании. Она не только не была подхвачена широкой общественностью, но и вызвала целый ряд протестных заявлений со стороны разных политических и общественных групп. Произошло это, скорее всего, потому, что, во-первых, в истории независимой Абхазии никогда не было политических заключенных и факт задержания известного политика был воспринят как серьезное покушение на основные свободы. Во-вторых, общество расценило действия властей как попытку отвлечь внимание от деятельности коррумпированных чиновников.

Политическая маргинализация и конструирование образа «внутреннего врага»

Среди внутренних вопросов наиболее «удобным» поводом для манипулирования «образом врага» неоднократно становился приграничный Гальский район Абхазии, в котором проживают этнические грузины (мегрелы). В связи с электоральными процессами жители района неоднократно становились фокусом негативной идентификации. До президентских выборов 2004 г. гальское население участвовало во всех выборах, включая голосование на референдуме о суверенитете Абхазии в 1999 г. Это позволило тогдашнему руководству Абхазии заявить о легитимности итогов референдума и одновременно избрания

(безальтернативного) В. Ардзинба президентом республики на второй срок (в 1999 г.) Однако уже в 2004 г., после проигрыша на президентских выборах, «традиционалисты» в качестве главного аргумента, призванного оспорить итоги выборов, назвали тот факт, что якобы имели место массовые фальсификации в Гальском районе, жителей которого, по их мнению, нельзя считать гражданами Абхазии. Поскольку голоса этнических абхазов разделились между провластным и оппозиционным кандидатами, а гальцы в большинстве своем проголосовали за тогдашнюю оппозицию («прагматиков»), то выбор жителей Гальского района оказался решающим. Во многих выступлениях сторонники проигравшего кандидата прямо говорили о том, что «патриоты» не могут допустить, чтобы судьбу Абхазии определяли грузины, т.е. враги.

Гальское население, в зависимости от остроты ситуации, «мигрирует» между категориями «прямые враги» и «пятая колонна». К примеру, незадолго до президентских выборов 2009 г. власти («прагматики»), также рассматривавшие Гальский район как важный электоральный ресурс, решили форсировать выдачу абхазских паспортов жителям района посредством лоббирования поправки в Закон о Гражданстве РА, согласно которой все жители района (бывшие беженцы), вернувшиеся до 2005 г. в места своего прежнего проживания, автоматически объявлялись гражданами Абхазии. Внесение такой поправки в Закон о гражданстве спровоцировало жесткий протест традиционалистской оппозиции, приведший к политическому кризису в стране. Парламент был вынужден отозвать поправку и вернуться к старому варианту Закона. Бурное обсуждение проблемы, в ходе которого некоторые представители оппозиции называли все мегрельское население Абхазии «пятой колонной», было, по сути, нацелено на то, чтобы не допустить большую часть населения района к голосованию. В результате такого давления выдача паспортов в Гальском районе была приостановлена на период избирательного процесса. За эмоциональными рассуждениями о «подрывной» роли грузинского населения района в политической жизни Абхазии не было видно стратегического подхода к решению реально существующих проблем как в самом Гальском районе, так и связанных с Гальским районом. Излишне говорить о том, каким образом подобный дискурс мог влиять на степень лояльности этого населения в отношении абхазского государства и общества.

Практически уже в начале второго президентского срока С. Багапша внутри правящей элиты стали выявляться конкурирующие силы будущих президентских выборов. Наличие разных полюсов внутри правящей элиты проявилось летом 2010 г., когда тема «врага» была вновь реанимирована в связи с показом на абхазском государственном телевидении (АГТРК) документального фильма грузинского режиссера М. Купарадзе «Отсутствие воли». Сам фильм носит явно антивоенный характер. Это первый грузинский фильм, в котором автор пытается критически переосмыслить грузинскую политику в отношении Абхазии и призывает зрителя искать причины войны 1992-1993 гг. в самой Грузии, а не за ее пределами. Помимо документального фильма АГТРК показала также обсуждение картины в кругу представителей общественности Абхазии с участием самого режиссера картины М. Купарадзе. Несмотря на то, что фильм развенчивает официальную грузинскую

версию событий, предшествовавших грузино-абхазской войне, его демонстрация по телевидению была использована определенными политическими силами для организации «народного осуждения» НПО – организаторов показа, и, самое главное, чиновников, выдавших разрешение на въезд Купарадзе в Абхазию. Характер нападок, аргументация, направленность критики против конкретных чиновников во власти и конкретных личностей в среде НПО, а также политическая аффилированность общественных групп, через которые артикулировались жесткие обвинения в «продажности Западу» и «предательстве национальных интересов», дают основания полагать, что кампания по дискредитации организаторов показа фильма была инициирована конкурирующими силами внутри властной элиты. Не вдумываясь в то, какие политические силы могли стоять за начавшейся кампанией, оппозиционные силы почти рефлексивно отреагировали на факт показа грузинского фильма на АГТРК, сделав ряд громких заявлений.

Обвинения сторонников «прагматиков» и «традиционалистов» базировались на следующих моментах: возмущение вызвали сам факт приезда грузинского журналиста в Абхазию, показ грузинского фильма на абхазском государственном канале, а также конструктивное обсуждение фильма, проходившее в достаточно дружелюбной атмосфере. Что касается содержания фильма, то противоречивые комментарии свидетельствуют о том, что большая часть возмущенных либо вообще не видела фильм, либо очень вольно его интерпретировала.

В ситуации массированной обвинительной кампании через государственные СМИ, которым вторила часть оппозиции, многие граждане тем не менее позитивно восприняли фильм и были обескуражены реакцией на картину, которая как раз разоблачает грузинскую политику. Они понимали всю абсурдность обвинений в адрес представителей НПО, абсурдность того факта, что Парламент Абхазии, отложив важные дела, дважды собирался для обсуждения ситуации и считал нужным сделать заявление, осуждающее организаторов показа фильма. Однако граждане остерегались публично выражать свое мнение на «неудобную» тему, боясь прослыть «не патриотами», ведь речь шла не просто о конкретном фильме, но и о контактах с грузинской стороной (приезд режиссера в Абхазию) после двух войн (1992-1993 гг. и 2008 г.).²³ Таким образом, хотя кампания по дискредитации гражданских активистов и отдельных чиновников не достигла своей прямой цели, тем не менее общественное мнение было в значительной степени парализовано.

Своеобразие ситуации состоит в том, что не афишируемые, но, тем не менее, хорошо известные обществу контакты между отдельными гражданами Абхазии и Грузии существуют до сих пор, например, в сфере торговли. Многие товары на Сухумском рынке импортированы именно из Грузии. Кроме того, граждане Абхазии, страдающие

23 Открыто выступить против «охоты на ведьм» в связи с показом грузинского фильма решила лишь бывший депутат Парламента, общественный активист Ц. Гумба. Она инициировала публикацию открытого письма в местных СМИ в защиту британского ученого Дж. Хьюита, который также стал объектом нападок после того, как положительно высказался о фильме. Письмо подписали лишь несколько представителей общественности. См. Новости Апсныпресс от 27.07.2010 г. <http://apsnypress.info/news/1246.html>

тяжелыми заболеваниями (ВИЧ/СПИД, наркотическая зависимость, сердечно-сосудистые заболевания), не имеющие возможности получить адекватное лечение в Абхазии и не обладающие достаточными финансовыми средствами, чтобы выехать на лечение в Россию, вынуждены в виде крайней меры лечиться в Грузии. В обществе достаточно часто озвучивается призыв положить конец подобным контактам. Однако критика скорее носит политически ангажированный характер и в основном направлена именно на власти, которые, по мнению критиков, не способны воспрепятствовать «втягиванию» абхазских граждан в грузинское пространство. В то же время сами граждане, посещающие Грузию, почти не попадают в сферу общественного внимания, и не становятся объектом нападков, по всей вероятности потому, что, как правило, не занимаются публичной общественной или политической деятельностью.

Интересно в связи с этим обратить внимание также на тактику грузинских властей. По версии грузинского руководства, основным «препятствием» для контактов и в целом для урегулирования грузино-абхазского конфликта являются Россия и абхазский «марионеточный режим», в то время как с абхазским обществом у Грузии якобы «проблем нет». Грузинские власти под руководством Президента Саакашвили широко рекламировали свои усилия по «восстановлению» отношений с абхазами, пытаясь продемонстрировать международному сообществу, что на деле относятся к простым людям в Абхазии как к собственным гражданам. Причем главными объектами внимания являлись именно этнические абхазы. Например, до недавнего времени бесплатное медицинское обслуживание для жителей Абхазии предоставлялось дифференцированно – его могли получить только этнические абхазы, в то время как представители других этнических групп вынуждены были оплачивать лечение. Однако в последнее время все чаще абхазы могли получить право на бесплатные медицинские услуги только в обмен на подписание ими документа, подтверждающего их грузинское гражданство.²⁴

Хотя в абхазском обществе в целом не высок интерес к общественно-политическим процессам в Грузии, манипуляции грузинских властей в связи с «абхазской темой» не остаются незамеченными и воспринимаются лишь как подтверждение коварных замыслов Тбилиси. На этой почве даже гуманитарные акции международных организаций, оперирующих через Грузию, получают неожиданную интерпретацию. В 2010 г. ЮНИСЕФ проводил в Абхазии прививки против полиомиелита. В связи с этим некоторые оппозиционно настроенные СМИ начали кампанию против проведения прививок. Наряду с сомнениями в целесообразности прививок вообще, в обществе высказывались также сомнения по поводу того, что медицинские препараты ввозились сотрудниками ЮНИСЕФ через территорию Грузии, где, по логике некоторых скептиков, эти препараты могли быть намеренно заражены отравляющими веществами. Трудно сказать, насколько протест против прививок был продиктован реальными опасениями за жизнь детей, а не был частью антиправительственной кампании.

24 Анонимное интервью с пациентом, проходившим лечение в Грузии, Сухум, май 2011 г.

Важно также отметить, что часто политическим дискуссиям с использованием темы конфликта придает остроту и особую весомость участие в них общественно значимых социальных групп, таких, например, как ветераны войны или матери погибших, пользующиеся особым уважением в обществе. К таким группам относятся также представители национальной интеллигенции – различных творческих союзов, научных центров и т.д. Именно интеллигенция в свое время олицетворяла абхазское национально-освободительное движение. После того, как цель национально-освободительной борьбы – обретение Абхазией независимости – была достигнута, а также после признания со стороны Российской Федерации, когда в обществе приоритетными стали вопросы государственного строительства, демократизации и т.д., некоторые представители этой части общества, с их опытом борьбы за национальное самоопределение и знанием советских практик общественного участия, оказались невостребованными. На этом фоне тема конфликта как бы возвращает в эпоху национально-освободительной борьбы и дает этим представителям интеллигенции необходимую трибуну.

Следует также отметить, что в поствоенных обществах есть особые группы людей, предпочитающие солидаризироваться с наиболее радикальной частью политического сообщества в силу того, что эти люди ощущают себя уязвимыми. Уязвимость таких людей может быть связана с тем, что они, например, находились на оккупированных территориях во время военных действий (что может быть использовано как повод для обвинений в неблагонадежности); либо с тем, что у них есть родственники, этнически принадлежащие к враждебной группе. К категории уязвимых могут принадлежать также те, кто не владеет родным языком, либо не участвовали в боевых действиях и не защищали родину с оружием в руках, и т.д. Солидаризация этих групп с радикально настроенной частью общества создает у первых иллюзию безопасной социальной среды, на деле обостряя общественные настроения.

Интересно, что в последнее время в Абхазии укрепляется миф о том, что конфликт между Абхазией и Грузией после августовских событий 2008 г. исчерпан. Между тем Грузия продолжает оставаться врагом в восприятии подавляющего большинства граждан. На уровне простых людей совмещение в сознании двух противоречащих друг другу представлений – «конфликта нет, но враг есть» – означает, что общество адаптировалось к ситуации затяжного конфликта. При существующих гарантиях безопасности и возможностях, которые открывает сотрудничество с Россией, оно, по большому счету, не видит практического смысла в поиске путей урегулирования конфликта с Грузией, по крайней мере в краткосрочной и среднесрочной перспективах, и у него нет нужды задумываться о том, какова цена неразрешенного конфликта в условиях существующей геополитической конъюнктуры. Что касается политического и экспертного сообщества, то артикулирование некоторыми представителями взаимоисключающих утверждений («конфликта нет, но враг есть») – это, скорее всего, популистский способ уйти от проблемы при сохранении инструментальной ценности «образа врага».

Смена общественных приоритетов как показатель трансформации общества

В целом можно сказать, что, несмотря на периодические эксцессы, связанные с использованием темы конфликта, есть некоторые признаки того, что значимость этой темы как инструмента мобилизации в отношении внутренних политических процессов постепенно снижается. Наиболее свежий пример связан с президентскими выборами 2011 г.²⁵ Вопреки предыдущему опыту, показавшему, что использование «образа врага» в период выборов не достигает прямой цели – дискредитации оппонента в глазах общественности, во время избирательной кампании 2011 г. было использовано интервью бывшего министра обороны Грузии Тенгиза Китовани,²⁶ в котором он рассказал о якобы имевшем место сотрудничестве одного из кандидатов в президенты с грузинскими спецслужбами во время грузино-абхазской войны. Общественность, однако, в большинстве своем расценила интервью как сфабрикованное и осудила подобные способы мобилизации электората.

Таким образом, выборы 2011 г. стали не в последнюю очередь интересны тем, что впервые манипулирование «грузинской темой» вызвало почти единодушное неприятие в обществе. Произошло это, по всей видимости, по следующим причинам. Безусловно, признание независимости Абхазии и предоставление гарантий безопасности Российской Федерацией стали важными факторами, сделавшими тему конфликта менее актуальной для абхазского общества. Не менее важным является также то, что демократические процессы в Абхазии набирают силу, и если традиционно политическое участие абхазского общества было в большей степени связано с защитой и продвижением коллективных прав, то в новых условиях фокус стал перемещаться на вопросы внутреннего государственного строительства и управления. В обществе формируется более трезвое восприятие политических процессов, а главными приоритетами для большинства граждан становятся укрепление правопорядка, борьба с коррупцией, повышение благосостояния населения.²⁷ Это находит отражение и в доминирующем политическом дискурсе, в котором гиперболизация темы «врага» несколько отступает на второй план.

Выводы

Заключая анализ мобилизационных практик в Абхазии, выделим некоторые тенденции, связанные с использованием темы конфликта:

-
- 25 В связи с неожиданной кончиной второго Президента Абхазии Сергея Багапша в 2011 г. прошли внеочередные президентские выборы, в результате которых победу одержал Александр Анкваб, ставший третьим по счету Президентом Абхазии.
- 26 Т. Китовани являлся министром обороны Грузии в период грузино-абхазской войны 1992-1993 гг.
- 27 И. Хинтба. *Президентские выборы в Абхазии: изменяющееся общество в застывшем контексте*, Кавказские Диалоги: Взгляд из региона, International Alert, сентября 2011 г. Сайт по адресу <http://www.international-alert.org/node/1490>

1. В маленьком обществе политтехнологии, в том числе с использованием «образа врага», часто не достигают своей прямой цели – дискредитации оппонента для отстранения его от политических процессов. Происходит это в том числе потому, что в таком обществе политики и общественные деятели не являются виртуальными фигурами – они досягаемы, их деятельность в большей степени прозрачна для общества. Это, однако, не означает, что манипулирование «образом врага» не имеет побочного эффекта.
2. Апеллирование к «образу врага» как инструмент политической расправы с противниками имеет больше шансов на успех там, где не изжит менталитет тоталитарной системы, во многом опирающейся на подобные технологии. В условиях маленького социума широкое использование идеологемы врага если и не позволяет «устранить» конкурента, то в определенном смысле способно его нейтрализовать, лишив поддержки со стороны общества, чье мнение можно легко парализовать популистскими лозунгами. В ситуации, когда главным маркером «истинного» патриотизма становится вербализованная ненависть к врагу, которая озвучивается определенными группами в связи с любым общественно значимым вопросом, даже не имеющим непосредственного отношения к конфликту, в обществе появляются табуированные темы, развивается самоцензура. Помимо прочего, это фактически тормозит развитие культуры интеллектуальной полемики.
3. При том, что в политическом дискурсе широко используется «образ врага», часть экспертов и политиков, наиболее активно манипулирующая этим образом, предпочитают утверждать, что конфликт уже разрешен, и нет необходимости в его урегулировании. «Урегулирование», а также «трансформация конфликта» весьма произвольно трактуются этими экспертами как «отступление» от идеи независимости, и именно такая интерпретация преподносится обществу как истинная. Избавляя себя от необходимости искать решения для непростых проблем в условиях существующей геополитической конъюнктуры, такие группы шантажируют общество темой «коллорабационизма».
4. В переходных обществах, прошедших долгий путь борьбы за национальное самоопределение, наблюдается тенденция отождествлять руководство, стоявшее во главе национально-освободительного движения, с государством и с самой национальной идеей. В этой ситуации любые общественные и политические силы (оппозиционные движения, независимые СМИ, гражданские организации), критикующие руководство, можно легко представить как антигосударственные и перевести в разряд «врагов» и «предателей».
5. В любом конфликте есть внешние стороны, часто занимающие одностороннюю позицию в отношении урегулирования. Взаимодействие с такими внешними акторами по каким-либо вопросам может использоваться популистами как «разоблачающий» аргумент. К примеру, на фоне поддержки Западом «территориальной целостности» Грузии и ответных антизападных настроений в Абхазии взаимодействие

представителей абхазского гражданского общества с западными организациями («недругами») подвергается критике, даже если целью этого взаимодействия является преодоление укоренившихся в западном сообществе стереотипов в отношении Абхазии и изменение его отношения к вопросу о независимости Абхазии. Выразители антизападных настроений требуют прекращения всех контактов до тех пор, пока Запад не признает всех законных требований абхазов. Часто происходит отождествление двойных стандартов Запада в вопросе права наций на самоопределение с ценностями демократического общества как таковыми. И в Грузии под руководством Саакашвили, на фоне демонизации роли России, любые попытки оппозиции начать прагматичный диалог с Москвой наталкивались на обвинения в предательстве национальных интересов.

6. «Образу врага» почти всегда сопутствует «образ друга». Спектр основных популистских посылов варьирует от обвинений в коллаборационизме с «врагом» до обвинений в «посягательстве» на добрые отношения с «другом». Разные послы используются одними и теми же политическими силами в зависимости от того, находятся ли они во власти или в оппозиции. В абхазском контексте «друг» в массовом сознании ассоциируется с Россией. После признания независимости Абхазии актуальность «образа друга» в политическом дискурсе возросла. Если образ «внешнего врага» более целостен и упрощен, и по отношению к нему существует общественный консенсус, то «образ друга» более дискретен и нюансирован. Манипулирование образами «врага» и «друга» в угоду отдельным политическим группам резко сужает пространство для принятия рациональных решений, которые могли бы служить интересам всего общества.
7. Вопросы, связанные с наличием национальных меньшинств на собственной территории, когда эти меньшинства этнически принадлежат к противоположной стороне в этнополитическом конфликте, как, например, мегрелы в приграничном Гальском районе Абхазии, часто инструментализируются во внутреннем дискурсе, радикализируя общественные настроения в отношении этих меньшинств. В итоге вместо того, чтобы лишить противника социальной базы на не принадлежащей этому противнику территории, радикальные группы лишь укрепляют «образ врага» в лице абхазов среди мегрельского населения. При этом реальные проблемы, связанные с приграничным районом, никак не решаются.
8. Темы, связанные с правами подобных этнических меньшинств, становятся табуированными даже для независимой прессы, которая, вероятно, опасается стать мишенью для обвинений в «отсутствии патриотизма» и хочет иметь своего рода «моральное право» беспрепятственно критиковать политических игроков по другим вопросам.
9. Печальным результатом манипулирования темой конфликта становится глубокий раскол в обществе, на преодоление которого уходят годы. В таком маленьком обществе, как абхазское, политическое разделение затрагивает межличностные, даже семейные отношения, что определенным образом свидетельствует о слабом

проявлении в политических предпочтениях граждан такого фактора, как клановость. Однако высокая степень антагонизма вследствие такого раскола значительно осложняет создание среды, благоприятствующей свободному и рациональному обмену мнениями.

10. Силы, озвучивающие популистские идеи, независимо от того, верят они в них или просто используют в конъюнктурных целях, пытаются установить «монополию на патриотизм» и обвиняют более либеральную часть общества (в частности, НПО) в излишней увлеченности общечеловеческими ценностями. На фоне этих сил неправительственные организации воспринимаются как страдающие некоторым «элитарным снобизмом», морализаторством, иногда догматизмом и оторванностью от «местной специфики», чем отчасти объясняется их (как института) не очень высокий мобилизационный потенциал. Вместе с тем опыт Абхазии показывает, что хотя гражданское движение не переросло в политическое (в форме политической партии), представители гражданских организаций, вопреки нападкам и шельмованию, воспринимаются многими как здравомыслящие силы общества, что позволяет им иногда избираться в Парламент и местные органы самоуправления.
11. Несмотря на широкое использование идеологемы врага в конкурентной борьбе за власть и перечисленные выше негативные последствия, абхазское общество становится менее податливым манипуляциям. Наличие таких важных демократических институтов как конкурирующие политические силы, свободные СМИ и активное гражданское общество создает относительно стабильное пространство, в котором может свободно артикулироваться общественный запрос на перемены.

Заключение

Использование негативных внутренних мобилизационных технологий может обернуться серьезными последствиями для постсоветских обществ. В условиях неурегулированных этнополитических конфликтов, при наличии не очень развитой демократической политической культуры и не вполне стабильных демократических институтов, в ситуации, когда общество ощущает собственную демографическую и культурно-языковую уязвимость, утилизация «образа врага» и конструирование образов «внутренних врагов» способствуют укреплению в обществе доминирующего влияния этнопопулизма, оживлению ксенофобии, распространению и активной эксплуатации теорий заговора, подавлению свободной аналитической мысли, и, в конце концов, сокращению пространства для принятия рациональных решений по вопросам общественной и государственной важности. Попытки же отделить реальные угрозы от мнимых часто преподносят как «размывание» образа врага в интересах самого врага. Однако, если не разоблачать манипулирование темой конфликта как инструмент политического шантажа в руках

сил, стремящихся получить политические дивиденды в борьбе за власть и влияние, то общество еще долгое время будет находиться «на обочине» модернизационных процессов.

В абхазском контексте «образ врага» с течением времени не исчез из внутривнутриполитической повестки дня. Несмотря на явный провал попытки радикализировать общественное мнение с помощью темы «врага» во время выборов в 2011 г., нельзя сказать, что популистские приемы и манипулятивные технологии с использованием темы конфликта окончательно ушли в прошлое. Любой шаг в контексте переговорного процесса, точно так же как и любые решения, принятые в рамках российско-абхазского партнерства, могут дать толчок к воспроизводству темы «врага» конкурирующими политическими группами. Вместе с тем, трезвая и рациональная реакция основной части общества на эксцессы выборной кампании 2011 г. свидетельствует о том, что «абхазское общество перешло в состояние, когда им движет в большей степени прагматизм, нежели эмоции»,²⁸ а тема «врага» и, в целом, популистская риторика, связанная с конфликтом, постепенно начинают изживать себя как основной мобилизационный ресурс во внутривнутриполитической борьбе.

Избирательная кампания 2011 г. также показала, что политические элиты не всегда поспевают за развитием общества или же недооценивают его, в то время как само общество в условиях большей открытости становится менее податливым манипуляциям. Однако обществу предстоит еще сделать качественный переход от пассивного неприятия манипулятивных технологий к открытому и рациональному обсуждению всех вопросов, касающихся жизнедеятельности общества и государства. Именно это будет свидетельством того, что в Абхазии успешно сформируется демократическая политическая культура.

28 И. Хинтба. Указ. соч.

ГЛАВА 2

«Игры патриотов»:

практики маргинализации оппонента во
внутриполитической борьбе в современном
Азербайджане

Ильхам Аббасов

Введение

Осенью (7 ноября) 2010 года в Азербайджане проходили очередные выборы в Парламент страны. Событие такого уровня всегда вызывает определенное оживление во внутриполитической жизни. Тем более, что предвыборная кампания началась уже весной того же года. Важнее, впрочем, отметить тот факт, что именно эти выборы стали особенной вехой в истории постсоветского Азербайджана. Впервые в состав депутатов Парламента страны (Милли Меджлис) не вошел ни один представитель ведущих оппозиционных партий.¹ Событие это не было связано с бойкотом выборов со стороны оппозиции. По официальной версии власти, оппозиция просто растеряла остатки популярности. По версии оппозиции, выборы были грубо сфальсифицированы и оппозиционеров окончательно лишили даже тех немногих мест в Парламенте, которые были за ними оставлены на предпоследних выборах.²

Эти последние выборы продемонстрировали еще одну интересную и окончательно утвердившуюся специфику внутриполитической борьбы. И дело здесь не только в том, что слабость оппозиции стала особенно очевидной. Важнее другое. По моим наблюдениям и оппозиция, и депутаты, представляющие власть, стремятся использовать дискуссии вокруг разрешения Карабахского конфликта в качестве ресурса для привлечения симпатий со стороны населения. В ходе подготовки к последним выборам эти попытки стали особенно очевидны. Причем обе стороны политического процесса (власть и оппозиция) пытались использовать данный ресурс (конфликтный дискурс), обвиняя противоположную сторону в неспособности разрешить конфликт.³

В ходе Парламентских выборов власть настаивала на том, что она одна в состоянии разрешить Карабахский конфликт. Оппозиция же парировала, что власть «недостаточно патриотична» для «справедливого» разрешения конфликта. В то же время, стремясь подорвать и без того слабые позиции оппозиционеров, представители власти утверждали, что последние играют на руку «недоброжелателям» и даже «врагам» Азербайджана, и что оппозиция является «пятой колонной» в стране. Т. е. обе стороны, рассматривая ситуацию конфликта как политический ресурс, использовали дискурс «врага народа» с тем, чтобы дискредитировать внутриполитических оппонентов.

1 'Новый состав Милли Меджлиса – давно забытое напоминание советских времен', TURAN (информационное агентство, 08/11/10). Доступен на сайте по адресу <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/651/posts/5971>.

2 В предпоследнем Парламенте созыва 2005 года было 5 депутатов, представлявших оппозиционные партии. Общая численность депутатов – 115 человек.

3 Так как тема анализа, представленного в данной статье – внутриполитическая борьба в Азербайджане, то я не стану подробно останавливаться на специфике Карабахского конфликта. Но для того, чтобы как-то обозначить и свою позицию, отошлю к описаниям конфликта, которые предлагают Томас де Ваал и Сванте Корнелл. Конечно, каждую из этих работ есть за что критиковать. Но, вместе с тем, именно эти работы, на мой взгляд, являются одними из наиболее интересных и адекватно освещающих события конфликта. Для получения дополнительной информации см. Т. де Ваал (2005 г.), *Черный сад: Армения и Азербайджан между миром и войной*. Москва: Текст; Е. S. Cornell (2001 г.), *Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus* (Малые нации и великие державы: анализ этнополитического конфликта на Кавказе). Richmond: RoutledgeCurzon, стр. 61-141.

Иными словами, право публично говорить от имени азербайджанской нации, которым хоть и в разной степени, но обладают обе стороны, используется для конструирования дискурсивного «образа врага». Т. е. власть дискурсивно наделяет оппозицию «образом врага», а оппозиция совершает то же действие в отношении власти. Важная роль в этих практиках маргинализации политических оппонентов отводится разного рода СМИ (телевидению, газетам, электронным новостным сайтам). Здесь следует помнить, что и власть, и оппозиция являются активными политическими акторами, обладающими (хоть и неравноправным) доступом к СМИ, т. е. к полю максимально широкой публичной презентации своих программ и идеологий.

Подобные практики маргинализации политических оппонентов становятся все более распространенными и привычными. В последний раз мы вновь могли наблюдать всплеск взаимных обвинений в марте – апреле 2011 года, когда под впечатлением событий в арабских странах азербайджанская оппозиция также стала предпринимать попытки публичного протеста. Дискурсивные «образы врага» во внутривнутриполитической борьбе конструируются активистами двух сторон (власти и оппозиции), а публичным пространством для их презентации становятся, в первую очередь, различного рода СМИ. Анализ специфики этих презентаций и будет посвящена данная статья.

Социально-политический контекст

Учитывая специфику темы и выбранной методологии (дискурс-анализ), прежде всего необходимо предложить описание социального контекста и/ или контекста, в котором фиксируется «институциональное местоположение» представителей власти и оппозиционеров. Т. е. предлагаемый анализ подразумевает необходимость описания контекста или положения дел в стране и, в частности, в политической сфере, в которой разворачиваются события предвыборной и иной борьбы. В постсоветский период в Азербайджане установилась многопартийная система. Возникли условия для конкуренции в борьбе за власть. На официальном уровне (дискурс власти) всегда подчеркивается, что в современном Азербайджане установилась демократическая форма правления. Так, в одном из своих последних интервью (11 октября 2011 г.) для телеканала Аль-Джазира президент Азербайджана Ильхам Алиев говорил:

«Сегодня у нас существуют демократические институты, свободная печать, свободное пользование интернетом. Известно, что далеко не в каждой стране можно свободно подключиться к интернету. В Азербайджане более 50 процентов населения пользуется интернетом. Мы вступили в различные международные организации. К примеру, уже 10 лет являемся членом Совета Европы, основная повестка дня которого – это вопросы прав человека и демократии. Азербайджан также добровольно присоединился к программе Европейского Союза «Восточное партнерство».

Президент не отрицал наличия определенных трудностей. По его словам, демократия в Азербайджане пока еще «молодая». Однако, в целом, положение дел в области развития демократических свобод и прав человека он оценивал позитивно⁴.

Напротив, представители ведущих оппозиционных партий («Мусават», Партия народного фронта Азербайджана и др.) утверждают, что правящую в стране власть следует обозначать как авторитарную (дискурс оппозиции)⁵. В ходе последних дебатов, проходивших в штаб-квартире партии «Мусават» в Баку 22 ноября 2011 г., как раз обсуждались причины, по которым азербайджанские власти не стремятся к евроинтеграции. В числе этих причин, по мнению представителей оппозиционных партий, – нежелание развивать демократические институты, обеспечивать уважение прав человека и пр.⁶ Одним из последних событий, вызвавших широкий протест участников «Форума интеллигенции Азербайджана», стала отставка в начале ноября 2011 года заведующего одной из кафедр Нефтяной академии профессора Рафика Алиева⁷. За несколько дней до отставки ученый публично призвал к развитию в стране демократических институтов. В рамках того же «Форума

4 Президент Азербайджана – Ильхам Алиев (2011 г.). *Ильхам Алиев дал интервью корреспонденту телевизионного канала Аль-Джазира*, доступен на 3/1/13. Сайт по адресу, <http://ru.president.az/articles/3273>

5 Среди представителей экспертного и научного сообщества общего мнения о специфике политической власти в Азербайджане нет. Андре Альштадт описывает процесс демократизации в Азербайджане в 1988-1993 годах в контексте деколонизации и говорит о неизбежности изменений (A. Altstadt (1994 г.). 'Decolonization in Azerbaijan and the Struggle to Democratize' (Деколонизация в Азербайджане и борьба за демократию), в D.V. Schwartz and R. Panossian (Д.В. Шварц и Р. Паносян) (ред.). *Nationalism and History: The Politics of Nation Building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia* (Политики национального строительства в постсоветских Армении, Азербайджане и Грузии), Toronto: Center for Russian and East European Studies, стр.95-126). Автор весьма пространной книги о событиях в Азербайджане в 1990-е годы журналист Томас Гольц, оценивая стиль правления президента Гейдара Алиева (1993-2003 гг.), говорит о «культе личности» (Т. Goltz (1999 г.). *Azerbaijan Diary: A Rogue Reporter's Adventures in an Oil-Rich, War-Torn, Post-Soviet Republic* (Азербайджанский дневник: приключения непослушного корреспондента в богатой нефтью, разрушенной войной постсоветской республике), New York & London: M. E. Sharpe, стр.65). Марина Оттавей считает, что в Азербайджане сложился гибридный стиль управления, в котором сочетаются черты демократии и авторитаризма. Такого рода политические системы она предлагает обозначать как «полуавторитарные» (M. Ottaway (2003 г.). *Democracy Challenged: the Rise of Semi-Authoritarianism* (Вызов демократии: подъем полуавторитаризма), Washington D.C.: Carnegie Endowment International Peace, стр.51-70). В свою очередь многие местные независимые наблюдатели и эксперты обозначают стиль правления, сложившийся в Азербайджане в постсоветский период, как авторитарный, или указывают на серьезные недостатки и просчеты в развитии демократических институтов в стране (А. Юнусов (2007 г.). *Азербайджан в начале XXI века: Потенциальные конфликты и угрозы*. Баку: Адильоглы, стр.165-174; О. Абдулаев (2011 г.). 'Азербайджан – 2009: Основные тенденции общественно-политического и социально-экономического развития', в А. Исхандарян (ред.). *Кавказ – 2009: Ежегодник института Кавказа*. Ереван: Институт Кавказа, стр.9-28; З. Гулиев (2011 г.). *Азербайджан после Гейдара Алиева*. Москва: Regnum, стр.83-90.). Наиболее жесткая критика нынешней политической системы может звучать, например, подобным образом: «К началу 21-го века в Азербайджане сложился восточный вариант видоизмененной советской политической системы. По-прежнему де-факто существует Центральный Комитет Коммунистической Партии, который теперь называется администрацией президента. В провинциях вся власть сосредоточена в руках назначаемых президентом руководителей органов исполнительной власти. Кабинет министров и парламент не играют важной роли в жизни страны». Подробнее см.: Sh. Abbasov (Ш. Аббасов) (2011 г.). *Achievements and Missed Opportunities – The South Caucasus: 20 Years of Independence* (Достижения и упущенные возможности – Южный Кавказ: 20 лет независимости), Berlin: Friedrich-Ebert-Stiftung, стр.108.

6 Баку не заинтересован в Евроинтеграции (22/11/11), доступен на 3/1/13. Сайт по адресу, http://www.azeri.ru/papers/contact_az/92494/

7 По официальной версии ученого уволили в связи с «невыполнением служебных обязанностей». Однако широко распространено мнение, что Р. Алиев подвергся увольнению за свою критику власти. См: «Коллеги» Рафика Алиева, <http://www.radioazadlyg.ru/content/blog/24395239.html>; Депутаты: Увольнение всемирно известного ученого Рафика Алиева не делает чести властям Азербайджана, <http://www.panorama.am/ru/society/2011/11/15/rafik-aliev/>

интеллигенции Азербайджана» 27 мая 2011 года состоялась презентация хартии «Семь шагов к демократии». В тексте этой Хартии «была дана жесткая оценка сути нынешней власти, которая была названа коррумпированным авторитарным режимом, попирающим политические, социальные, экономические права и свободы граждан».⁸

Таким образом, уже на уровне представлений о стиле политического правления, сложившемся в постсоветском Азербайджане, наблюдаются резкие расхождения в оценках между властью и оппозицией. Эти расхождения углубляются в процессе политической борьбы и отражаются в попытках маргинализации политических оппонентов. Власть дискурсивно наделяет оппозицию «образом врага», а оппозиция совершает то же самое в отношении к власти. Оппозиция в контексте дискурса власти все чаще становится некой «пятой колонной», поддерживающей «внешних врагов» или «недоброжелателей» Азербайджана. Лидеры оппозиционных партий все чаще обозначают власть предрержащих как «антинародный режим». Такого рода радикализация процесса политической борьбы препятствует развитию демократических институтов, делает диалог между властью и оппозицией обреченным на провал. Кроме того, постсоветское поколение граждан страны, наблюдая за развитием подобного рода «дискуссий» между властью и оппозицией, приобретает превратные представления о характере политической борьбы при демократических режимах.

Данная статья, с одной стороны, представляет собой анализ политических дискурсов как власти, так и оппозиции, в которых политическая борьба сводится к маргинализации образов оппонентов. Опыт подобного анализа, по мнению автора, позволяет подвергнуть аргументированной критике практики маргинализации политических оппонентов, а также продемонстрировать опасный потенциал, который несут в себе попытки манипулирования «образом врага» во внутривнутриполитических дискуссиях.

С другой стороны, в статье предпринята также и попытка оценить специфику манипулирования «образом друга» во внутривнутриполитической борьбе. Посредством подобного анализа мы получаем возможность изучить вероятные точки совпадения интересов и политических приоритетов у различных политических акторов (власть и оппозиция).

Методология

В основном в статье будут проанализированы современные дискурсы власти и оппозиции, которые имеют отношения к событиям 2000-х годов и часто связаны с предвыборной парламентской борьбой. Автор проанализировал тексты, представленные в наиболее посещаемых электронных СМИ, занимающих различные позиции (проправительственные

8 Противостояние: власть и интеллигенция (7/11/11), доступен на 3/1/13. Сайт по адресу, http://azeri.ru/papers/contact_az/91872/

и проопозиционные). Представленные в данной статье отрывки из анализируемых текстов являются, по мнению автора, наиболее типичными образцами описываемых дискурсов.

Главное внимание при проведении исследования методом критического дискурс-анализа было направлено на выявление доминирующих дискурсов во внутриполитических дискуссиях (политической борьбе) в Азербайджане. В контексте анализа доминирующих дискурсов автор попытался определить роль, основные компоненты (дискурсивный ряд) и степень популярности дискурса «врага» во внутриполитической борьбе.

Особый интерес для меня представляют интервью и различного рода высказывания в новостях известных фигур политического истеблишмента. Именно эти публичные фигуры своим признанным авторитетом способствуют распространению подобных дискурсивных практик. Именно известные политики, по мнению автора, проявляют особую заинтересованность в приватизации конфликтного ресурса.

В целом автор статьи стремился сосредоточиться на наиболее интересных текстах, публиковавшихся в период с лета 2010 по осень 2011 года, когда происходили события, вокруг которых был сконцентрирован анализ. Для проведения анализа в конечном итоге были отобраны 72 текста, в которых отразились различные точки зрения (власти и оппозиции) и которые являются примерами практики манипулирования «образом врага» во внутриполитической жизни страны.

Учитывая специфику данного исследования (анализ материалов СМИ в контексте практик маргинализации политических оппонентов с помощью «образа врага»), для автора было наиболее релевантным использование метода дискурс-анализа. Существует много подходов к дискурс-анализу, т.е. к анализу текстов, речи и т. п., которые нередко весьма заметно отличаются друг от друга. Анализ, представленный в данной статье, по большей части был основан на методе критического дискурс-анализа Нормана Фэркло (Norman Fairclough). Однако автор не видел противоречия в том, чтобы включить в анализ также и несколько посылов от «отца-основателя» данного подхода Мишеля Фуко (Michel Foucault). В определенном смысле речь идет о комбинированном подходе, который в своей основе исходит из перспективы социально-конструктивистской позиции в объяснении «использования образов «Врага» и «Друга» для накопления политического капитала». Или, как отмечает сам Фэркло, «это общее место в позитивистской социальной науке, что социальные феномены социально конструируются»⁹.

Марианне Йоргенсен и Луиза Филлипс в своей обзорной работе предлагают следующую (вполне, на мой взгляд, приемлемую) дефиницию: «во многих случаях под словом

9 N. Fairclough (Н. Фэркло) (ред.) (2007 г.). *Discourse and Contemporary Social Change* (Дискурс и одновременные социальные изменения), Берн: Peter Lang, стр. 10.

«дискурс» подразумевают идею о том, что язык организован в соответствие со структурами, свойственными высказываниям людей в различных сферах социальной жизни. Привычными примерами являются «медицинский дискурс» или «политический дискурс». Дискурс-анализ – это анализ таких структур.¹⁰ К этой дефиниции следует присовокупить также и указание на формирующую роль дискурса. Т.е., исходя из подхода Фуко, я также вижу свою задачу в «рассмотрении их (дискурсов) как практик, систематически формирующих те объекты, о которых они говорят».¹¹ В контексте темы данного исследования дискурс-анализ – это методологический подход, позволяющий исследовать и описать практики систематического формирования «образа врага» и «образа друга» в политическом дискурсе, который направлен на формирование представлений о том, почему кому-то можно быть парламентарием, а кому-то в этом следует отказать. Или о том, как один из акторов политического процесса наделяется эксклюзивным правом на обладание властью, а другой, соответственно, его лишается.

Возвращаясь к Фуко и несколько перефразируя его мысль, замечу, что ключевыми были два «постоянных вопроса». Первый вопрос, «который ставит анализ языка в связи с неким фактом дискурса: по каким правилам было образовано такое-то высказывание»; и второй вопрос, который «ставит описание событий дискурса: как получается, что появляется именно такое высказывание и никакое иное на его месте?»¹² Или почему в предвыборной риторике появляются высказывания (конструкты) «врагов» и «друзей»?

Следующие два ключевых момента или вопроса, вновь формулирует Фуко: «Первый вопрос: кто говорит? Кто в совокупности всех говорящих индивидов уполномочен использовать этот язык?». Второй вопрос состоит в необходимости «также описать те институциональные местоположения», откуда этот «уполномоченный» «ведет свою речь, и где она находит свое законное происхождение и свою точку применения (свои специфические объекты и инструменты верификации)».¹³

В случае с обозначенным мною исследовательским кейсом дискурс ведут (уполномочены «говорить») политические деятели – действующие депутаты, баллотирующиеся в Парламент, представители масс-медиа, чиновники разных рангов, оппозиционеры, эксперты, политологи и пр. Сценой, откуда ведется речь, становится не столько зал заседаний Милли Меджлиса и т. п., а, в основном, медийное пространство. Абсолютное большинство граждан Азербайджана никогда не посещали Милли Меджлис и не имеют личного опыта наблюдений за дебатами. Всю информацию они получают из СМИ. Кроме того, все видные члены партий и правительства постоянно дают различным СМИ интервью, в которых обозначают свою позицию. Эти интервью предназначены для максимально широкой аудитории.

¹⁰ М. Йоргенсен и Л. Филипс (2004 г.). *Дискурс Анализ: Теория и Метод*. Харьков: Гуманитарный Центр, стр. 14.

¹¹ М. Фуко (2004 г.). *Археология Знания*. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия, стр. 112.

¹² Там же, стр. 73.

¹³ Там же, стр. 112-114.

Наконец, следует отметить, что подход критического дискурс-анализа важен для автора в контексте следующей его специфики: «Критический дискурс-анализ является «критическим» в том смысле, что он стремится показать роль дискурсивной практики в поддержании социального устройства, включая социальные отношения с неравным распределением власти. Цель критического дискурс-анализа – способствовать социальному изменению и более равномерному распределению власти в процессах коммуникации в обществе в целом»¹⁴ (Йоргенсен, Филипс 2004 г., стр. 104).

Оппозиционность как «служба врагам»

Переходя к анализу политических дискурсов, имеет смысл упомянуть, что март 2010 года начался с того, что уже первого числа на одном из Интернет сайтов домена “az” было опубликовано заявление председателя одной из партий, представленных в Милли Меджлисе, которую в СМИ часто обозначают как проправительственную. В заявлении утверждалось, что в Азербайджане ряд оппозиционных партий «финансируется из центров», которые находятся за пределами страны. По мнению депутата, это финансирование поступает со стороны тех стран, которые «враждебно» относятся к Азербайджану. В частности, в заявлении утверждалось, что:

«В различных странах, относящихся к Азербайджану с враждебных позиций, предпринимающих попытки ослабить наше государство, поддерживающих оккупационную политику армянских властей и оказывающих Еревану донорскую поддержку, имеются определенные силы, которые финансируют некоторые азербайджанские оппозиционные партии».

При всей остроте подобного заявления депутат все же постарался сохранить вокруг него и определенную завесу тайны. Возможно, с простой целью привлечь к себе как можно больше внимания и создать вокруг своего заявления возможно больший ажиотаж. Конкретных имен и названий партий депутат сообщать не стал и ограничился намеками на то, что в нужный момент он их произнесет. Речь, согласно автору заявления, идет о «радикальной оппозиции». В заявлении автор говорит:

«Мне пока не хочется называть конкретные имена, но могу смело сказать о том, что ряд оппозиционных политических партий Азербайджана финансируется из источников, тесно связанных с Арменией».¹⁵

14 М. Йоргенсен и Л. Филипс (2004 г.). Указ. соч., стр. 104.

15 Р. Бабаев. 'Председатель партии «Ана Вэтэн» не исключает финансирования азербайджанской оппозиции из проармянски настроенных источников', *taznews.az*, 3 марта 2010 г. Сайт по адресу <http://www.1news.az/politics/20100301040015141.html>

Депутат заявил также о том, что уже в течение как минимум года публично говорит о данной проблеме. Он не только считает, что деньги передаются непосредственно партийным функционерам, но и что для финансирования используются неправительственные организации. Эти обвинения в непатриотичности оппозиции получили развитие уже в начале апреля того же года, когда на одном из пленарных заседаний Милли Меджлиса депутат, член оппозиционной партии «Мусават», поднял вопрос о причине запрета со стороны столичной мэрии на проведение массовых акций оппозицией. Он по традиции говорил о том, что это нарушение права на свободу собраний. На это один из депутатов, представляющих правящую партию «Ени Азербайджан», заявил (в непарламентской форме), что столичная власть права в том, что не дает разрешения на проведение акций. По мнению этого депутата от правящей партии:

«Ваша цель не проведение акции, а продемонстрировать финансирующим вас силам свою деятельность. Еще неизвестно, каким именно террористическим организациям вы служите».¹⁶

Нельзя сказать, что подобного рода заявления вызвали широкий резонанс. Тем не менее, можно ли утверждать, что таким образом начиналась весной 2010 года «грязная» парламентская предвыборная кампания? Конечно, именно к предвыборной кампании все эти заявления могут иметь непосредственное отношение. Однако сам тон обвинений и подводимые под них основания могут в целом многое рассказать о стиле политической борьбы в современном Азербайджане. Выборы в последний Парламент можно считать символически важными. Конечно, обвинения в отсутствии патриотизма уже давно стали привычными и широко применяемыми в политической борьбе в Азербайджане. И именно армяно-азербайджанский конфликт становится наиболее удобным основанием для таких взаимных обвинений. Причем мы наблюдаем выдвижение таких обвинений как раз на уровне политических партий. Трудно представить, что какая-либо из партий или кто-либо из политических аналитиков / экспертов мог бы принять финансирование, о котором говорится в обвинениях. Карабахский конфликт является, по сути, единственным болезненным вопросом, по которому можно наблюдать единство мнений практически всех азербайджанских политиков. Практически все без исключения представители госструктур и оппозиционных партий придерживаются единой версии, хоть и с некоторыми вариациями. Эта версия хорошо известна: Армения – агрессор, оккупированные территории должны быть возвращены. Однако обвинения в сотрудничестве с армянской стороной, и, соответственно, обвинения в отсутствии патриотизма продолжают постоянно звучать. Речь в данном случае идет о крайней форме публичного идеологического давления.

16 'Сиявуш Новрузов оппозиции: еще неизвестно, каким именно террористическим организациям вы служите', *mediaforum.az*, 2 апреля 2011 г. Сайт по адресу http://www.mediaforum.az/articles.php?article_id=20100402035311709&lang=rus&page=00

В современном Азербайджане появляется все больше внутренних проблем, критический взгляд на которые приравнивается к выступлению против государственности. Например, критика нынешних властей или деятельности покойного президента Гейдара Алиева в официальном дискурсе все чаще приравниваются к выступлению против независимой государственности. «Выступление против государства» интерпретируется еще и как *антинародная* или *антинациональная деятельность*. Страна, таким образом, все больше персонифицируется и ассоциируется с конкретными политическими деятелями, критика которых становится все более проблематичной, а не с идеей строительства национальной государственности, основанной на равных правах и обязанностях.

Доминирующие дискурсы власти

Нужно отметить, что ряд представителей власти используют подконтрольные СМИ с тем, чтобы публично дискредитировать оппозицию, дискурсивно наделяя ее «образом врага». Практику эту не следует рассматривать как некое “ноу-хау”, примененное политтехнологами, работавшими на власть в ходе последних выборов и во время публичных акций протеста весной 2011 года, проходивших под впечатлением от событий в Арабских странах. Попытки дискредитации политических оппонентов в лице наиболее авторитетных партий посредством публичных обвинений в «работе на врага» в 2000-е годы стали уже традицией. Приведенные выше примеры скорее следует рассматривать как наиболее демонстративные случаи этой практики. Или, что более верно, как постепенное усиление давления со стороны власти на политическую оппозицию и гражданское общество. Год от года давление растет, обвинения становятся все более жесткими. Результатом усиления давления можно считать, как уже отмечалось, тот факт, что в Парламент последнего созыва не был допущен ни один из представителей наиболее известных и авторитетных оппозиционных партий.

Непатриотичность оппозиции не обязательно демонстрируется через утверждение об ее служении «недоброжелателям» или даже «врагу». Оппозиция, даже если ее деятельность и не представляется как финансируемая ‘про’ или даже собственно армянскими силами, все равно становится врагом демократии, врагом мирного развития Азербайджана. И как раз последние парламентские выборы (ноябрь 2010 года) стали той важной точкой отсчета, когда наиболее известные и авторитетные оппозиционные партии (ПНФА, Мусават и пр.) были маркированы как организации, в которых состоят «враги азербайджанского народа» и «азербайджанской государственности». Именно в преддверии выборов этот, казалось бы, уже ставший привычным дискурс, был вновь актуализирован. Эти доминирующие властные дискурсы можно, в целом, описать следующим образом:

1. Оппозиционеры наделяются имиджем несправимых «радикалов», и здесь нельзя не усмотреть некий перенос или заимствование из дискурса о «радикальных исламистах». Впрочем, часть оппозиции как раз составляют представители исламистских партий. Определенные заимствования можно усмотреть и из советских дискурсов «врага». Здесь «враг» – это тот, кто сотрудничает с «западом»; это «внутренний враг», который финансируется извне (т. е. «*продался внешним силам*»), критикует власть, стремится помешать «нам» (стране, народу) успешно развиваться.
2. Оппозиция наделяется имиджем маргинальной и немногочисленной группы, напрямую связанной финансовыми интересами с «историческим врагом» – армянами и его важнейшим транснациональным институтом – армянским лобби. В контексте данного дискурса оппозиция не представляет реальной силы, за которой стоит народ. Однако тот факт, что оппозиционеры принимают «спонсорскую помощь» от злейшего врага, играя, тем самым, роль «пятой колонны», не может не вызывать возмущения у «истинных патриотов».
3. Даже если оппозиция и не финансируется «армянским лобби» и т.п., она существует на деньги зарубежных стран. Данное обстоятельство трактуется как достаточное основание для мотивированного подозрения оппозиции в нелояльности ко всему «азербайджанскому народу». Сам «факт», что оппозиция реализует свою деятельность на «иностранные деньги», трактуется определенным образом в контексте конструирования дискурса о «нашем особом пути» к демократии. В этом контексте принято считать, что различные международные фонды и организации пытаются привести оппозицию к власти, чтобы нарушить стабильное развитие страны. Этим международным «агентам влияния» не нравится, что «мы» успешно идем по нашему собственному пути строительства демократического государства (отличному от «западного»).

Дискурсивный жанр, в контексте которого оппозиция предстает как коллективный «враг» азербайджанского народа, формировался задолго до последних выборов. Этот дискурс становится явным уже в 2005 году, в ходе политической борьбы, развернувшейся во время подготовки к выборам в парламент Азербайджана. Уже в 2005 году, т.е. в процессе выборов в Парламент третьего созыва, звучали призывы и требования провести расследование и выявить источники финансирования оппозиционных партий. Одно из наиболее громких заявлений сделал тогда один из депутатов Парламента, являющийся также заместителем исполнительного секретаря правящей в стране партии «Ени Азербайджан» («Новый Азербайджан», ПЕА).

«На протяжении долгого времени мы неоднократно заявляли, что ряд оппозиционных партий систематически получают финансовую помощь из различных зарубежных источников», – рассказывает парламентарий. А это, по его словам, полностью противоречит законодательству нашей страны, согласно которому всякая форма

финансирования политической деятельности из-за рубежа запрещена. Все выявленные факты, по словам депутата, будут представлены в правоохранительные органы Азербайджана. Кроме того, дополнительная информация будет направлена в Центризбирком. <...> на многочисленных мероприятиях оппозиционеров обучают разного рода вещам, «не имеющим никакого отношения к избирательному процессу». «Нам известно, что их учат провокационным акциям». <...> В роли доноров <...> выступают различные фонды, неправительственные структуры, которые на деле имеют прямую государственную подпитку разных стран».

Еще пять лет назад в числе депутатов, участвовавших в формировании коллективного образа внутреннего «врага» – живущей на зарубежные деньги оппозиции, а значит и выполняющей задания и поддерживающей интересы доноров из-за рубежа, мы встречаем все того же депутата и председателя проправительственной партии «Ана Вэтэн». Как считается в лагере оппозиционеров, эта «проправительственная» партия (как, впрочем, и практически все другие), представляет собой некое политическое объединение (организацию), созданную с целью имитировать многопартийность и политический плюрализм в Азербайджане. Уже в 2005 году депутат от этой партии утверждал:

«в Азербайджане сконцентрированы интересы различных международных организаций и объединений, которые пытаются влиять на нашу страну. И понятно, что подобные круги <...> становятся донорами, выделяют финансовые средства под прикрытием неправительственных организаций основным радикальным оппозиционным партиям, чтобы привести их к власти и затем уже реализовывать свои планы. “Правоохранительные органы страны должны заняться этими партиями и довести до общественности истинную картину происходящего”.¹⁷ Главную роль в этом, по мнению народного избранника, должно играть Министерство национальной безопасности.»

В контексте описываемого дискурса власти иностранные доноры либо маркируются как проармянские, либо о них не говорится ничего конкретного. Однако из высказываний представителей власти становится понятным, что речь идет о западных фондах. Именно европейские и американские (США) фонды стремятся поддерживать оппозицию.¹⁸ По

17 *Парламентские выборы в Азербайджане, новости, комментарии, анализ*, AzTOP Forum (23/7/05). Доступен на 3/1/13. Сайт по адресу <http://forum.aztop.com/index.php?&act=ST&f=12&t=13264&showall=1>

18 Можно, впрочем, вспомнить, как в марте 2010 года развернулась кампания против деятельности радио «Свобода» и, конкретно, против его Бакинского офиса. Официальной версией вдруг ожесточившейся критики были утверждения, что радио «Свобода» не озвучивает интересы Азербайджана в Карабахском конфликте. По версии самих работников радио, истиной причиной была статья из газеты Washington Post о дубайских владениях президентской семьи, которая была размещена на сайте Радио, однако само Радио критиковали за поддержку оппозиции, т. е. «радикальной» и «деструктивной» части политического истеблишмента. Один из депутатов от власти говорил: «Складывается впечатление, что политика США заключается в том, что они хотят любым способом отторгнуть Карабах от Азербайджана». Фахиль Мустафа: «Радио «Азадлыг» выполняет указания своих хозяев, поэтому оно и не работает в интересах Азербайджана», *1news.az*, 17 марта 2010 г. Сайт по адресу <http://1news.az/politics/20100317043201269.html>.

версии сторонников режима, эта поддержка направлена на дестабилизацию обстановки в стране. Таким образом, например, могут трактоваться попытки массовой публичной акции протеста, прошедшей в Баку 2 апреля 2011 года. По мнению председателя Комитета по правам человека ММ, члена партии ПЕА Рабият Аслановой:

«Правительство столько старалось, чтобы благоустроить Площадь фонтанов [сквер в центре города]. Господин президент сам участвовал в открытии. Этот сквер реконструирован с любовью. Зачем властям ломать и разрушать его? Ведь это утверждения, которые невозможно обосновать. Очень неразумные утверждения. Власти только строят, создают, а оппозиция разрушает. А в мире остается память только о созидателях...».¹⁹

Таким образом, важными компонентами дискурса власти, как мы убедимся в текущем и в дальнейшем изложении, становятся такие смысловые оппозиции, как «стабильность – дестабилизация», «созидание – деструктивность», «радикальная – конструктивная» и, в конечном счете, «мы» и «они». Это дискурс опасности, которая угрожает существованию независимого, суверенного государства. Правящая в стране власть в контексте этого дискурса становится единственным гарантом независимости, а значит и единственным гарантом развития и роста благосостояния. Властный дискурс отсылает в данном случае еще и к ресурсам дискурса антиколониального. Любое влияние из-за рубежа представлено в этом контексте как попытка лишить «нас» свободы «самим вершить свою судьбу». «Их» покушение на «нашу» независимость» становится важным аргументом в процедуре наделения оппозиционера статусом «врага» мира и процветания, наступившего после многих лет анархии, произвола и колониальной власти России.

По словам другого депутата от власти: «К сожалению, в деятельности радио «Азадлыг» [по-азербайджански – «Свобода»] все больше и больше проглядывается космополитизм. Вместо того чтобы давать объективную оценку событиям в стране, редакция по сути превратилась в рупор оппозиции. <...> Если внимательно понаблюдать за деятельностью армянской и азербайджанской редакций «Радио Свобода», то мы увидим большую разницу в их работе. Армянская редакция целенаправленно защищает армянские интересы, тогда как наша занимается только очернением всего, что происходит в Азербайджане. Ведь не все решают деньги, кто бы на какой должности не находился, будь он журналист или политик, не должен забывать об интересах своей страны. Карабах – наша кровоточащая рана и каждый азербайджанец должен постоянно помнить об этом». Депутат: «Радио Азадлыг» только «очерняет» все, что происходит в Азербайджане»; *1news.az*, 17 марта 2010 г. Сайт по адресу <http://1news.az/politics/20100317123034550.html>.

Депутат, возглавляющая комитет по правам человека в Парламенте, также не осталась в стороне от развернувшейся критики: «Азербайджанская редакция радио «Азадлыг» практически не освещает события в стране, и если освещает, то все видит в черных тонах. <...> приходится с сожалением констатировать, что это радио не справляется со своими задачами по реальному освещению событий в стране <...>. Конечно, понятно это радио финансируется другим государством, но у работающих там журналистов хотя бы должно быть чувство патриотизма. За последнее время я только слышала из этого радио ложь и необъективную информацию относительно событий в нашей стране. В стране открывается столько заводов, фабрик, предприятий, но ни разу редакция не удосужилась сообщить своим слушателям об этом. А когда мы в последний раз из этого радио слышали о Карабахе, о Ходжалинском геноциде? Любовь к Родине не продается ни за какие деньги. Даже в трудных условиях патриот всегда найдет возможность пропагандировать свою Родину. Этого у журналистов и редакционной коллегии радио «Азадлыг» мы так и не увидели. Нельзя бросать тень на все, что происходит в стране». У работающих на радио «Азадлыг» журналистов хотя бы должно быть чувство патриотизма; *1news.az*, 18 марта 2010 г. Сайт по адресу <http://1news.az/politics/20100318100144167.html>.

19 И. Расул. 'Рабият Асланова: Власти созидают, а оппозиция разрушает', *radioazadlyg.org*, 12 апреля 2010 г. Сайт по адресу <http://www.radioazadlyg.org/content/article/3554636.html>.

В контексте дискурса власти важное значение отводится также коллективному образу «азербайджанского народа». Этот воображаемый коллективный актор в дискурсе власти неизменно поддерживает последнюю и выражает ей свою благодарность за все усилия, которые власть прилагает для развития страны. Доказательством «любви народа» становятся результаты выборов. Еще раз напомним, что в последний Парламент не прошел ни один из представителей наиболее известных в стране оппозиционных партий.

Агенты власти, или кто конструирует официальный дискурс

Из предыдущего изложения и приведенных цитат становится ясным, что официальный дискурс конструируется депутатами парламента и функционерами правящей в стране партии ПЕА. Можно с большой долей уверенности утверждать, что данные представители политического режима получают определенный заказ на конструирование дискурса, дискредитирующего оппозицию. При этом трудно утверждать что-либо определенное о том, насколько само содержание дискурса диктуется «сверху» или депутатам предоставляется возможность для самостоятельного конструирования дискурса. Президент страны занимает позицию, расположенную высоко «над» этим выяснением отношений с оппозицией. Его позиция слишком высока и непоколебима для того, чтобы нисходить к выяснению отношений с внутриполитическими оппонентами. Президент довольствуется высказываниями о том, что оппозиция является маргинальной частью общества, не обладающей никакими реальными ресурсами для того, чтобы стоило вступать с ней в политическую борьбу за власть.

В ходе последних выборов президент отказался даже от символического участия в теледебатах. Однако некоторые заявления президента важны, так как в них можно усмотреть посыл власти к своим сторонникам. Этот посыл содержит обязательную установку на публичное признание правящего режима в качестве демократического. В нашумевшем интервью телеканалу «Euronews» (в феврале 2010 г.) журналистка задала президенту Ильхаму Алиеву откровенный вопрос о стиле правления в стране – что он может ответить на утверждения о том, что «управляет страной как постсоветская диктатура?» Президент, видимо застигнутый врасплох, ответил как раз в духе внутренней критики оппозиции:

«Такого рода выражения для нас оскорбительны. Порой мы становимся мишенью совершенно неоправданных, чрезвычайно пристрастных критических нападок, будь то в международных СМИ или в так называемых международных правозащитных группах. Все эти попытки представить Азербайджан как недемократическую страну абсолютно неприемлемы. Мы понимаем, что по мере того, как растет значимость Азербайджана, будут множиться и попытки повлиять на Азербайджан со всех сторон света. <...> Внутренние проблемы страны, ее традиции, ее история, политическая

система, ее отношение к лидерам нации нужно оставить народу страны, ему решать. <...> Если кто-то хочет воспользоваться критериями демократии для достижения своих целей, мы этого не допустим!».

Что же касается оппозиции, то:

«здесь слово за народом... Не наша вина, если в Азербайджане слабая оппозиция. И я даже могу вам сказать, почему оппозиция сейчас находится в таком... катастрофическом состоянии: потому что народ Азербайджана живет все лучше и лучше. В кризисном 2009 году наша экономика выросла на 9,3 %, промышленность – на 8,6 %, инфляция составила лишь 1,5 % и валютные запасы достигли 20,4 млрд. долл. Что может дать оппозиция в таких обстоятельствах? Только критиковать? Что ж, они и так этим занимаются день ото дня, и мы не возражаем».²⁰

Депутаты ММ фактически воспроизводят ту же риторику, только в более прямолинейной форме обвинения. Их оппоненты – руководители и активисты оппозиционных партий, пользуясь любым случаем, заявляют, что управляющий страной режим является недемократическим. Т.е. они делают публичные заявления, которые *неприемлемы* для нынешней власти. В отличие от провластных сил, сам президент не позволяет себе конкретно высказываться о природе финансирования оппозиционных партий или обозначать наиболее известные оппозиционные партии как *радикальные*. Популистские высказывания звучат на уровне депутатского корпуса ММ и функционеров правящей партии (ПЕА). Тем самым, возможно невольно, подчеркивается еще и низкий статус оппозиции в глазах власти. Президент в своих речах не желает снисходить до того, чтобы уделять слишком заметное внимание «этим маргинальным группам». Депутаты от власти, как и функционеры от правящей партии, становятся теми публичными агентами, которые представляют описываемый дискурс.

Выше уже приведено немало высказываний депутатов. Поэтому имеет смысл обратиться к функционерам ПЕА. Наиболее заметными публичными фигурами являются исполнительный секретарь правящей партии и его заместитель. Сама радикализация имиджа оппозиции в значительной степени является плодом публичных заявлений исполнительного секретаря ПЕА:

«Радикальная оппозиция видит врагов во всех: в работающих в правительственных структурах чиновниках, в депутатах Милли Меджлиса, в тех, кто финансово обеспечен. Все это формируется во враждебную идеологию, направленную против национальных интересов азербайджанского народа». <...> (он) также обвинил оппозиционные СМИ в пропаганде ненависти и враждебности против Азербайджана. Антинародными

20 'Ильхам Алиев: "у нашего терпения есть пределы", *Euronews*, 2 февраля 2010 г. Сайт по адресу <http://ru.euronews.net/2010/02/02/interview-with-ilham-aliyev-president-of-azerbaijan>.

назвал попытки радикальной оппозиции организовать в Баку митинги и [его заместитель]. «Попытки радикальной оппозиции нарушить порядок и стабильность в республике направлены против национальных интересов Азербайджана. Оппозиция всегда действовала вразрез с национальными интересами азербайджанского народа. Радикальная оппозиция является инструментом в руках тех депутатов зарубежных парламентов, которые служат интересам армян», – подчеркнул он. По словам [заместителя секретаря правящей партии], общественность Азербайджана выступает против попыток радикальной оппозиции нарушить стабильность в стране. «Всем хорошо известно, к каким человеческим жертвам привели беспорядки в Ливии. Наш народ не желает повторения аналогичных процессов в Азербайджане. Радикализм потерпит крах».²¹

Таким образом, все основные компоненты дискурса власти представлены в публичных речах, звучащих, в основном, в Парламенте, а также в многочисленных интервью и заявлениях депутатов и высокопоставленных функционеров ПЕА для СМИ. Именно эти два института все более активно вовлекаются в процесс конструирования коллективного образа «врага нации» в лице оппозиции. В контексте данного дискурса оппозиция радикализируется и становится врагом «самого святого» – народа / нации, стабильности, развития, независимости и пр. Цель дискурса власти состоит в приватизации в процессе политической борьбы простого и понятного образа «истинных патриотов» при одновременном лишении оппозиции этого ресурса.

Важным элементом, на который следует обратить внимание, является размытый собирательный образ фондов, организаций и стран, которые пытаются помешать «нам» развиваться и используют азербайджанскую оппозицию как свою «пятую колону». Однако нередко эти недоброжелатели обозначаются и более конкретно.

«Для того чтобы увидеть, к чему приводит поддержка извне, далеко ходить не нужно – Ирак, Афганистан и другие страны служат этому наглядным примером», – сказал [секретарь ПЕА], считающий, что существуют силы, толкающие радикальное крыло оппозиции на дестабилизацию в стране общественно-политической ситуации».²²

21 Р. Бабаев. 'Правящая партия обвинила радикальную оппозицию в служении антиазербайджанским интересам', *1news.az*, 15 апреля 2011 г. Сайт по адресу <http://www.1news.az/politics/20110415010912160.html>; 'Зампред правящей партии: «Радикальная оппозиция обречена»', *radioazadlyg.org*, 15 апреля 2011 г. Сайт по адресу <http://www.radioazadlyg.org/content/article/9503230.html>; Т. Гаджиев. 'Массовый выход из радикальных оппозиционных партий их членов является результатом деструктивной деятельности этих партий'; *trend.az*, 23 апреля 2011 г. Сайт по адресу <http://ru.trend.az/news/politics/1866038.html>; И. Джафаров. 'Граждане страны осуждают усилия оппозиции нарушить стабильность в Азербайджане'; *AZE.az*, 25 апреля 2011 г. Сайт по адресу http://www.aze.az/news_ali_axmedov_qrajidane_56561.html; 'Власти Азербайджана обвинили оппозицию в «службе интересам Армении»'; *regnum.ru*, 15 апреля 2011 г. Сайт по адресу <http://www.regnum.ru/news/1395305.html#ixzz1STubwQXy>.

22 С. Мамедов. 'Опасения Азербайджана: Баку обвиняет внешние силы в намерении дестабилизировать ситуацию в стране'; *Nezavisimaia*, 17 июня 2011 г. Сайт по адресу http://www.ng.ru/cis/2011-06-17/6_azerbaidjana.html

Таким образом, возникает определенное противоречие. С одной стороны, ЕС и США – это партнеры. С другой – это те силы, которые пытаются увести «нас» с пути процветания и стабильности. Однако это противоречие объясняется тем, что азербайджанская власть нуждается в ЕС и США как в партнерах (особенно экономических), но рассчитывает построить отношения по принципу: «они» не вмешиваются в наши «внутренние» дела; «мы» продаем «им» нефть и газ, а также поддерживаем военные операции.

Секретарь правящей партии, критикуя страны, участвующие в операциях в Афганистане и Ираке, забывает, что нынешняя азербайджанская власть поддержала эти военные акции пусть и символическими, но военными контингентами. И вот здесь как раз нельзя не увидеть парадокс: политическая власть сама поддерживает и напрямую участвует в военных операциях, декларируемая цель которых – установление демократии с помощью давления извне. При этом во внутривластном дискурсе в адрес подобной политики звучит очень жесткая критика.

Оппозиционный дискурс

Описывать подробно оппозиционный дискурс не имеет смысла по той простой причине, что оппозиция выдвигает практически те же обвинения, но звучащие уже в отношении власти. По этому поводу высказался практически каждый из известных оппозиционеров. Здесь имеет смысл проиллюстрировать этот дискурс высказываниями теперь уже бывшего председателя (башкана) партии «Мусават». Как раз в отношении выборов 2005 года, когда звучали обвинения оппозиции в антинациональной деятельности, башкан этой самой авторитетной оппозиционной партии, в свою очередь, заявлял, что:

«Всем известно, что на последних выборах и парламентских, и президентских в Азербайджане побеждали демократические силы, только путем насилия этот режим смог остаться у власти. Это не мы, демократические силы, а нынешний режим, который применяет подтасовки на выборах, насилие против своих же граждан, должен уйти с политической арены.»²³

Отличие дискурса оппозиции в том, что члены этих партий публично подтверждают свою ориентацию на «западные демократии». Соответственно представители этих партий публично (не скрывая этого) обращаются к политикам ЕС и США с просьбой о поддержке демократических реформ в стране. Подобного публичного обращения нет и не может содержаться в дискурсе власти по той причине, что власть утверждает себя в качестве равноправного партнера «западных демократий» и позиционирует себя в качестве либерально-демократической силы.

23 З. Расулзаде. 'Иса Гамбар: «Международное сообщество поддерживает демократические процессы в Азербайджане, чего не было на президентских выборах 2003 г.»'; *Day.az*, 2 сентября 2005 г. Сайт по адресу <http://news.day.az/politics/30623.html>

В остальном обвинительный дискурс, который можно изучать по заявлениям представителей оппозиции, мало отличается от дискурса власти. Тот же бывший башкан партии «Мусават», обращаясь к гражданам страны по случаю «Дня независимости» в 2008 году, не преминул обвинить власти в том, что они «дискредитировали саму идею независимости». Из заявления следует, что:

«Они [власти] стерли из календаря не только День независимости, но и своей некомпетентной и негодной политикой дискредитировали саму идею независимости. Именно в результате антинародной политики Алиевых народ не только не видит плодов независимости, но, напротив, в период правления этого режима стал еще беднее и несправнее».²⁴

Таким образом, и в контексте дискурса оппозиции мы видим все те же популистские клише, в контексте которых уже власть становится недостаточно патриотичной («антинародной» и пр.). Полный набор клише можно встретить во многих публицистических работах оппозиционных журналистов. Эти работы часто наполнены обличительным пафосом, которым насыщен и дискурс власти. Вот, например, подобного рода комментарий к парламентским выборам 2005 года:

«Регулярно освещая события в Азербайджане на страницах нашей газеты, я уже писал о том, что власть накануне выборов наконец-то предстала перед обществом и всем миром без имитационных масок и имитационной риторики. То есть такой, какая она есть на самом деле – несоветской, тоталитарной, полицейской по своей внутренней сути и антизападной, антидемократической, антинародной по направленности своей сегодняшней политики. Однозначно, что нервничающая и запутавшаяся в противоречиях власть видит для себя единственный выход только в усилении реакции, в попытках «белорусизации» или «узбекистанизации» страны, и с этой целью вынашивает опасные планы превентивного контрреволюционного усмирения общества».²⁵

Если власть обвиняет оппозицию в попытках импортировать демократию с Запада, видит в оппозиции «пятую колонну», помогающую недоброжелателям Азербайджана, а то и существующую на деньги врагов, то и оппозиция периодически выдвигает схожие обвинения. Например, в одном из последних (в ноябре 2011 г.) текстов, принадлежащих перу знаменитого оппозиционного журналиста, утверждается, что:

««пятая колонна» Кремля никогда не теряла своей прочной основы в госаппарате. Прислужники ЧеКа всегда были начеку. Именно эта «кремлевская колонна» сыграла архиважную роль в процессе прихода к власти действующего президента. <...> В

24 'Иса Гамбар: власти Азербайджана дискредитировали идею независимости', *Kavkazskii Uzel*, 18 октября 2008 г. Сайт по адресу <http://azerbaijan.kavkaz-uzel.ru/articles/143022>.

25 Р. Юнусов (2005 г.). 'Театр абсурда по-азербайджански'. Сайт по адресу <http://ramisyunusov.50webs.com/theater.html>

2003 г. Россия достигла кондоминиума с Вашингтоном по вопросу будущей судьбы власти в Азербайджане. Русским, в отличие от экспертов Госдепа, не из кого было выбирать. Азербайджанская оппозиция традиционно ориентировалась на Запад и отвергала путь сотрудничества с «северным медведем» и «южной лисицей» [имеется в виду Иран]. < > Геополитический выбор противников Алиевых легко объясним – все оппозиционные лидеры вышли из шинели Народного Фронта, который проповедовал ценности национальной независимости и в будущем – воссоединения с «иранским» Азербайджаном. Не было общих точек соприкосновения и с Кремлем, который преследовал единственную цель – вернуть любой ценой Азербайджан в лоно своего влияния».²⁶

Здесь мы видим, как оппозиция пытается охарактеризовать власть с помощью все того же дискурсивного клише – «пятая колонна». Только в дискурсе оппозиции власть становится «пятой колонной» России, которая для автора этого пассажа является страной неизжитого тоталитаризма, символом зла. У власти, по мысли автора, есть точки соприкосновения именно с этим режимом еще и потому, что власть отказывается от ценностей независимости. В результате в дискурсе власти оппозиция все еще может существовать, только имея поддержку извне, но и в дискурсе оппозиции власть удерживает свои позиции только благодаря внешней поддержке. Таким образом, оба дискурса создают зеркальный образ, в контексте которого современное азербайджанское общество становится сугубо марионеточным. Ниточки, благодаря которым это общество-марионетка вообще может двигаться или существовать, тянутся за рубеж. Во всех «наших» бедах и проблемах видится, в первую очередь, «внешняя рука».

В итоге мы видим дискурс, в рамках которого какой-либо диалог становится невозможным. Как можно выстраивать диалог с «антинародной» властью? Или как можно дискутировать с оппозицией, которая поддерживает «наших внешних врагов» и выступает в роли противника «наших достижений и независимости»? Обвинения в радикализации исходят от обеих сторон, участвующих в политической борьбе. В ситуации взаимных популистских обвинений говорить о возможной демократизации не приходится.

«Образ друга» или внешнеполитические предпочтения власти и оппозиции

В этой ситуации и власть и оппозиция находят «друга» на стороне. На роль единственного по-настоящему «братского народа» после распада СССР стала претендовать соседняя Турция. За весь постсоветский период в отношениях между Азербайджаном и Турцией произошел только один серьезный срыв. Сомнения в союзнических и «братских»

²⁶ Как стыд побеждает страх (2012 г.). Доступен на 3/1/13. Сайт по адресу <http://www.radioazadlyg.org/content/blog/24389223.html>

отношениях возникли в октябре 2009 года, когда были подписаны «турецко-армянские протоколы».²⁷ Сразу же вслед за подписанием этих документов МИД Азербайджана выступил с заявлением, что нормализация отношений между Турцией и Арменией до решения Карабахского конфликта противоречит интересам Азербайджана и «духу братских отношений» между двумя республиками. Отношения еще некоторое время оставались напряженными, что привело к событиям, которые в СМИ назвали «войной флагов».²⁸ Однако по мере того, как ратификация протоколов откладывалась, постепенно становясь все менее вероятной, отношения между государствами вновь потеплели.²⁹

Таким образом, дальше символических демаршей, заявлений и немногочисленных пикетов радикалов в Баку разногласия не заходили. Хотя политические аналитики не раз говорили об охлаждении отношений на самом высоком уровне, эти обстоятельства не мешают широкой поддержке и властью и оппозицией идеологии «братских народов». Все постсоветские годы Турция неизменно поддерживала Азербайджан в Карабахском конфликте, так и не получив взамен официальной поддержки в признании Турецкой республики Кипр. Вместо этого признания, которое могло осложнить для Азербайджана отношения с ЕС, Турция стала важным партнером в транзите азербайджанской нефти, а в недалеком будущем – возможно еще и природного газа.³⁰

Кроме того, в Азербайджане турецкие власти находят и неизменно широкую поддержку в противостоянии с Арменией и армянской диаспорой по поводу трактовки событий 1915 года в Анатолии в качестве геноцида. Можно утверждать, что противодействие этой политике встречает редкое единодушие и согласие в азербайджанском политическом истеблишменте, интеллектуальных кругах и во всем обществе в целом. Здесь азербайджанские политики демонстрируют не только поразительное единство взглядов, но и полное согласие с турецкими властями и, видимо, с большей частью общественности Турции. Фактически речь идет о том, что для обоих сообществ существует общий «образ врага» – армяне.³¹

27 Здесь я имею в виду подписанные 10 октября в Цюрихе министрами иностранных дел Турции и Армении – Ахметом Давутоглу и Эдуардом Налбандяном – «Протокол об установлении дипломатических отношений» и «Протокол о развитии двусторонних отношений».

28 События начались с матча между футбольными сборными Турции и Армении 14 октября в городе Бурсе, на котором присутствовали Абдулла Гюль и Серж Саркисян и куда запретили приносить азербайджанские флаги. Через несколько дней турецким властям был выражен официальный протест в связи с неуважением, проявленным к азербайджанскому флагу. Однако этим в Баку не ограничились, и в Аллее Мучеников (Шехидляр Хиябаны) в центре Баку были сняты турецкие флаги, установленные у памятного комплекса в честь турецких военнослужащих, погибших в городе в 1918 году. По официальной версии флаги убрали, так как они не соответствовали закону «О правилах использования флагов зарубежных государств и международных организаций в Азербайджанской Республике». Эта версия никого не смогла ввести в заблуждение, тем более, что впоследствии флаги вернулись в Аллею, несмотря на вышеупомянутый закон. С. Румянцев (2010 г.). «Война Флагов» и Конкуренция за Статус «Универсальной Жертвы», *Кавказский Акцент*, № 4, стр. 26-28.

29 О. Абдулаев (2011 г.). *Указ. соч.*, стр. 19-23.

30 26 декабря 2011 года «в Анкаре Турция и Азербайджан подписали меморандум о взаимопонимании по созданию консорциума для строительства газопровода по поставке природного газа с азербайджанского месторождения «Шах Дениз» в Европу». *Азербайджан и Турция подписали меморандум о взаимопонимании по газопроводу Trans Anadolu* (26/12/11), Сайт по адресу http://www.azeri.ru/papers/contact_az/94392/

31 Для интеллектуалов и политиков (как, впрочем, и для простых людей) из Армении конфликт с азербайджанцами, в свою очередь, становится составной частью более широкого противостояния с турками, которых, по мнению Рональда Суни, можно обозначить как «традиционного врага» (1997 г., стр. 376). И это

В этом контексте взаимоотношения с Турцией становятся также и важным фактором внутренней политики. Например, власть как минимум закрывает глаза на некоторые акции протеста, организуемые различными партиями. Последние коллективные акции протеста были связаны с принятием во Франции закона об уголовном наказании за отрицание геноцида армян. К концу 2011 года прошли уже две акции у французского посольства в Баку. Первую акцию провели представители Международного центра диаспоры и ветеранов Отечественной войны (22.12.2011 г.). Вторая акция прошла 26 декабря и была организована активистами Партии национальной независимости. Полиция не вмешивалась в их проведение, и это несомненный признак того, что акции были, по меньшей мере, согласованы с властями.³² В противном случае они были бы жестко пресечены. Впрочем, и сами власти в лице министра иностранных дел Азербайджана и Шейх-уль-Ислама Аллахшукюр Пашазаде (официального руководителя Управления мусульман Кавказа) выступили с критикой решения французского парламента.³³

Этот протест, безусловно, широко поддерживает общественность Азербайджана. В этом смысле подобные якобы неофициальные акции протеста, как и официальные демарши, призваны не только продемонстрировать неизменную «дружбу» и союзнические отношения с Турцией. В определенном смысле подобные акции направлены и на внутривнутриполитическую арену, когда власти демонстрируют приверженность борьбе с «общим врагом», тем самым повышая и свой внутренний авторитет.

В то же время реальная политическая жизнь создает ситуации, когда и «братские народы» вступают в определенную полемику. Такие ситуации возникали после «войны флагов», хоть и не носили уже столь публичный характер. Но от этого они, возможно, остаются не менее острыми. Так, если судить по документам, выставленным на сайте WikiLeaks и довольно широко обсуждавшимся на страницах азербайджанских оппозиционных газет и сайтов, президент Ильхам Алиев высказывался весьма нелестно о нынешнем руководстве Турецкой Республики. Поводом для этого послужило все то же сближение Турции и Армении. Т. е. «старая история», в результате которой в 2009 году разразилась «война флагов», обрела «второе дыхание».³⁴

аскриптивное со стороны армян объединение азербайджанцев и турок в одну нацию или народ становится еще одним ресурсом, поддерживающим концепцию, предложенную предыдущим президентом Азербайджана: «Одна нация – два государства».

32 Акция протеста перед посольством Франции (22/12/11). Сайт по адресу http://www.azeri.ru/papers/contact_az/94243/; Очередная Акция протеста перед посольством Франции (26/12/11). Сайт по адресу http://www.azeri.ru/papers/contact_az/94394/

33 Эльмар Мамедъяров: решение Национальной Ассамблеи Франции еще должно быть утверждено (23/12/11). Сайт по адресу http://www.azeri.ru/papers/contact_az/94319/; МИД Азербайджана: решение парламента Франции несовместимо со свободой слова и выражений (23/12/11). Сайт по адресу http://www.azeri.ru/papers/contact_az/94255/; Шейх пристыдил Саркози (27/12/11). Сайт по адресу http://www.azeri.ru/papers/contact_az/94478/

34 Призрак "WikiLeaks" (16/9/11). Сайт по адресу http://www.azeri.ru/papers/contact_az/89266/

Некоторые аналитики высказали предположение, что Турция, в свою очередь, искала поддержку азербайджанских политиков в своем конфликте с Израилем. Однако таковую пока не нашла, и Азербайджан остается в союзнических отношениях с этой ближневосточной страной несмотря на резкое охлаждение в турецко-израильских отношениях.

В целом следует констатировать, что «образ друга» – Турции – используется во внутриполитической борьбе чаще оппозицией, чем властью. Значительная часть ведущих оппозиционных партий стоит на позициях тюркского национализма и пантюркизма (Мусават, Партия народного фронта Азербайджана, Партия национальной независимости Азербайджана и др.). Поэтому любое охлаждение отношений между азербайджанскими и турецкими властями воспринимается как удар по «единству двух братских народов». Политические функционеры от оппозиции часто включают в свою критику упоминания о недостаточной близости к Турции, о нежелании нынешних властей более тесно сотрудничать с этой «братской страной». Властям же критиковать оппозицию за эти недостатки гораздо сложнее. В то же время как у азербайджанской власти, так и у оппонентов возможность налаживания отношений между Турцией и Арменией вызвала резко негативную реакцию. В этом смысле власть и оппозиция продемонстрировали определенное единодушие.

Несмотря на некоторые осложнения в отношениях между руководством Турции и Азербайджана, их тесные союзнические отношения сохраняются. Определенные трудности скорее продемонстрировали, что альтернативы «братству» в ближайшей перспективе не предвидится. Точно так же можно предположить, что в ближайшей перспективе ведущие оппозиционные политические партии будут настаивать на необходимости более тесной интеграции с Турцией и критиковать власть за недостаточное внимание к этой проблеме. Власть же будет подчеркивать отношения «дружбы» и «братства» даже в ситуации каких-либо возможных в будущем трений. Т. е. партнерские отношения с Турцией останутся важным фактором во внутриполитическом дискурсе.

Выводы и рекомендации

Первый и основной вывод состоит в том, что следует отказаться от практики маргинализации внутриполитических оппонентов. Можно точно утверждать, что обвинения в недостаточном патриотизме, «дружбе с врагами» и недоброжелателями Азербайджана, в «антинародности политического режима» или «антинародной» деятельности оппозиции не имеют под собой серьезных и аргументированных оснований. Во всех случаях речь идет о заявлениях на уровне спекуляций или политического популизма. Можно утверждать, что если бы за подобными обвинениями были хоть какие-то основания, то депутаты или представители оппозиционных партий или власти давно были бы уличены в наличии таких связей. Однако этого не происходит, и уже несколько лет дальше взаимных обвинений и спекуляций, граничащих с оскорблениями, дело не идет.

Требование об отказе от радикализации дискурса должно относиться к обеим сторонам, активно участвующим в политической борьбе. Из приведенного анализа ясно следует, что политическая борьба давно уже уступила место политическому конфликту. Даже «образ друга» (Турции) используется в этой внутривнутриполитической борьбе с целью манипуляции общественным мнением. И в случае с «образом друга» мы не наблюдаем никаких намеков на хотя бы слабые попытки консолидации между властью и оппозицией, несмотря на то, что обе стороны рассматривают Турцию в качестве «братской страны». Этот внутренний конфликт не способствует оздоровлению политической атмосферы в стране. Следует, наконец, вспомнить, что все участники этого процесса являются гражданами Азербайджана. Следует вспомнить о том, что взаимные, популистские и абсолютно бездоказательные обвинения унижают обе стороны, вовлеченные в подобного рода дискуссии.

Конечно, трудно предполагать, что простые призывы могут возыметь действие. Мне представляется, что наиболее серьезные политики из двух по сути уже скатившихся к конфронтации лагерей должны попытаться определить те сферы или области взаимодействия, участвуя в которых они могли бы постепенно изменять обстановку в стране. Например, экологическая ситуация в Азербайджане может волновать всех граждан, и коллективные общественные акции могли бы объединить конфликтующие стороны.

Пока конфликтующие стороны объединяются только в своей оценке «внешнего врага». Власть и оппозиция единодушны только в максимально резкой оценке действий армянской стороны в Карабахском конфликте.³⁵ Однако и в этой ситуации «совпадения взглядов» можно наблюдать скорее конкуренцию, воспроизводящую конфликтный внутривнутриполитический дискурс, чем попытки какого-либо сотрудничества в разрешении конфликта. Каждая из сторон пытается превзойти другую в воинственной риторике. Каждая из сторон вновь и вновь использует конфликт с тем, чтобы попытаться дискредитировать политического оппонента. В том, что касается Карабахского конфликта, власть и оппозиция (как коллективные политические акторы и каждая по-своему) пытаются быть «святей Папы Римского». Между тем, если все политические акторы в Азербайджане видят в конфликте проблему первостепенной важности, то имело бы смысл объединять усилия, направленные на ее решение.

Однако именно споры вокруг конфликта (точнее возможностей его решения) являются, на мой взгляд, малоперспективной платформой для налаживания диалога между властью и оппозицией. Более перспективной, как мне кажется, является возможность начала диалога в рамках деятельности, которая могла бы быть максимально деполитизирована. Возвращаясь, например, к экологическому движению, можно предположить, что оно может отражаться в добровольных акциях очищения столицы страны от бытовых отходов, или в серии мероприятий, направленных на экологическое обучение детей и подростков и т.п. Совместное участие в таких мероприятиях позволило бы мобилизовать всех граждан

35 А также, как уже было отмечено выше, в признании за Турцией статуса основной и, фактически, единственной «братской страны».

страны для решения этих важных задач и оставить проблемы, которые, видимо, пока не могут быть решены, на будущее. Менять к лучшему страну следует уже сегодня, и для начала это могут быть самые простые и маленькие шаги. Главным условием, впрочем, остается отказ от популистских и радикальных взаимных обвинений.

ГЛАВА 3

Использование образов внешнего друга и врага во внутривполитическом дискурсе Армении на примере анализа выступлений первого президента Левона Тер-Петросяна (сентябрь 2007 г. – май 2011 г.)

Микаел Ованнисян

Введение

Политический дискурс внутри страны формируется в результате обмена собственными подходами и восприятием социально и политически значимых вопросов противодействующими политическими группами. В результате подобного обмена возникает необходимость переосмысления или рефлексии как собственных, так и противоположных позиций, что переводит следующий цикл обмена на метауровень, сформировавшийся в результате рефлексии. В комплексе указанные действия формируют мифологическую картину, являющуюся восприятием конкретной системы отношений в конкретный промежуток времени. Необходимость создания мифологической системы объясняется тем, что она представляет собой сжатое или закодированное представление, общее или согласованное внутри общества, отношения внутри которого регулирует данная система.

Однако с течением времени реальность, описанная мифополитической системой, и сама система перестают соответствовать друг другу. Это несоответствие возникает вследствие того, что реальность намного более динамична, чем мифополитическая система, эту реальность описывающая. Когда данное несоответствие достигает определенного критического предела, возникает необходимость заново описать изменившуюся реальность, что приводит к изменению и мифополитической системы. Целью данного исследования является выявление политических мифов и функций использования образов внешнего друга и врага во внутривнутриполитическом дискурсе Армении посредством анализа публичных выступлений Левона Тер-Петросяна и реакций представителей власти.

В контексте Карабахского конфликта, армяно-турецких отношений, а также отношений Армения-Россия и Армения-Запад (последняя пара может включать армяно-американский, армяно-европейский, а также армяно-«западный» варианты) обращение к образу внешнего друга/врага представляет особый интерес, поскольку предполагает одновременно нескольких адресатов: политических оппонентов и общество внутри страны, а также внешние силы, вовлеченные в процессы внутри Армении и вокруг нее или имеющие на них влияние. В этом смысле оно допускает различные коннотации и в силу этого воздействует на большое число компонентов, составляющих мифополитическую систему современной Армении.

Перед тем, как перейти к анализу мифов с точки зрения использования образов друга и врага во внутривнутриполитическом дискурсе современной Армении, необходимо представить понятие «политический миф» и обосновать приемлемость данного термина в представленном ниже исследовании.

Существует несколько трактовок данного понятия, которые в первую очередь обусловлены современным определением понятия «миф». Так, например, некоторые источники представляют понятие «политический миф» как «политическое сознание,

неадекватно интерпретирующее реальную политическую систему».¹ В данном контексте четко обозначается отношение к понятию «миф» как к вымыслу, выдумке, в результате чего и происходит указанная «неадекватная интерпретация».

Иное восприятие политического мифа создается, когда понятие «миф» представляется как нечто частично или полностью формирующее картину мира в данный исторический период посредством обобщенных или закодированных образов, представляющих тот или иной процесс, явление, норму поведения или тип отношений, закономерный в конкретном контексте. В результате вышеназванные компоненты либо адаптируются в общественном сознании в виде стереотипов, призванных упростить общественное восприятие событий, явлений, отношений и т.д., либо, не завоевав должного внимания, забываются или не воспринимаются как нечто совокупное.

В свете вышесказанного особый интерес представляет анализ политического дискурса как процесса, во многом формирующего систему политических мифов. Образы, использованные в политическом дискурсе, особенно посредством публичных выступлений, в зависимости от их актуальности с точки зрения общественного сознания либо адаптируются к системе понятий и, постепенно обрстая все большим количеством интерпретаций, превращаются в мифологемы или в мифы, либо не воспринимаются как таковые и предаются забвению.

Мифотворчество в общественно-политической жизни представляет собой явление коллективное, не имеющее конкретного автора. К тому же процесс этот неизбежно должен пройти «обкатку» со стороны оппонентов и общества в целом.

Именно с этой точки зрения и осуществлено предлагаемое исследование, цель которого – проведение анализа и выявление не только основных характеристик армянского внутривнутриполитического дискурса, но и анализ процесса мифотворчества и влияния различных составляющих общества на этот процесс.

Основные контексты использования образов внешнего друга и врага и особенности риторики выступлений

Мифы о Тер-Петросяне и его возвращении

Возвращение первого президента Левона Тер-Петросяна в активную политику, ознаменованное его публичным выступлением 21 сентября 2007 года – первым за десять лет после отставки, всколыхнуло общественно-политическую жизнь страны.

¹ Мир словарей (2012 г.). 'Мифы политические', доступен на http://mirсловarei.com/content_pol/mify-politicheskie-1215.html, ссылка проверена 23/03/2013

Причиной тому, помимо появления возможности активной борьбы за изменение системы и структуры власти, послужил и тот факт, что в общественном сознании Левон Тер-Петросян как политический деятель и как первый президент Армении является фигурой мифологизированной. Причем такое восприятие характерно как для той части общества, которая относится к нему неприязненно, так и для той, которая его поддерживает.

Мифологизации первого президента способствовали многие составляющие его биографии: выходец из диаспоры, всю сознательную жизнь проживший в Армении; ученый, владеющий множеством иностранных языков; женат на ленинградке еврейского происхождения и т.д. Имидж «отца-основателя» или, как его называют некоторые его сторонники, «президента-основателя» также можно считать мифологемой, подпитывающей миф о возвращении.

Сам факт возвращения Тер-Петросяна тоже можно считать явлением мифологизированным. Здесь немаловажную роль сыграли 10-летнее молчание и самоизоляция первого президента, а также периодически циркулируемый в общественно-политическом фольклоре Армении сюжет, повествующий о якобы сказанной Тер-Петросяном фразе: «До тех пор, пока народ не придет и не попросит, чтобы я вернулся, я не вернусь». Другим важным компонентом этого мифа можно считать статью «Война или Мир»,² написанную Тер-Петросяном 1 октября 1997 года – за два с небольшим месяца до отставки, в которой Тер-Петросян представил анализ внутренней и внешней политики Армении и, в частности, Карабахского конфликта. В контексте данного исследования статья эта примечательна тем, что в ней четко дифференцируются так называемые «партия войны» и «партия мира». В обществе она была воспринята крайне неоднозначно: одни называли ее «пророческой», другие – «предательской».

Миф о «возвращении Левона» можно сравнить с намного более древним мифом о младшем Мгере – герое армянского эпоса, который был последним и наиболее неоднозначным из сасунских героев. Согласно преданию, Мгер добровольно заключил себя в пещеру со словами: «В мире много зла, земля не выдержит моей тяжести. Пока пшеничное зерно не будет с шиповник, я не выйду из заключения».³ В целом образ «несправедливо отторгнутого героя» характерен для мифологического сознания армян: неудивительно, что среди армян довольно популярна поговорка «*гна мери ари сирем*», что можно перевести как «я полюблю тебя только после того, как ты умрешь».

Другим мифологическим компонентом, связанным с возвращением Тер-Петросяна, можно считать тот факт, что брат убитого во время теракта 27 октября 1999 года премьер-министра Вазгена Саргсяна, экс-премьер и лидер партии «Республика» Арам Саргсян,

2 Левон Тер-Петросян, «Война или Мир» (на армянском языке), доступен на http://www.anm.am/index.php?option=com_content&view=article&id=133:warorpeace&catid=50:artsakh&Itemid=87, ссылка проверена 10/01/2013 г.

3 Армянский национальный эпос «Сасна Црер». Ветвь 4: Мгер Младший. Уход Мгера в скалу, доступен на <http://www.gisher.ru/vetv-4-mger-mladshiy-uxod-mgera-v-skalu-t13879.html>, ссылка проверена 10/01/2013 г.

и сын убитого тогда же спикера парламента Карена Демирчяна, лидер Армянской Демократической Партии и основной оппозиционный кандидат президентских выборов 2003 года Степан Демирчян, стали активными соратниками первого президента. В данном контексте мифологема «наследников» в совокупности с мифом «возвращения» стала веским аргументом в пользу необходимости «восстановления справедливости».

Наконец, еще одним немаловажным дополнением к мифу «возвращение» можно считать мифологему «осознание ошибок и искупление». Будучи не у власти в течение 10 лет и наблюдая за процессами со стороны, а также анализируя пройденный путь, Тер-Петросян возвращается в политику с целью «восстановить свое доброе имя в глазах последующих поколений и разрушить систему власти, которая начала формироваться в последние годы его президентства». Так обосновывают свою поддержку многие его сторонники, при этом отмечая, что «Тер-Петросяну не нужна власть как метод обогащения». Сам Тер-Петросян эту цель сформулировал во время выступления на площади Свободы 16 ноября 2007 года. Первый президент попросил прощения за то, что привез Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна в Армению и навязал их народу. «Если у меня были ошибки в кадровой политике, то признаюсь, эта – самая большая», – сказал он. «Более того, это не ошибка, а напасть, которую я навел на народ. А раз так, разрешите и помогите мне освободить вас от этой напасти».⁴

Общий анализ риторики и контекстов публичных выступлений

В первую очередь следует отметить, что публичные выступления Тер-Петросяна имеют довольно очевидную специфику. Владение литературным языком и частое использование редких оборотов, архаизмов, а также научная стилистика выступлений придают дополнительную весомость его речам. Иногда, предположительно для контраста, Тер-Петросян использует народные, сленговые выражения, арменизированные русские слова, встречающиеся в основном в ереванском жаргоне. Выступлениям Тер-Петросяна присуща четкая аргументированность, насыщенная многочисленными научными обоснованиями и определениями. В силу этого его выступления зачастую длятся довольно долго и превращаются в пространные лекции.

С точки зрения функциональных особенностей использования образов внешнего друга и врага следует систематизировать основные контексты, в которых они преподносятся. В этом отношении в выступлениях Тер-Петросяна можно выделить два основных контекста – внешнеполитический и внутривнутриполитический. Каждый из этих контекстов, в свою очередь, делится на некие темы, которые конкретизируют функциональные особенности использования образов.

⁴ Выступление Левона Тер-Петросяна на митинге 16 ноября 2007 года, доступно на <http://archive.168.am/ru/articles/4114>.

Во внутривполитический контекст можно включить следующие темы:

1. Системные проблемы управления и предвыборная борьба
2. Необходимость радикального изменения системы власти в рамках поствыборной ситуации
3. События первого марта и внутривполитический кризис, возникший в результате этих событий

Внешнеполитический контекст включает в себя две основные темы:

1. Армяно-турецкие отношения
2. Карабахский конфликт.

Примечательно, что обе темы внешнеполитического контекста являются фундаментальными вопросами, оказывающими огромное воздействие на восприятие собственной идентичности как нации и как государства, и обсуждаются на всех уровнях общественного дискурса на протяжении всего периода независимости Армении.

Очевидна также связь между контекстами армяно-турецких отношений и карабахского конфликта, которые отражают две основные внешние проблемы Армении, часто связываются друг с другом и преподносятся как одна общая угроза.

Внутривполитический контекст

Как уже было сказано выше, выдвижение Тер-Петросяна в качестве кандидата на пост президента Армении в ноябре 2007 года само по себе оказалось событием и привлекло всеобщее внимание. Естественно, что в этом контексте большое значение имеет содержание выступлений, давших старт предвыборному процессу.

Примечательны семь выступлений первого президента в этот период: первое выступление, о котором говорилось выше, ознаменовало его возвращение, три выступления состоялись на общенациональных митингах в Ереване и привлекли наибольшее число слушателей, два выступления прошли на Конгрессе сил, поддержавших кандидатуру Тер-Петросяна во время президентских выборов, и, наконец, имела место встреча с молодежью, во время которой участники имели возможность задавать вопросы на различные темы.

Содержание выступлений этого периода примечательно тем, что после десятилетнего молчания Тер-Петросян попытался дать наиболее полную картину власти Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна, охарактеризовав ее как клептократию, и представил ее структуру, ресурсы и методы управления. Второй компонент выступлений можно охарактеризовать как объяснение, обоснование действий во время своего президентства.

Эта часть имела важную функцию – разрушить стереотипы о «холодных и темных годах», когда в условиях блокады и войны в Армении был энергетический и экономический кризис.

В контексте данного исследования наиболее примечательно и интересно выступление Тер-Петросяна на митинге 8 Декабря 2007 года, озаглавленное «История, идеология, типология».⁵ Важность данного выступления заключается в том, что оно наиболее концептуально и систематизированно вынесло на обсуждение основные факторы внутренней и внешней политики Армении. Выступление это заслуживает внимания и в силу того, что Тер-Петросян ответил на обвинения, прозвучавшие в его адрес со стороны Кочаряна и Саргсяна, а также в проправительственной прессе. Необходимость озвучивания указанных вопросов была обусловлена как общественной потребностью, так и реакцией властей, в частности, Роберта Кочаряна, который, когда его попросили прокомментировать возвращение Тер-Петросяна в активную политику, ответил, что просит граждан вспомнить, сколько освещенных улиц было в Ереване при Тер-Петросяне, и сколько появилось при нем. Другой реакцией, на этот раз со стороны Сержа Саргсяна (на заявление Тер-Петросяна о том, что в случае консолидации всех оппозиционных сил вокруг него он подаст в отставку через три года и станет гарантом проведения честных, демократических выборов) была фраза: «Наверное, трех лет ему будет достаточно, для того, чтобы сдать Карабах».⁶

Естественно, темы карабахского конфликта и армяно-турецких отношений периодически использовались как властями, так и оппозицией, в частности, по той причине, что поводом для отставки Тер-Петросяна послужил именно карабахский конфликт. Со стороны властей в адрес Тер-Петросяна звучали обвинения в «слабости» и в готовности пойти на «антиармянские уступки». Тер-Петросян же обвинял власти в том, что те за десять лет не только не продвинулись в переговорном процессе, но и уступили свои позиции, в частности, позволив, чтобы Карабах был выведен из процесса переговоров.

Хотя в контексте предвыборной борьбы ни власти, ни оппозиция не использовали явных враждебных высказываний в адрес Азербайджана, такого рода обвинения опосредованным образом и на чисто коннотативном уровне вновь и вновь отсылали слушателей к образу врага – азербайджанской стороне. Так как весь дискурс вокруг этой темы ведется с позиции внутренней ситуации, то в данном контексте образ внутреннего врага или предателя превалирует над образом внешнего врага, в результате чего образ Азербайджана как врага обезличивается и приобретает менее эмоциональную и персонифицированную коннотацию «противник».

За обвинениями со стороны Сержа Саргсяна в «сдаче» Карабаха и за статьями в проправительственной прессе о «протурецкости» Тер-Петросяна последовало

5 Л. Тер-Петросян. 'История, идеология, типология', 168chasov.ru, 27 Декабря 2007 г. Сайт по адресу <http://archive.168.am/ru/articles/4123-pr>, ссылка проверена 10/01/2013 г.

6 См. <http://www.armtown.com/news/am/lra/20071120/46429/> (на армянском языке).

выступление на митинге 8 декабря 2007 года, во время которого первый президент детально представил свою позицию по армяно-турецким отношениям и карабахскому конфликту. При этом он, в частности, сказал: «Не могу не отметить, что в протурецких настроениях меня обвиняют люди, которые длительный отрезок жизни подобострастно служили туркам».⁷ Данное высказывание звучит довольно неоднозначно, если принять во внимание, что Тер-Петросян во время своих выступлений обычно придерживается весьма точных, в некоторых случаях детальных формулировок. В данном случае под «турками» Тер-Петросян подразумевает Азербайджан, и в этом контексте «турки» – образ собирательный и в сознании армян является синонимом слова «враг». Причисление Азербайджана к «туркам» автоматически является причислением к собирательному образу «врага». Примечательно, что после этой фразы Тер-Петросян обратился не к теме карабахского конфликта, а к армяно-турецким отношениям. В частности, затронув тему геноцида, он отметил: «Как и большинство собравшихся на митинге людей, я потомок тех, кто пережил геноцид...». Затем рассказал о том, как его дед участвовал в мусалерской битве, семилетний отец приносил еду и питье на первую линию сражения, а мать родилась в пещере в дни битвы. «Не проплыви французский флот мимо Муса-Лера, меня бы не было на свете, и к великому восторгу Роберта Кочаряна и Сержа Саргсяна я не говорил бы сегодня на этой площади».⁸

Выступление 8 декабря 2007 года как по структуре, так и по содержанию напоминает научный доклад, в котором обоснована необходимость смены власти в Армении. В этом выступлении Тер-Петросян, в частности, дал детальный анализ нынешней системы власти, сравнив ее с татаро-монгольским методом управления. И хотя Тер-Петросян отметил, что аналогия не имеет этнического характера, тем не менее в общественном восприятии это сравнение имело коннотацию «пришлости», отождествления Кочаряна и Саргсяна с тем местом, откуда они, собственно, пришли – с Нагорно-Карабахской автономной областью Азербайджанской ССР. В сознании большей части оппозиционно настроенного общества «татаро-монгольское» сравнение наряду с определением «клептократия» прочно закрепилось за кочаряно-саргсяновской системой власти. Эти два определения превратились в своего рода «код», который подразумевал более детальное определение системы власти в Армении, представленной Тер-Петросяном в предвыборный период. Этот «код» включал в себя основные качества, которые приписывались властям оппозицией – «пришлость», «клановость», «разбойничьи методы управления», «культурная и интеллектуальная неполноценность», «отсутствие привязанности к ценностям Армении» и т.д. Таким образом можно сказать, что с точки зрения значительной части оппозиционной общественности Армении Тер-Петросян дал полную картину власти, подробнейшим образом описав ее структуру, методы и ресурсы. Неудивительно, что «клептократия» и «татаро-монголы» как описательные образы использовались не только в предвыборный период, но и после него.

7 Л. Тер-Петросян. 'История, идеология, типология', 168chasov.ru, 27 Декабря 2007 г. Сайт по адресу <http://archive.168.am/ru/articles/4123-pr>.

8 Там же.

В плане анализа способов использования образов друга/врага во внутривосточном дискурсе особый интерес представляет обращение к России, Европе и США или их упоминание. Так, например, критикуя политику «имущество в обмен на долги», в результате которой большое количество стратегически важных объектов было передано России в обмен на погашение внешнего долга Армении, Тер-Петросян, перечислив все переданные России объекты, сказал: «Вины России в данной сделке нет, и необоснованны обвинения, звучащие в ее адрес. Как объявил президент России Владимир Путин, инициатором сделки являлись власти Армении. На этот шаг их толкнуло желание освободиться от забот выплачивания процентов с российского долга и облегчить свою ответственность, не принимая во внимание тот факт, что этот неосмотрительный и безответственный шаг нанесет серьезный вред армяно-российским дружественным отношениям».

Несложно заметить, что это заявление вовсе не однозначно. С одной стороны, Тер-Петросян «освобождает» Россию от ответственности за указанную сделку, с другой отмечает, что вред армяно-российской дружбе все же нанесен и повинны в этом действующие власти. Заявление, таким образом, содержит, с одной стороны, заверение в дружбе в виде констатации факта армяно-российской дружбы, и одновременно предостережение в адрес российских властей в связи с негативной тенденцией ухудшения отношений на более глубинном уровне. Тем самым автор указывает на несостоятельность действующих властей Армении в качестве заслуживающих доверия партнеров.

Другим важным внешним актором в контексте внутривосточной борьбы является Европа. Прежде чем приступить к анализу использования образа Европы, следует отметить, что значительной частью населения Армении различные европейские институты воспринимаются как нечто обобщенное и недифференцированное. (Не различаются такие институты как Совет Европы и Европейский Союз. Кроме того, факт членства Армении в Совете Европы не воспринимается адекватным образом). К примеру, проведенный в Ереване в ноябре 2008 года опрос показал, что только 14,3% респондентов воспринимают формат армяно-европейских отношений адекватно.⁹ С этой точки зрения любопытен тот факт, что Тер-Петросян, конкретизируя адресат – Совет Европы, идентифицирует его не как организацию, имеющую статус «чужой», а как организацию, членство в которой дает Армении право предъявлять к ней требования, т.е. считает ее «своей» организацией, к которой у армянского общества могут быть претензии. Об этом говорит его следующее заявление, сделанное во время выступления на том же митинге 8 декабря 2007 года: «В последнее время некоторые СМИ уличили меня в очередном предательстве: я, якобы обращаясь к чужим, призываю их вмешаться во внутренние дела страны. Это недоразумение простиительно, поскольку люди, по всей видимости в силу недостатка образования придерживающиеся такого мнения, не осознают, что Совет Европы со своей

9 Centre of European Law and Integration (2008). 'Attitude of Yerevan citizens toward the process of European Integration. (Analysis of the sociological survey results) [Отношение ереванцев к процессу европейской интеграции. (Анализ результатов социологических исследований)]', доступен на http://ces.am/images/stories/CESPDF/soc_en.pdf.

Генеральной Ассамблеей и ОБСЕ являются нашими организациями, а не чужими. Они также не осознают, что Армения, будучи полноправным членом этих организаций, взяла на себя определенные обязательства. Следовательно, мы требуем от наших же организаций проследить за выполнением этих обязательств. Это требование основано на том явном факте, что если наше государство взяло на себя обязательства перед этой организацией, то и она взяла на себя обязательство перед нашим народом. Из всего этого следует, что если считать указанные структуры чужими, то Армения вообще не может быть членом ни одной международной организации».¹⁰

Это заявление имеет нескольких адресатов и преследует несколько целей:

1. объяснить обществу структуру ответственностей и обязательств Армении и СЕ,
2. четко выявить «европейского» адресата в лице СЕ,
3. публично озвучить ответственность СЕ и обосновать необходимость адекватного и последовательного наблюдения за внутривнутриполитическими процессами в Армении со стороны структур СЕ,
4. показать европейским структурам свою приверженность европейским ценностям,
5. в очередной раз озвучить тот факт, что действующая власть играет «не по правилам», причем ни по внутренним – установленным Конституцией, ни по внешним – установленным в силу членства Армении в СЕ.

Таким образом, Тер-Петросян последовательно обосновывает ненадежность и непродуктивность внешней поддержки действующего режима любыми серьезными внешними силами, так или иначе заинтересованными во внутривнутриполитических процессах, происходящих в Армении.

Состоявшиеся 19 февраля 2008 года президентские выборы в Армении и обнародование результатов ЦИК, по которым Саргсян, набрав 52,82%, оставил Тер-Петросяна на втором месте с 21,50%, вылились в массовые демонстрации, превратившиеся в круглосуточные митинги на площади Свободы, где сторонники Тер-Петросяна разбили палаточный городок.

В этот период выступления Тер-Петросяна претерпели некоторые изменения. Во-первых, в них значительное место стало отводиться вопросам организационного характера, а также тактическим вопросам, связанным с планами на ближайшее время. Кроме того, Тер-Петросян стал намного более жестким в своих высказываниях в адрес властей и в своих призывах к консолидации как оппозиционных сил, так и всего общества. Именно в этот период была озвучена крайне неоднозначно воспринятая населением фраза «кто не с нами, тот против нас».

¹⁰ Л. Тер-Петросян. 'История, идеология, типология', *168chasov.ru*, 27 Декабря 2007 г. Сайт по адресу <http://archive.168.am/ru/articles/4123-pr>.

С точки зрения озвучивания вопросов внешнеполитического характера, в выступлениях этого периода явным образом ощущаются импульсы категории «друзья», адресованные европейцам, России и в меньшей степени – США.

Эта особенность обусловлена конкретными процессами, происходившими в короткий (девятидневный) период времени между выборами и событиями 1 марта. Этот период был богат событиями и отличался высоким напряжением и накалом страстей: многотысячные митинги оппозиции, заявление заместителя генерального прокурора Джангириана о поддержке оппозиции, письмо нескольких представителей МИД Армении о поддержке Тер-Петросяна, пересчет голосов на нескольких избирательных участках, аресты сторонников Тер-Петросяна и т.д.

В этих условиях кажется естественным, что частота «посланий» Тер-Петросяна обозначенным адресатам возросла. Этим же фактором обусловлено и более видимое и легче прослеживаемое изменение фактуры «посланий», адресованных внутренним и внешним адресатам. К первой категории следует отнести тех потенциальных оппозиционеров, которых следовало привлечь на площадь Свободы, а также различных политических и государственных деятелей, которых необходимо было убедить присоединиться к оппозиции и тем самым ослабить власть.

Что касается указанных в начале исследования внешних игроков, то послания данного периода были адресованы категории «друг» – европейцам, России и США. Следует отметить, что чем дольше длился митинг, тем жестче и конкретнее становились послания.

Так, например, 28 февраля Тер-Петросян выразил недовольство наблюдателями, в частности, представителями ОБСЕ: «Выборы – это не только день выборов, а процесс, который надо рассматривать как минимум в разрезе 4 месяцев и к которому относятся также и сегодняшние аресты, обыски... Некоторые страны, в частности страны СНГ, имеют серьезные претензии к ОБСЕ. К сожалению, и Армения присоединилась к этому списку. Власти стран недовольны ОБСЕ и даже подняли вопрос о ее преобразовании. Однако ОБСЕ и ее наблюдательские миссии должны заботиться не о недовольстве правительств, а о недовольстве народа. Наше недовольство, которое может возрасти, нанесет еще больший урон авторитету этих миссий. Наблюдательские миссии, Запад не должны формально относиться ко всему тому, что происходит в Армении».¹¹

Тогда же Тер-Петросян предъявил своего рода ультиматум, сформулировав его следующим образом: «В течение 10 дней все перечисленные силы, страны, организации имеют возможность получить в лице Армении либо страну, подобную как минимум Литве – законную, цивилизованную, демократическую, со свободной рыночной экономикой,

11 'Тер-Петросян дал западу 10 дней' *a1plus.am*, 28 февраля 2008 г. Сайт по адресу <http://www.a1plus.am/ru/politics/2008/02/28/6845>

либо страну, похожую на страны Средней Азии... Таковы альтернативы. От Запада требуется всего лишь проявить уважение к этому народу. Таким образом, Запад, страны, объединенные в ЕС, США, международные организации сегодня должны сделать свой выбор: либо они с народом Армении, либо с татаро-монгольским режимом Армении».¹²

В случае с обращениями к России наблюдалась иная ситуация: на том же митинге первый президент, в частности, заявил: «На сегодняшний день Россия занимает серьезное положение среди сверхдержав, и позиция этой страны имеет большой вес. Я знаю, что сегодня Россия стоит перед дилеммой – поддержав действующие власти, она потеряет доверие и любовь армянского общества. Поддержав народ, Россия получит в лице Армении сильного, серьезного и достойного партнера. У России есть недавний опыт Украины и Грузии, поэтому я уверен, что Россия примет правильное решение по ситуации в Армении».¹³

Как видим, эти два обращения кардинальным образом отличаются друг от друга. Вместе с тем, как стилистика, так и структура текста показывают, что ожидания от Запада больше связаны с поддержкой демократических процессов, в то время как послание к России содержит призыв пересмотреть приоритеты партнерства. И если в случае с Западом обращение можно охарактеризовать как «недовольство и требование», то в случае с Россией применима характеристика «уговоры и дружеская просьба».

Анализ приведенного выше обращения к России позволяет выделить три составляющих:

1. «На сегодняшний день Россия занимает серьезное положение среди сверхдержав, и позиция этой страны имеет большой вес». Признание оппозицией Армении статуса России как сверхдержавы, имеющей большой вес, можно также воспринять как заверение в готовности продолжить партнерские отношения с Россией.
2. «...Россия стоит перед дилеммой – поддержав действующие власти, она потеряет доверие и любовь армянского общества. Поддержав народ, Россия получит в лице Армении сильного, серьезного и достойного партнера». Эту часть можно прокомментировать как озвучивание возможной бесперспективности политики России в Армении и опасность потери доверия народа в случае поддержки действующих властей.
3. «У России есть недавний опыт Украины и Грузии, поэтому я уверен, что Россия примет правильное решение по ситуации в Армении». Указание на возможность повторения грузинского и украинского сценариев в Армении, что может привести к окончательной потере Россией позиций на Южном Кавказе.

¹² Там же.

¹³ 'Россия примет верное решение [Russia to take the right decision]', *a1plus.am*, 28 февраля 2008 г. Сайт по адресу <http://www.a1plus.am/ru/politics/2008/02/28/6848>

Трудно предположить, смогла бы армянская оппозиция получить поддержку кого-либо из указанных адресатов. Два дня спустя власти разогнали митинг оппозиции на площади Свободы, после чего случились трагические события 1 марта,¹⁴ которые стали причиной внутривнутриполитического кризиса, подобного которому в истории независимой Армении не было. События первого марта значительным образом повлияли на общественное сознание в Армении, анализ которого – тема для отдельного исследования.

Как уже было отмечено выше, период с Марта 2008 по Май 2011 года является наиболее длительным отрезком исследуемой конфронтации, и условное разделение указанного периода на две составляющие (внутриполитический и внешнеполитический) позволит более детально и обоснованно проанализировать предмет данного исследования.

Внутриполитический контекст

Можно с определенной долей уверенности утверждать, что кризис, возникший после событий 1 марта, охватывает весь последний период, рассматриваемый в данном исследовании (Март 2008 – Май 2011 гг.). Это обусловлено, в первую очередь, тем фактом, что дело 1 марта фактически продолжает оставаться открытым – никто не был обвинен и осужден за смерть 10 человек, официально правоохранительные органы не восстановили полную картину происшедших событий и т.д. Условное обозначение «постмартовский кризис» объясняется тем, что в отдельные периоды события 1 марта являлись основной темой дистанцированного дискурса между оппозицией и властью. С появлением армяно-турецких протоколов внутриполитические вопросы отошли на второй план, но не исчезли, и эта тема периодически активизировалась со стороны оппозиции.

Первый митинг оппозиции после событий 1 марта состоялся 20 июня 2008 года. Перерыв в четыре месяца связан с тем, что на протяжении всего этого времени власти не санкционировали проведение митинга и, по свидетельству представителей оппозиции, мэрия Еревана отказала в проведении 45 заявленных митингов. Следует отметить, что митинг 20 июня также не был санкционирован. По словам Тер-Петросяна, оппозиция решила провести этот митинг в преддверии заседания Парламентской ассамблеи Совета Европы, во время которого должна была обсуждаться резолюция по внутренней ситуации в Армении, что являлось определенной страховкой для оппозиции, гарантировавшей сдержанное поведение властей.

Как отметил Тер-Петросян в своем выступлении во время того же митинга, несмотря на то, что резолюция ПАСЕ, принятая в связи с ситуацией в Армении, включала три основных пункта – создание независимой комиссии по расследованию событий первого

14 Human Rights Watch (2008 г.). 'Армения: в Ереване полиция избивает мирных демонстрантов', доступен на 10/01/2013 г. Сайт по адресу <http://www.hrw.org/en/news/2008/02/29>

марта, отмену поправок к закону о проведении массовых мероприятий и освобождение «лиц, оказавшихся в заключении по политическим причинам», основным требованием оппозиции являлся именно последний пункт, т.к. Тер-Петросян не верил в выполнение ни первого, ни второго требования.

Необходимо отметить, что, помимо внутренних адресатов, основным и, возможно, единственным внешним адресатом в тот период являлся Запад вообще и Совет Европы, в частности, что можно расценить как явление ситуативное. Пытаясь добиться освобождения своих сторонников, Тер-Петросян обращается к внешнему адресату, который имеет механизмы давления именно в данном конкретном случае – через резолюции ПАСЕ. Следует отметить, что отношение к адресату – Совету Европы – не является внешним по своей структуре. Тер-Петросян продолжает использовать тезис о том, что Армения является полноправным членом СЕ и в связи с этим имеет полное право требовать от нее адекватных действий. Так, в самом начале своего выступления на митинге 20 июня Тер-Петросян заявляет: «Этим митингом мы хотим показать бюрократам СЕ, а также ОБСЕ, что они должны прекратить воспринимать Армению с расистских позиций своих высоких трибун, что они должны прекратить игнорировать наш народ, считая его народом страны третьего мира».¹⁵

Несмотря на это, в восприятии СЕ все равно чувствуется мотив внешней силы, которая может изменить ситуацию, но ее необходимо в этом убедить или правильно проинформировать. Об этом свидетельствует следующее высказывание Тер-Петросяна из того же выступления: «И если Совету Европы или международному сообществу кажется, что закон может сдержать наши власти, то они глубоко ошибаются».¹⁶

Как уже отмечалось, в постмартовский период тематика выступлений менялась в зависимости от изменения внешнего и внутривнутриполитического контекста. В этой связи выделяются три основные темы, которые использовались со стороны оппозиции и сменяли друг друга: внутривнутриполитическая ситуация, карабахский конфликт и армяно-турецкие отношения. Актуализация той или иной темы зависела от изменения контекста и тоже носила ситуативный характер. Так, выступления, связанные с политзаключенными и с расследованием убийств 1 марта, становились основной темой накануне заседаний ПАСЕ, визитов европейских или американских высокопоставленных чиновников, муниципальных выборов в Ереване. Армяно-турецкая тема естественно активизировалась с началом «футбольной дипломатии» и в связи с подписанием протоколов, а карабахский вопрос становился основной темой перед встречами Саргсян-Алиев, или же в качестве реакции на некоторые заявления руководителей стран-председателей Минской группы

15 Кандидат в президенты РА Левон Тер-Петросян (2009 г.). ԼԵՎՈՆ ՏԵՐ-ՊԵՏՐՈՍՅԱՆԻ ԵԼՈՒՅԹԸ 2008 Թ. ՀՈՒՆԻՍԻ 20-Ի ՀԱՆԴԱՀԱՎԱԲՈՒՄ [Левон Тер-Петросян, 2008 г., Ереван. 20 июня – митинг]; доступен на 10/01/2013 г. Сайт по адресу <http://www.levonpresident.am/?catID=20&contID=333>

16 Там же.

ОБСЕ и сопредседателей группы. Именно этим обусловлена сложность и условность разделения указанных периодов на конкретные временные отрезки.

Контекст диалога с властями формировался на протяжении всего постмартовского периода. Отдельные прецеденты участия оппозиции в официальных процессах формирования власти, в частности, выборах мэра Еревана, а также определенный нажим извне постепенно подталкивали оппозицию и власти к диалогу, который, как показало дальнейшее развитие событий, имел плачевный результат. В этом контексте заявления Тер-Петросяна в адрес внешних акторов постепенно приобретают более жесткий характер. В частности, после муниципальных выборов Тер-Петросян подверг резкой критике наблюдательские миссии западных организаций. На митинге 1 июня 2009 года он обвинил СЕ и ОБСЕ в «двойных стандартах», «непринципиальности» и «издевательствах над народом».¹⁷ На митинге 12 июня Тер-Петросян выразился еще жестче, дословно заявив следующее: «А теперь перейдем к мощной опоре или «крыше» Сержа Саргсяна – к нашему любимому Западу».¹⁸

Во время того же выступления Тер-Петросян поясняет причину своих частых заявлений в адрес Запада следующим образом: «Более года, говоря о Западе, я не ставил перед собой цели критиковать или поучать его, у меня были совершенно другие цели:

1. избавить армянский народ от пустых иллюзий относительно «справедливости» Запада;
2. сделать так, чтобы Запад перестал относиться к армянскому народу как к низшей расе, не держал нас за дураков и знал, что мы все понимаем;
3. чтобы скептицизм по отношению к Западу не распространялся на западные или общечеловеческие ценности, преданность которым армянский народ неоднократно демонстрировал».¹⁹

Таким образом, критикуя Запад и заявляя о «внутренних» целях критики, смысл которых – призвать общество полагаться на себя, Тер-Петросян одновременно обращается сразу к нескольким адресатам – внутренним (власти, сторонники) и внешним (Россия, Запад), и каждый из адресатов имеет возможность воспринять «послание» на нескольких уровнях. Это своего рода «метаязыковое» послание, имеющее четко диверсифицируемые уровни адресации и отдельные адресуемые компоненты текста, в конечном итоге на втором или даже третьем уровне описания не позиционирует ни одного из адресатов ни как врага, ни как друга.

Тема *realpolitik* и двойных стандартов последовательно присутствует и в последующих выступлениях Тер-Петросяна. Так, во время митинга 1 марта 2010 года Тер-Петросян

17 Выступление Левона Тер-Петросяна на митинге 1 июня 2009 года, Ереван.

18 Там же.

19 ANC (2009 г.). 'Լեւոն Տէր-Պետրոսյանի ելույթը 2009 թ. հունիսի 12-ի հանրահավաքում [Левон Тер-Петросян в 2009 году. 12 июня митинг]: Сайт по адресу <http://www.anc.am/am/speeches/63/360>

именно этими явлениями объясняет сосредоточенность мирового сообщества на внешнеполитических факторах, связанных с армяно-турецкими отношениями и карабахским конфликтом, и полное игнорирование существующих в стране внутренних проблем.²⁰

Риторика Тер-Петросяна претерпевает определенные модификации в связи с изменением отношения западных структур к вопросу политзаключенных. На митинге 6 апреля 2010 года первый президент отмечает, что изменение внешнеполитической ситуации и попытки Саргсяна маневрировать в армяно-турецких и армяно-азербайджанских переговорах заставили Запад обратить внимание на внутренние проблемы Армении с целью оказать на Саргсяна некоторое давление.²¹

Безуспешность внешнеполитических инициатив, ставшая очевидной осенью 2010 года, вновь повлекла за собой активизацию внутренних тем. Следует отметить, что в период с марта 2008 по осень 2010 года власти освободили определенную часть политических заключенных и перестали отказывать оппозиции в проведении митингов. Единственным запретом в этом отношении оставалась площадь Свободы, доступ к которой был закрыт.

В ноябре 2010 года в Ереване прошла конференция «Диалог Армения-ЕС», что послужило дополнительным поводом для предъявления европейским структурам требования последовательно следить за выполнением резолюций ПАСЕ.

Несмотря на это, выступления указанного периода в большей степени ориентированы на внутреннего слушателя и преследуют цель не допустить уменьшения количества активных сторонников оппозиции. Этим обусловлено содержание выступлений на митингах конца 2010 – начала 2011 годов, где главными темами стали коррупция и экономика. Вместе с тем критика в адрес Запада, обвинения его в непоследовательности и непринципиальности продолжались, хотя и в более мягкой форме, чем прежде.

Ситуация изменилась в марте 2011 года, когда Тер-Петросян в ультимативной форме потребовал освобождения политзаключенных. На протяжении весны 2011 года и вплоть до митинга 31 мая выступления Тер-Петросяна можно охарактеризовать как ряд ультиматумов, предъявленных властям. Примечательно, что ультиматумы первого президента предъявлялись на фоне так называемой «арабской весны» и постепенно выдвигаемые требования превратились в предусловия возможности диалога с властями.

Последний временной отрезок данного исследования сосредоточен исключительно на внутренних вопросах, в которых опять основным внешним адресатом является Запад,

20 ANC (2010 г). 'Ահռն Տեր-Պետրոսյանի ելույթը 2010 թ. մարտի 1-ի հանրահավաքում [Левон Тер-Петросян в 2010 году. 1 марта митинг]: Сайт по адресу <http://www.anc.am/am/speeches/62/363/>

21 ANC (2010). ' Ահռն Տեր-Պետրոսյանի ելույթը 2010 թ. ապրիլի 6-ի հանրահավաքում [Левон Тер-Петросян в 2010 году. 6 апреля митинг]: Сайт по адресу <http://www.anc.am/am/speeches/62/382/>

причем послания облечены в намного более сдержанную форму, чем прежде. Например, во время выступления 28 апреля 2011 года, говоря о прекращении финансирования Армении в рамках программы «Вызовы тысячелетия», Тер-Петросян объяснил этот факт проблемами, связанными с демократическими процессами в стране, тем самым снова связав понятия «Запад» и «демократия».

Подобные изменения в риторике Тер-Петросяна, в частности, обусловлены посреднической ролью высокопоставленных западных чиновников в организации диалога между оппозицией и властью, а также процессом освобождения политических заключенных, который увенчался успехом.

Внешиполитический контекст

В августе 2008 года началась так называемая «футбольная дипломатия», которая ознаменовалась визитом президента Турции Абдуллы Гюля в Армению по приглашению Сержа Саргсяна и предложением совместно присутствовать на футбольном матче Армения-Турция. Это событие, а также последующее подписание протоколов, ответный визит Саргсяна и весь процесс «становления и заката» футбольной дипломатии не могли не отразиться на внутрисиполитическом дискурсе.

Однако следует отметить, что в целом позиция Тер-Петросяна по армяно-турецким протоколам отличалась от позиции Саргсяна в одном вопросе – о совместной комиссии историков. Вот как Тер-Петросян выразил свое отношение к этому вопросу на митинге 15 сентября 2008 года: «Не мудрствуя лукаво, не знаю по чьему совету, (Саргсян) взял и объявил, что Армения готова или принимает предложение Турции, смысл которого заключается в создании совместной комиссии историков, которая и должна будет в конце концов определить – был геноцид или нет».²² Далее Тер-Петросян связывает этот факт с тем, что таким образом «Турции дается шанс почувствовать слабость нынешних властей Армении, которые готовы согласиться даже на создание такой комиссии. Ущерб нанесен! Естественно, ни армянское общество, ни диаспора не позволят ни Саргсяну, ни какому-либо другому президенту согласиться на создание подобной комиссии... но как я уже сказал – ущерб нанесен. Серж Саргсян показал слабость своей власти...».²³ Примечательно, что во время выступления на том же митинге Тер-Петросян вспомнил попытки объединения двух проблем в одну: «Когда я поехал на похороны Озала, Демирель предложил мне и Эльчибею организовать трехстороннюю встречу. Я отказался. После этого он предложил организовать мою встречу с Эльчибеем, на которой будет присутствовать и министр иностранных дел Турции. Но эта встреча также, по сути, являлась трехсторонней, и я снова отказался. Я сказал, что встречусь отдельно с Эльчибеем, и мы обсудим все, что

²² Выступление Левона Тер-Петросяна на митинге 15 сентября 2008 года, доступно на сайте <http://www.a1plus.am/am/politics/2008/09/16/26207> (на армянском языке).

²³ Там же.

необходимо. Смысл этой трехсторонней встречи фактически заключался в том, чтобы подчеркнуть посредническое участие Турции. А что должно было для нас означать посредничество Турции? Получался формат 2-1, так как позиции Турции и Азербайджана по Карабахскому конфликту абсолютно совпадают».²⁴

Вместе с тем Тер-Петросян обозначает и другую крайность: «Президент Франции Жак Ширак предложил провести встречу между мной, им и Алиевым. Я отказался, заявив, что Армения не может участвовать в трехсторонней встрече, если в ней не принимает участия президент Нагорного Карабаха. Более того, подобное предложение мне сделал также Борис Ельцин – наш друг, наилучший друг Армении и лично мой друг».²⁵

Если проанализировать приведенные заявления, можно прийти к ряду любопытных выводов.

1. Когда обозначаются два полюса, и один из них обозначается как «друг», второй автоматически подпадает под категорию «враг».
2. Заявления, что Турция в силу слабости армянских властей получает шанс, имеет негативную коннотацию.
3. Обозначение формата Армения-Турция-Азербайджан формулой 2-1 превращает трехкомпонентную систему в бинарную оппозицию, что опять же имеет негативную коннотацию.
4. Подчеркнутая связь слабости властей и внешней угрозы в совокупности с тем, что в данном контексте власти определенно имеют негативную коннотацию, позволяет говорить об объединении двух негативных коннотаций, т.е. об идентификации связи «внешний враг – внутренний враг».

Приведенные выше заключения подтверждаются и другими заявлениями в разных последующих выступлениях Тер-Петросяна, посвященных внешнеполитическим проблемам. К их числу относится, к примеру, его заявление на митинге 15 мая 2009 года²⁶ о том, что в силу отсутствия легитимности на Саргсяна оказывается серьезное внешнее давление как по карабахскому вопросу, так и по армяно-турецким отношениям, и что есть два возможных выхода из создавшейся ситуации – консолидация народа, для чего в первую очередь необходимо освобождение всех политзаключенных, или отставка. Этим заявлением Тер-Петросян в очередной раз пытается показать связь внешних и внутренних политических проблем и посредством этого – связь «внешний враг – внутренний враг».

В контексте армяно-турецких отношений и Карабахского конфликта обсуждается и роль сверхдержав – США, ЕС и России. В этом отношении интересно следующее заявление

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ ANC (2012 г.). 'Արտահերթ նստաշրջանի նախաձեռնություն [На внеочередной сессии инициатива]. Сайт по адресу <http://www.anc.am/am/speeches/63/86/>

Тер-Петросяна, связанное с вопросом определения приоритета либо права нации на самоопределение, либо территориальной целостности: «В этих вопросах, к сожалению, международное сообщество, а говоря международное сообщество, я в первую очередь имею в виду сверхдержавы, не руководствуются однозначными или одинаковыми принципами. Эти вопросы обычно решаются на основании одного из двух принципов – или территориальной целостности, или права нации на самоопределение. Но они применяются не по стандарту. Здесь вступает в силу синдром целесообразности. Если одной или нескольким сверхдержавам выгодно решать вопрос, исходя из принципа территориальной целостности, решают исходя из этого принципа, если же выгодно решать, исходя из принципа самоопределения – решают исходя из этого принципа. Значит, предусловием является выгода и интерес одной из супердержав по отношению к конкретному принципу...»²⁷

Приведенным заявлением, в котором сверхдержавы представлены как беспринципные и непоследовательные, ориентированные только на собственную выгоду и интересы, Тер-Петросян формирует образ «ни друга, ни врага», указывая на то, что любая из сверхдержав, в зависимости от ситуации, может являться как другом, так и врагом.

Как уже было сказано выше, период наиболее активного обращения к внешнеполитическим вопросам продлился до осени 2010 года, но и после этого данные темы периодически возникали в выступлениях Тер-Петросяна. В частности, заявления о возможных опасностях, присутствующих в процессе переговоров по карабахскому вопросу, продолжались вплоть до марта 2011 года.

Заключение

Ниже приведена попытка обобщить выводы данного исследования.

Одним из наиболее весомых аргументов, используемых во внутривнутриполитической борьбе в Армении, является обвинение политическими оппонентами друг друга в излишней мягкости в вопросах решения конфликта, что происходит посредством идентификации связи между внешним врагом и внутренним политическим оппонентом. Идентификация этой связи автоматически формирует образ внутреннего врага, тесно связанный с врагом внешним.

С точки зрения использования образов внешних друзей, обозначается тенденция определенной персонифицированности дружбы как доказательство того, что реальная дружба между лидерами двух стран может способствовать помощи и поддержке страны-

27 Выступление Левона Тер-Петросяна на митинге 15 сентября 2008 года, доступно на сайте <http://www.a1plus.am/am/politics/2008/09/16/26207> (на армянском языке).

друга в решении как внутренних, так и внешних проблем. С другой стороны, использование «личной дружбы» подтверждает «традиционность» и «реальную основу» партнерства. Вместе с тем контексты правильности курса для внутренних адресатов, наличия поддержки общества, а так же взаимной выгоды для внешних адресатов также формируются посредством использования образов внешних друзей как во внешнеполитическом, так и во внутривнутриполитическом контексте.

В заключение можно сказать, что в результате описываемых в статье процессов армянское общество претерпело значительные изменения, которые в определенной степени можно охарактеризовать как становление гражданской позиции. Об этом свидетельствует появление большого количества неформальных гражданских инициатив, которые, используя инструмент гражданской консолидации, защищают общественные интересы в различных сферах, но, в особенности, в сфере экологии и в социальных вопросах, а также вопросах преступлений в армянской армии.

В широком смысле можно сказать, что армянское общество стало более открытым, а государство более закрытым – это приводит к тому, что конфликты между обществом и властью становятся более принципиальными и бескомпромиссными. Дискурс, развивающийся на протяжении всего описываемого периода, в какой-то мере выявил ряд важнейших вопросов, нуждающихся в пересмотре и переоценке со стороны армянского общества:

- Необходимость определенной приоритизации целей и оценки собственных ресурсов, т.е. необходимо понять, что действительно важно для армянского общества и как можно этого достичь. В этом отношении тема «Демократия» vs. «Конфликт» наиболее актуальна. В результате описанных изменений в общественно-политическом дискурсе традиционный спор внутри армянского общества, связанный с приоритетностью и, как следствие, очередностью решения вопросов демократизации страны и урегулирования карабахского конфликта, не только получил новый стимул, но и приобрел более принципиальный характер, т.к. перестал быть исключительно проблемой сохранения/передачи власти.
- Осознание обществом важности своей функции в системе управления государством, что станет важным шагом для адекватного восприятия понятия «гражданское общество».
- Изменение отношения к понятиям «внешняя» и «внутренняя угроза/поддержка» и осознание манипулятивности использования этих понятий в политической борьбе.

ГЛАВА 4

День памяти:

современный грузинский медиа-дискурс
Грузино-Абхазского конфликта

Кетеван Хапава, Екатерина Паверман, Георгий Готуа

Введение

Тема влияния СМИ на динамику конфликта сравнительно мало изучена.¹ В то же время, как показывают исследователи медиа,² именно СМИ являются источником представлений, влияющих на возможность возникновения, эскалации или урегулирования конфликта. В этом отношении особенно интересно, как СМИ воспроизводят конкретные дискурсы, связанные с конфликтом. Эти дискурсы не только влияют на восприятие прошлого, но и дают определенные указания на то, какой политики следует придерживаться в будущем. Изменение дискурса зачастую указывает на изменение политики групп или институтов (например, государства), поддерживающих ту или иную версию урегулирования конфликта. Возникающий в результате новый дискурс призван изменить отношение населения к конфликту, чтобы легитимировать новую политику.

В новейшей истории Грузии несколько раз наблюдалось изменение государственного дискурса по отношению к проблеме восстановления территориальной целостности.³ Дискурс, сформировавшийся в 90-х годах, в период правления Э. Шеварднадзе,⁴ строился на классической парадигме безопасности, ставящей в центр внимания баланс сил между государствами (в данном случае между Грузией, Россией и США). Неспособность что-либо изменить, в том числе в отношении абхазской проблемы, стала причиной делигитимации данного дискурса. Последующие власти Грузии⁵ оказались перед необходимостью создания эффективной стратегии возвращения отколовшихся территорий в состав Грузии и, в то же время, сочетания этой политики с политикой строительства новой, демократической и гражданской нации, объединяющей представителей различных этнических групп.

Август 2008 года стал поворотным моментом в отношениях между Россией, Грузией и Абхазией – в результате войны установился новый баланс сил.⁶ Соответственно, возникла потребность в формировании новой стратегии. В 2008-2010 гг. были созданы два документа, излагающих приоритеты государственной политики по этому вопросу: Закон об оккупированных территориях (2008 г.)⁷ и Государственная стратегия по отношению к оккупированным территориям (2010 г.).⁸

1 E. Gilboa (Е. Гилбо) (2009 г.) 'Media and Conflict Resolution: Framework for Analysis' (СМИ и разрешение конфликта: рамки анализа), *Marquette Law Review*, Vol. 93, Issue 1.

2 Там же.

3 Y.A. Sir (Я.А. Сир) (2010 г.) 'The Emergence and Evolution of Georgian Security Discourse: Failures and Implications' (Возникновение и развитие грузинского дискурса безопасности: ошибки и смысл), доступен на 05/05/2012. Сайт по адресу <http://www.eurasiacritic.com/articles/emergence-and-evolution-georgian-security-discourse-failures-and-implications>

4 Президент Грузии в 1995-2003 гг., глава государства в 1992-95 гг.

5 После Революции роз 2003 г. Партия Национальное Движение, президент Саакашвили.

6 F. Coene (Ф. Кёне) (2009 г.) *The Caucasus: Introduction*. (Кавказ: введение). Taylor & Francis: London.

7 Government of the Republic of Georgia (Правительство Республики Грузия) (2008 г.) *The Law on Occupied Territories*. (Закон об оккупированных территориях). Тбилиси. Сайт по адресу <http://www.smr.gov.ge/docs/doc215.pdf>

8 Government of the Republic of Georgia (Правительство Республики Грузия) (2010 г.) *State Strategy on Occupied Territories*. (Государственная стратегия по отношению к оккупированным территориям). Тбилиси. Доступен по адресу <http://www.civil.ge/files/files/SMR-Strategy-en.pdf>

В нижеследующей статье будет показано, как проправительственные⁹ СМИ в исследуемый период (2009 – 2011 годы) легитимируют государственную политику по отношению к Абхазии. Для анализа официального дискурса, касающегося грузино-абхазских отношений, авторы данной статьи взяли материал новостных информационных телепередач трёх самых крупных проправительственных каналов в исследуемый период – Рустави 2, Имени, Общественный вещатель. Данный материал содержит пример дискурса, направленного на грузинскую аудиторию, то есть на объяснение и легитимацию существующей политики. Был проанализирован материал, относящийся к 27 сентября 2009 и 2011 годов. 27 сентября отмечается в Грузии как день падения Сухуми (на полуофициальном уровне).¹⁰ Именно поэтому этот день отличается обилием материала на интересующую нас тему.

Полученный материал дал возможность проанализировать: исторический нарратив, политику отношений, декларируемых в СМИ того периода, и предполагаемые пути разрешения конфликта/развития отношений. Особое внимание было обращено на моральные оценки сторон, способы распределения вины между ними и риторические приемы, использованные по отношению к субъектам.

Основные выводы нашей работы вкратце можно представить так: в материалах проправительственных СМИ с абхазского общества была снята ответственность за конфликт и его последствия, в качестве основных «виновников» представлены «российский империализм» и «сепаратистские лидеры» – этими силами и было введено в заблуждение абхазское общество, и прискорбные результаты российской оккупации уже помогают ему осознать эту «ошибку». Примирение между двумя братскими народами (грузинами и абхазами) неизбежно, хотя как и когда это произойдет не конкретизируется. Таким образом как бы готовится почва для всевозможных мирных инициатив. Но последнее слово в этом процессе все равно принадлежит России, а возможности абхазского общества крайне ограничены. Таким образом, с одной стороны, конструируется позитивный образ абхазов как братского народа, а с другой – роль абхазского общества низводится до второстепенного участника конфликта. Представление абхазского общества как «младшего брата» является, по мнению авторов, значительной проблемой для развития двусторонних отношений. Эта проблема не только препятствует равноправному диалогу сторон, но и не позволяет правильно оценить потенциал абхазского общества для разрешения конфликта.

Представляется, что описанный дискурс конструировался под воздействием трех потребностей политических руководителей Грузии в исследуемый период, в частности: 1) создание/сохранение образа «национальных» лидеров; 2) дистанцирование от неудач/преступлений предыдущих властей Грузии; 3) оправдание пассивной позиции по отношению к налаживанию Грузино-Абхазских отношений.

9 Здесь и в дальнейшем под современным правительством Грузии подразумевается президент Саакашвили и правящая партия в исследуемый период – «Национальное движение».

10 Несмотря на то, что 27 сентября не является официально отмечаемым днем, основными организаторами проводимых в этот день мероприятий являются государственные структуры.

Методология анализа

В ходе анализа исследователи опирались на этнометодологический подход в социологии/социальной психологии.¹¹ В частности, была применена (с некоторыми модификациями и упрощениями) методология анализа категоризации, предложенная Харви Саксом.

Были проанализированы категории, применяемые в телепередачах для обозначения грузинской, российской и абхазской сторон (например, «банды сепаратистов»), а также группы, к которым эти категории принадлежат («банды сепаратистов» принадлежат к группе «участники боевых действий»), и обычно приписываемые данной категории действия («банды», помимо участия в боевых действиях, занимаются разбоем). Применение каждой из категорий было проверено на степень соответствия двум правилам, предложенным Х. Саксом: правилу последовательности (понимание двух и более категорий как принадлежащих к одной и той же совокупности) и правилу эффективности (соотнесение каждого лица только с одной категорией).¹²

Контекст конфликта

Грузино-Абхазский конфликт уходит корнями в XIX век. С конца 80-х годов XX века конфликт начал переходить в острую фазу, кульминацией стало начало боевых действий 14 августа 1992 г., когда части национальной гвардии Грузии вступили в Гальский район. Официальной причиной тому послужила охрана железнодорожной линии от нападения сторонников свергнутого президента З. Гамсахурдия.¹³ Гвардия встретила сопротивление со стороны абхазских частей. С этого дня начинается отсчет военных действий в Абхазии. Вооруженный конфликт, продолжавшийся немногим более года, закончился поражением сторонников центральных властей Грузии и установлением полного контроля сепаратистов над территорией бывшей Абхазской ССР.

Захват Сухуми 27 сентября 1993 года силами сепаратистов определил последующий ход войны. В течение следующей недели грузинские части оставили всю территорию Абхазии, за исключением Кодорского ущелья. Падение Сухуми стало для грузинского общества символом поражения в войне. С этим событием связаны и травматические воспоминания о жестокостях, совершенными бойцами, воевавшими на стороне сепаратистов, а также о последующем массовом исходе грузинского населения из Абхазии. Кадры, демонстрирующие трудный переход вынужденно перемещенных лиц через заснеженное горное ущелье, постоянно воспроизводятся грузинскими телеканалами в День памяти.

11 В качестве руководства по использованию методологии послужила книга D. Silverman (Д. Сильвермэн), (1993 г.) *Interpreting Qualitative Data*. (Интерпретация качественных данных), Sage Publications: London.

12 D. Silverman (Д. Сильвермэн), (1993 г.)

13 Первый президент независимой Грузии в 1991-92 гг.

Одной из тем, вокруг которых развивался конфликт, являлось изменение доли Абхазского и Грузинского населения края в течении XIX – XX веков. В разные периоды политика советского государства была нацелена на изменение политического баланса в пользу то одной, то другой общины.¹⁴

Стороны-участницы конфликта по-разному интерпретируют исторический контекст войны. Прошлое Абхазии является предметом ожесточенных споров, в которые включены представители как интеллектуальной, так и политической элиты с обеих сторон.¹⁵

Анализ материала

«Помни об Абхазии»¹⁶

Главный мессидж анализируемых сюжетов – необходимость мирного воссоединения Абхазии с Грузией. За данный сценарий выступают представители самых различных групп населения, в том числе участники и жертвы войны. Несмотря на явное предпочтение, отдаваемое мирному сценарию, сама цель (восстановление территориального единства) имеет настолько приоритетное значение, что вопрос о методах ее достижения остается открытым.

Сближение через общую трагедию

Особое значение придается поддержке мирной альтернативы со стороны матерей погибших воинов – именно они, несмотря на имплицитно подразумеваемое «право на мщение», призывают в сюжетах к примирению и взаимному прощению. Они являются постоянными фигурантами сюжетов, посвященных Дню падения Сухуми. Для матерей мемориал павших воинов на площади Героев в Тбилиси представляет собой то место, куда они могут прийти погоревать о потерянных сыновьях/дочерях. В коротких интервью они, как правило, с патриотических позиций приводят свою трактовку трагедии, через которую прошла их семья: «Двое моих сыновей погибли на этой войне. Они защищали свою родину, свой дом». Общая трагедия матерей вызывает сочувствие и солидарность к матерям погибших воинов с противоположной стороны: «Я выражаю сочувствие всем матерям, будь то абхазской, русской или армянской национальности». Таким образом, матери конструируют новый образ вовлеченной в конфликт стороны – собирательный образ матери.

Абхазское общество: готовность к воссоединению

В основном исследуемые СМИ воспроизводят соответствующий государственной

14 G. Derlugyan (Г. Дерлугян) (2000 г.) *The Forgotten Abkhazia: Anatomy of Post-Socialist Ethnic War*. (Забывтая Абхазия: анатомия постсоциалистической этнической войны), Northwestern University: Evanston. Сайт по адресу http://csis.org/files/media/isis/pubs/pm_0163.pdf

15 См., напр., В.А. Шнирельман (2003 г.) *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*. Академкнига: Москва.

16 Слоган, широко используемый в дискурсе грузинских властей.

политике Грузии дискурс гражданского национализма, в рамках которого идет конструирование «гражданской общности» всего населения, проживающего на территории Грузии (включая Абхазию).¹⁷ Идеология гражданского национализма воспроизводится как через отождествление грузинского общества с властями Грузии, так и через представление большинства жителей Абхазии в качестве сторонников идеи воссоединения. Именно представление жителей Абхазии как лояльных граждан Грузии позволяет легитимировать политику мирного воссоединения – в противном случае конфликт в Абхазии может превратиться в «братоубийственный» конфликт.

В некоторых сюжетах происходит отождествление властей и страны: «Наша страна делает все для деоккупации своих территорий» (тут речь идет о дипломатических шагах).

Грузинское общество: единство по вопросу конфликта

День падения Сухуми служит поводом для того, чтобы представить грузинское общество единым в видении стоящих перед ним проблем, задач и вызовов. В речах, представленных в сюжетах политиков, постоянно используется местоимение «мы». Через это «мы» преодолеваются политические различия между членами общества.

Среди участников мероприятий, посвященных падению Сухуми, на экране часто появляются представители оппозиции. Их участие в данных мероприятиях и сказанные ими слова должны символизировать единство нации перед внешней угрозой.

Участие представителей других частей грузинского общества в этих мероприятиях также должно символизировать наличие консенсуса. Общество представлено в лице ветеранов, молодежи, а также матерей погибших солдат. В этом отношении особенно подчеркивается преемственность поколений. Молодежь и молодежные организации являются неизменными участниками данных мероприятий.

В качестве цели грузинского общества (как старшего, так и молодого поколения) декларируется восстановление территориальной целостности страны. «Наш долг ... до конца довести то дело, за которое сражались эти люди, дойти до цели ... единой Грузии», – говорит представитель правительства Грузии.

Кроме воссоединения с Грузией, другие возможности решения абхазской проблемы в сюжетах не рассматриваются. Напротив, подчеркивается неизбежность подобного финала, а также необходимость его для спасения «абхазской нации» (см. следующую часть данной работы).

17 Гражданский национализм стал государственной идеологией после «Революции роз». Анализ развития грузинского национализма дан в работе: S. Khinchagashvili (С. Хинчагашвили) (2008 г.) *Post-Soviet Georgian Nationalisms in the Context of Collective Traumas and Social Memory Theories*. (Постсоветский грузинский национализм в контексте теорий коллективной травмы и социальной памяти), MA thesis submitted to University of Edinburgh. Сайт по адресу <http://www.scribd.com/doc/95671817/33700000-Post-Soviet-Georgian-Nationalism-Social-Memory-Cultural-Trauma#download>

Политики-предатели и воины-герои

События восемнадцатилетней давности всё ещё вызывают определенные вопросы, требующие ответов со стороны СМИ. Вопрос об ответственности лидеров за развязывание войны и за поражение особенно актуален на фоне противостояния между сторонниками и противниками свергнутого президента З. Гамсахурдия. Признавая эту ответственность, СМИ в то же время освобождают от нее рядовых воинов, чьи мотивы далеки от корыстных интересов политиков. В то же время факты грабежа и насилия, допущенные в том числе и с грузинской стороны, не только замалчиваются, но и маскируются путем создания героического образа грузинского война.

Во многих сюжетах проводится четкая грань между лидерами с грузинской стороны и рядовыми воинами. Ответственность за братоубийственный конфликт возлагается на тогдашних лидеров (наряду с Россией и сепаратистами). Рядовые воины, напротив, освобождаются от ответственности и представлены в качестве жертв вероломства как абхазских и российских, так и грузинских политиков: «...Эти люди сражались не за лидеров, а за родину».

Прослеживается попытка властей дистанцироваться от Грузии периода гражданской войны в лице ее политических лидеров. Одинаковая легитимность приписывается как сторонникам Шеварднадзе, так и сторонникам свергнутого президента Гамсахурдия: «Лидеры (З. Гамсахурдия и Э. Шеварднадзе) обрекли друг друга [на гибель], в результате чего пострадала наша страна и тысячи ее сыновей».

Бросается в глаза тенденция виктимизации рядовых представителей грузинской стороны конфликта – как вооруженные силы, так и гражданское население часто представлены жертвами противостояния намного превосходящей силе. В этом смысле важное место занимает нарратив о падении Сухуми. По грузинской версии событий, на момент решающего штурма в Сухуми не было тяжелой техники – она была выведена по Сочинскому договору от 27 июля 1993 г.¹⁸ о перемирии, достигнутому сторонами при посредничестве России.¹⁹ В результате, согласно нарративу, российским и абхазским воинским частям противостояли наполовину обезоруженные грузинские бойцы. Подобное отношение к бойцам как бы снимает с их плеч груз ответственности за поражение и актуализирует тему героизма. Героями представлены как рядовые воины, так и отдельные лидеры. В этом плане интересно, как в сюжетах обозначаются вооруженные силы, сражающиеся на грузинской стороне. Обычно применяется термин «вооруженные силы» – наиболее удобный термин ввиду разнообразия групп, участвовавших в боевых действиях (национальная гвардия, полиция, *Мхедриони*²⁰ и другие полуофициальные формирования). За данным термином

18 N. Gvazava (Н. Гвазава) (2006 г.) *Negotiations with the Russian Federation*. (Переговоры с Российской Федерацией), Тбилиси. Сайт по адресу <http://georgiaupdate.gov.ge/ka/tagliavini/7536cf05239f063b22334239603eb8e/3bb284154c27cd76e8dbac26517addbd/48d6b2cc6e8177364899fe5d1e6c0826>

19 V. Guruli & M. Vachnadze (В. Гурули и М. Вачнадзе) (ред.) (2003 г.) *The History of Georgia – XX Century*. (История Грузии – XX век), Tbilisi State University Press: Tbilisi.

20 *Мхедриони* была военизированной группой и политической организацией в Грузии. Она была запрещена в

также легко скрывается участие в боевых действиях некоторых формирований (в том числе *Мхедриони*), чья репутация сильно пострадала в ходе вооруженных конфликтов того времени, а также последовавшей за ними вооруженной борьбе за власть. За сравнительно нейтральными, не вызывающими ассоциаций терминами скрывается замалчивание военных преступлений.²¹

Герои – рядовые участники конфликта с грузинской стороны – представлены в образе ветеранов. Ветераны – это люди, чей авторитет может быть использован для поддержки той или иной версии истории конфликта. В этом отношении интересен рассказ о предательстве как причине падения Сухуми и потери Абхазии. Данный нарратив встречается в нескольких рассказах участников событий: «Проданная была война. Нас, солдат, продали, как баранов, завели в болото». Аналогия с бараном используется, чтобы подчеркнуть беспомощное положение рядовых бойцов. В целом история с предательством открывает интересную перспективу взгляда на события 1993 года – есть явный намек на предателей, но кто это был конкретно (руководители страны, сторонники президента Гамсахурдия или еще кто-то), неясно.

Образ героев приводится также в противовес морально негативному образу противоборствующей стороны – антигероев (России/сепаратистов). С этой позиции рассматривается эпизод, в котором речь идет о гибели руководителей прогрузинского правительства Абхазии – Жиули Шартава и других членов правительства. Следующая цитата наиболее полно характеризует указанную позицию: «Шартава имел возможность убежать, но отказался это сделать. В отместку за героизм сепаратисты расстреляли его и других членов правительства на площади перед зданием Совета министров».

Абхазы – «даже больше, чем братья»

Отношение к абхазской стороне в контексте вооруженного конфликта неоднозначно. СМИ представляют абхазов не как полноценную сторону конфликта, а лишь как соучастника, вовлеченного в грузино-российский конфликт, обманутого и использованного Россией во вред Грузии. Такое отношение создает образ абхазской стороны как друга Грузии. Соответственно, возвращение Абхазии под юрисдикцию Грузии представляется как разрешение конфликта, выгодное для обеих сторон. Подчеркивается мирный подход к разрешению конфликта. Однако конкретное определение путей его разрешения не приведено.

1995 году, но впоследствии была преобразована в политическую партию «Союз патриотов».

21 Тема военных преступлений, совершенных обеими сторонами конфликта, подробно обсуждается в: Human Rights Watch (Страж прав человека) (HRW) (1995 г.) *Georgia/Abkhazia: Violations of the Laws of War and Russia's Role in Conflict*. (Грузия/Абхазия: нарушение законов войны и роль России в конфликте), New York. Сайт по адресу <http://www.hrw.org/reports/1995/Georgia2.htm>

Спасение Абхазской нации через «неизбежное возвращение»

Как часто подчеркивают СМИ, неизбежное возвращение Абхазии под юрисдикцию Грузии, кроме восстановления «исторической справедливости», окажется еще и единственной возможностью спасения и сохранения абхазской нации. По версии СМИ, восприятие Абхазии грузинской стороной однозначно на всех социальных и политических уровнях: Абхазия – территориальная единица, рассматриваемая как неотъемлемая, законная, историческая часть целостной Грузии. «...Оккупированная Абхазия – наша историческая земля».

Риторика по отношению к Абхазии покровительственно-доброжелательная. «...*Сегодня Абхазия стоит перед угрозой уничтожения. Каждый день ущемляются фундаментальные права человека, нет никаких гарантий безопасности, нет никаких процессов развития*».

Грузия хочет и должна «спасти» Абхазию от уничтожения ее культуры и полной оккупации. Главный мессидж обращения Ги Барамия (председателя правительства Абхазской Автономной Республики в изгнании) к абхазам – это опасения, чтобы «Абхазия окончательно не осталась без абхазов». По его словам, «сегодня с удвоенной силой происходит угнетение уже абхазов ...» Единственное спасение Абхазии – в возвращении под юрисдикцию Грузии. Единственным возможным исходом развития событий представляется воссоединение Абхазии с Грузией.

Восстановление исторической справедливости, необратимое воссоединение – процесс, который носит добровольный, а не принудительный характер. Зрителю представляют сюжеты, цель которых – подтвердить, что абхазская молодежь (будущее Абхазии) осознает оккупационную политику России и ждет спасения от Грузии: «Они [абхазские подростки] просят убежища у правительства Грузии и рассказывают о деталях русского оккупационного режима». Возвращение Абхазии неизбежно, другие варианты развития событий даже не рассматриваются. Представляя Грузию в роли спасительницы Абхазии, СМИ подчеркивают привлекательность Грузии как процветающего, демократического и либерального государства.

Абхазские власти – это не абхазское общество

В контекстах, представленных грузинскими СМИ, абхазская сторона упоминается в виде разных социально-политических групп. Она состоит как из воинов-сепаратистов и нелегитимного де-факто правительства, так и из мирных граждан, абхазского общества. Однако в этом понимании и преподнесении абхазов можно уловить некоторую логику.

Абхазские воины, участвовавшие в боевых действиях 1992-93 гг., характеризуются как сепаратисты, неофициальные вооруженные объединения, действовавшие незаконно и воевавшие в союзе с официальной армией чужого/другого государства. Их агрессивные военные действия привели к гибели не только грузин – противников, но и мирного

населения Абхазии. В результате пострадали сухумчане²² независимо от их этнической принадлежности.

Ответственность за начало военных действий ложится на абхазскую гвардию: *«Абхазская сторона оказала сопротивление Национальной гвардии Грузии в Очамчирском и Гулрыпшском районах и в городе Сухуми, что привело к началу военных действий в Абхазии»*. Таким образом создается однозначно негативный образ абхазских воинов, участвовавших в вооруженном конфликте. Однако эта группа выделяется из общего образа абхазской стороны, так как она действовала во вред всем сторонам – как грузинам, так и абхазам, мирному населению.

Параллельно историческому негативному образу абхазского воина СМИ воспроизводят новый имидж бывших воинов, жалеющих о содеянном и понимающих всю важность возвращения Абхазии под юрисдикцию Грузии. Немало эфирного времени посвящается сюжету о встрече ветеранов (грузина и абхаза), ныне проживающих по разные стороны де-факто границы: *«Две стороны одной войны: встреча абхазского и грузинского воинов, 18 лет назад стоявших по разные стороны баррикад...»* (анонс сюжета). Главный посыл этого сюжета – переосмысление конфликта абхазским ветераном: *«Я жалею об этом, я не сознавал тогда, что делал, очень жалею, что мы тогда допустили эту ошибку»*.

Налицо четкое разделение: с одной стороны – абхазское общество, с другой – абхазские власти. В своих призывах к миру, братству и общему светлому будущему правительство Грузии обращается через СМИ не к властям, а к населению Абхазии. Расхождение политики абхазских властей, явно не нацеленной на возвращение Абхазии в границы Грузии, с позитивным представлением абхазской стороны объясняется отсутствием легитимности нынешних властей. Нынешние абхазские власти изображаются всего лишь «марионетками» российского оккупационного режима, управляемыми внешними силами и служащими их интересам, а не интересам абхазского народа.

Соответственно, мессидж СМИ можно истолковать следующим образом: абхазские власти не представляют интересов абхазского общества и не являются его частью. Несмотря на то, что абхазские воины несут ответственность за начало вооруженного конфликта и что они действовали во вред грузинскому государству, сегодня они каются; а если даже самая радикальная часть абхазской стороны готова к мирному сосуществованию с грузинами, то абхазов надо рассматривать не как противников, а как друга грузинской стороны.

Грузия – старший брат, Абхазия – младший

Современные абхазское и грузинское общества рассматриваются в едином контексте: у них общая история, общая трагедия, общие интересы, общий враг и общая цель – спасти Абхазию (от российской оккупации).

22 Общий термин для как грузинских, так и абхазских жителей Сухум/и.

Прослеживаются также попытки создания общей гражданской идентичности через апелляцию к тому, что у абхазов и грузин общая земля – не только Абхазия, но и остальная Грузия. Упоминается такая грузино-абхазская идентичность как сухумчанин. Подчеркивание единого гражданства не только создает общую платформу для объединения, но и локализует конфликт, исключая всякое оправдание вмешательству внешних сил.

С политикой мирного воссоединения перекликается тема братства абхазского и грузинского народов, которой посвящена значительная часть телевизионного материала – «Даже больше [чем братья]». Эта метафора представляет два народа связанными узами кровного родства и еще раз подчеркивает «внутрисемейный» характер конфликта. «Этот день преподнес нам тяжелый урок того, к чему приводит противостояние между братьями» (представитель оппозиционной партии Грузии).

Но братское отношение в сочетании с позицией Спасителя создает образ-клише «старший брат-младший брат», отражающий дискриминационный дискурс, унаследованный от советских времен – зеркальное отражение советского клише «Россия как старший брат остальных советских народов».²³ Прощение грехов, взятие на себя ответственности за судьбу «младшего брата», начало новой жизни, духовное родство – все это можно уловить в одном сюжете, посвященном «крещению абхазских подростков представителями легитимного правительства [правительства в изгнании] Абхазии». Представители прогрузинского правительства Абхазии выступают в данном сюжете в качестве крестных абхазских подростков.

Этот образ «младшего брата», которого обманули и который ныне нуждается в помощи «старшего брата» – Грузии, снимает большую часть ответственности с абхазской стороны за ход событий и делает Абхазию не стороной, а лишь участницей конфликта.

Настоящий враг – Россия

Изучаемые в рамках данного исследования грузинские СМИ культивируют однозначно негативное отношение к России, создавая из нее образ врага в том, что касается грузино-абхазского конфликта.

Россия охарактеризована исключительно в терминах «оккупант»/«российские оккупанты»/«российская оккупация». «Оккупация» – официально²⁴ употребляемая лексическая форма для обозначения российских действий по отношению к Грузии,

23 О национальной политике России и Советского Союза см.: R.G. Suny (Р.Дж. Сани) (1993 г.) *Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. (Месть прошлого: национализм, революция и коллапс Советского Союза), Stanford University Press: Stanford.

24 В 2010 г. парламент Грузии принял закон «Об оккупированных территориях» с целью определения статуса территорий, оккупированных вследствие военной агрессии Российской Федерации. Для получения более подробной информации см. http://www.parliament.ge/index.php?lang_id=GEO&sec_id=69&kan_det=det&kan_id=3089

озвучиваемая на всех уровнях – как в выступлениях политиков, так и в нарративах журналистов. Следовательно, оккупант не может являться косвенным участником конфликта, а становится активно включенной стороной, которой Грузии приходилось/приходится противостоять.

Дихотомия Грузия vs Россия может иметь несколько значений: вместо «маленькой Абхазии» конфликт проходил в неравной борьбе с «огромной Россией», внутренний конфликт перекалибрировался в межгосударственный и тем самым судьба конфликта, можно сказать, заранее была предрешена с единственным логическим результатом – поражением. Такой уход от ответственности является защитным механизмом для оправдания потери/поражения, способствующим сохранению собственного позитивного имиджа (справедливого и самодостаточного государства); это болезненный вопрос для побежденной стороны. Перенос негативной ответственности на Россию в некоторой степени освобождает Абхазию от той же ответственности, а отрицание «вины» абхазского общества (защитный механизм) создает почву для последующего взаимодействия с нею.

В СМИ приведено множество подробностей истории конфликта, подтверждающих «вину» России в падении г. Сухуми. Конкретные подробности, например, упоминание конкретной военной части, повышают уровень доверия к информации и служат верификатором неоспоримой причастности России к конфликту: «27 сентября 1993 г. решающее сражение проходило с участием наземных воинских частей и, что еще важнее, частей дислоцированной в Гудаутском районе 345-ой воздушно-десантной дивизии,²⁵ которые атаковали безоружные грузинские позиции, вследствие чего пал город Сухуми». В подтверждение аморальных, негуманных действий российских войск звучит их прямое обвинение в гибели грузинских граждан:²⁶ «13 месяцев и 13 дней сепаратистские части вместе с российской вооруженной армией воевали, чтобы взять г. Сухуми. 27 сентября тысяча сухумчан была подвергнута пыткам.²⁷ От бомбардировки и массированного огня погибло свыше 5000 мирных жителей».²⁸ Из этой цитаты ясно, что участие России не ограничивается решающей битвой за Сухуми. Россия считается активно вовлеченной на протяжении всего периода военных действий, а упоминание «российской армии» подчеркивает ее политический, официальный статус.

СМИ также предоставляют материалы, подтверждающие нарушения российскими пограничниками прав грузинских граждан в их повседневной деятельности в современном контексте. Например, в новостях активно рассматриваются факты задержаний мирных

25 Имеются в виду российские воинские части.

26 Согласно Human Rights Watch, ответственность за массовые нарушения прав человека, наряду с грузинской и абхазской сторонами, несет и российская сторона (HRW (1995 г.). *Указ. соч.*..

27 Факты пыток мирного населения подтверждены в отчете Human Rights Watch от 1995 г. (*Там же*).

28 Погибшие не делятся по этническому признаку – для них применяется общее обозначение: сухумчане. По данным абхазского правительства в изгнании, погибло 4994 мирных жителя, без вести пропало 423 жителя (Supreme Council of the Autonomous Republic of Abkhazia (Верховный Совет Автономной Республики Абхазия) (2010 г.) 'Dead and Missing Data' (Данные о погибших и пропавших без вести), доступен на 12/08/2012. Сайт по адресу: <http://scara.gov.ge/ka/2010-03-17-12-49-14/2010-03-17-13-54-43/81-2010-07-29-10-58-11.html>).

жителей Гальского региона (этнических грузин): «Несмотря на двусторонние переговоры, в Гали опять имеет место взятие в заложники наших людей. Нам стало известно, что в Гальском районе в селе Ганахлаба остановили автобус, после чего русские оккупанты взяли в заложники грузинских жителей, детей и стариков». Таким образом, нынешнее положение является продолжением давнишнего конфликта.

Апеллирование СМИ к жестокостям и нарушениям международных правовых норм со стороны России звучит в унисон с официальной позицией грузинского правительства, квалифицировавшего действия России как этническую чистку.

СМИ часто артикулируют наличие доказательств этнической чистки у грузинского правительства: «В связи с 18-летней годовщиной падения г. Сухуми Временная комиссия по восстановлению территориальной целостности Грузии еще раз рассмотрит вопрос о российской оккупации. Члены комиссии продолжают работу над материалами этнической чистки в Цхинвали и Абхазии». Упоминание цхинвальского конфликта в контексте этнических чисток способствует объединению двух конфликтов и подчеркивает целенаправленность агрессивной российской политики по отношению к Грузии в целом: агрессия не ограничивается только одним регионом Грузии (Абхазией), а, как показывает грузино-российская война 2008 г., имеет тенденцию к возобновлению.

Выступающие в новостных передачах представители грузинских официальных структур (например, Ш. Малашхия, председатель Временной комиссии по восстановлению территориальной целостности Грузии) расценивают политику России как «проявление фашизма» и наследие коммунистического прошлого.

Согласно грузинским СМИ, в абхазском обществе постепенно усиливается негативный образ России, роль которой из союзника трансформируется в завоевателя, и нарастает ощущение угнетенности, что, в свою очередь, сыграет в пользу воссоединения грузино-абхазских обществ.

Со ссылкой на Мурмана Чхотуа, народного защитника абхазского правительства в изгнании, распространяется следующая информация: «Абхазские оппозиционные партии тайно собирают подписи за вывод российских войск с абхазской территории, абхазы уже поняли, что России нужна только территория Абхазии. По словам Чхотуа, Россия завоевала Абхазию и ведет себя на этой территории бесконтрольно».

Если, исходя из риторики грузинских телепередач, в определенной мере можно утверждать, что по отношению к («меняющейся, опомнившейся») абхазской стороне СМИ стараются культивировать ожидания развития более оптимистичного сценария, то в случае с Россией прогнозы отсутствуют и динамика грузино-российских отношений остается неизменно негативной.

Конфликт в Абхазии как социальная травма: взгляд через СМИ

Исследование телевизионных программ позволило не только проследить официальную государственную риторику по отношению к грузино-абхазскому конфликту, но и осознать, на какой стадии преодоления проблемы находилось грузинское общество и каковы были его потребности в исследуемый период.

После проигранных войн, закончившихся территориальными потерями, грузинское общество находится под воздействием сильной социетальной травмы,²⁹ последствия которой сказываются как на установках, так и на поведении всего общества. Для непреодоленной социетальной травмы (в данном случае это замороженный конфликт) характерно застревание на стадии скорби, мешающее переходу к другому этапу преодоления травмы. Среди наиболее часто употребляемых слов в сюжетах – «скорбим по...», «оплакиваем» и т. д., цель которых – продемонстрировать, что, несмотря на прошедшие 18 лет, «Абхазия – наша боль» и остается живой болью. Из года в год телевизионные каналы повторяют почти идентичные сюжеты с обстрелами, мучительным бегством через Кодорский перевал – это не дает забыть прошлые события и «оживляет» травму поражения.³⁰ 27 сентября, «День падения Сухуми», с его уже установившимися ритуалами (посещение мемориала погибших, матери в черном) также служит мемориализации травматического опыта.

Для социетальной травмы характерна передача травматического опыта от поколения к поколению – об этом свидетельствуют и наши материалы. Можно сказать, что одним из наиболее активно показываемых на ТВ субъектов является молодежь, подчеркивающая, что она является преемницей «взрослого поколения», осознающей свою ответственность за ход конфликта и обязательство его разрешить; в качестве стратегии разрешения артикулируется мирный подход – это позволяет надеяться, что молодые люди, несущие ответственность за будущие решения, будут разрабатывать соответствующую политику. Но с другой стороны, находясь под воздействием трансгенерационной травмы, новое поколение будет довольно предвзятым в своих суждениях.

В контексте грузино-абхазского конфликта травмированное общество, в данном случае грузинское, идентифицирует главного виновника – Россию. В соответствии с теорией социетальной травмы происходит дегуманизация противника:³¹ Россия представлена в классическом образе врага. Обострению грузино-российских отношений послужила и активизация исторической травмы от аннексии Грузинского царства Российской империей в

29 V.D. Volkan (В.Д. Волкан) (2007 г.) *After Wars: Psychoanalytic Observations On Societal Traumas*. (После войн: психоаналитические наблюдения за социетальными травмами), Мельбурн. Сайт по адресу http://www.freudconference.com/online_papers/After_Wars.pdf.

30 В этом контексте интересно, что основной лозунг, размещенный на билбордах – «Помни Абхазию!»

31 V.D. Volkan (В.Д. Волкан), (2007 г.) *Указ. соч.*

XVIII веке. Феномен «избранной травмы»³² способствует распространению исторического негативизма и на новые события – действия России можно объяснять «присущими России империалистическими амбициями». Такое восприятие России исключает возможность переговоров и приводит к туиковой ситуации, но в тоже время странным образом создает платформу для сближения с абхазской стороной в расчете на то, что Абхазия если еще не распознала, то скоро распознает истинные намерения «захватчицы-России» и объединится с Грузией, чтобы бороться с Россией за самосохранение.

Наличие явного «могущественного» врага в лице России помогло снять ответственность с «малочисленных абхазов» и, спустя почти 20 лет после травмирующих событий войны, воспринимать их через узы кровного родства. Фактор «малости» также отражается на восприятии – Абхазия рассматривается в образе обманутого (Россией) «младшего брата»; она представлена не как полноправная/полноценная сторона конфликта, а лишь как соучастница, вовлеченная в российско-грузинский конфликт.

В начале этой главы мы предположили, что грузинское общество всё еще сфокусировано на повторении травматических переживаний, что не позволяет разработать конкретные способы действия (в сюжетах превалирует подход – «должны разрешить конфликт», без какой-либо конкретизации). Возможно, что оживление травматических воспоминаний через предлагаемые СМИ сюжеты способствует сохранению актуальности вопроса.

Несмотря на всю важность артикуляции однозначно мирного подхода, дальнейшее развитие событий зависит от того, как скоро произойдет переход на другой уровень реагирования на травму.

Результаты и выводы исследования

Анализируемые нами грузинские (проправительственные) СМИ акцентируют внимание на единодушном отношении грузинского общества к безальтернативности возвращения Абхазии в юрисдикцию Грузии.

Предпосылки к возвращению Абхазии приведены с позиции гражданского национализма – официальной идеологии грузинского правительства после «Революции роз» (с 2004-го года): подчеркнуты гражданские ценности, единые для обоих обществ – грузинского и абхазского.

32 Избранная травма относится к общему ментальному представлению о травмирующем историческом событии, которое является существенным маркером идентичности большой группы (V.D. Volkan (В.Д. Волкан) (2004 г.) *Chosen Trauma, The Political Ideology Of Entitlement And Violence*. (Избранная травма, Политическая идеология права и насилия), Берлин. Сайт по адресу <http://www.vamikvolkan.com/Chosen-Trauma,-the-Political-Ideology-of-Entitlement-and-Violence.php>).

Абхазская сторона рассматривается в образе друга, точнее, обманутого (Россией) «младшего брата», не как полноправная/полноценная сторона конфликта, а только как участник, втянутый в российско-грузинский конфликт. Такое отношение освобождает абхазское общество от ответственности как за прошедшие события, так и за разрешение конфликта.

Ответственность возлагается на российскую сторону – «агрессора» и «оккупанта», ведущего борьбу против Грузии. Россия представлена в роли общего врага грузинской и абхазской сторон.

Ссылаясь на сильного врага, грузинское правительство (в исследуемый период) снимает с себя ответственность за разрешение конфликта. Представленный дискурс соответствует целям властей Грузии того времени: он создает образ политических лидеров как блюстителей «национальных интересов» страны, в первую очередь территориальной целостности.

В целом проправительственные СМИ транслировали волю к мирному разрешению конфликта, но не предлагали конкретных путей к этому разрешению. Нарисованная ими ситуация, по нашему мнению, выглядит тупиковой, так как в ракурсе, предлагаемом грузинскими СМИ, не существует стороны, с которой можно вести диалог: Россия – агрессор, переговоры с ней невозможны, а Абхазия не уполномочена что-либо решать. Образ «младшего брата», навязываемый абхазской стороне, можно расценивать как унаследованный от советского прошлого дискриминационный дискурс, несовместимый с концепцией гражданского национализма; таким образом, подход грузинской стороны к трансформации конфликта через гражданский национализм оказывается непоследовательным.

ГЛАВА 5

«Мельница врага» как тормоз для
внутреннего развития в Нагорном Карабахе:

Медиа-исследование образа врага

Гегам Багдасарян

«Если без коренных перемен в общественном сознании начнется возведение здания мира (при активном авторстве третьих сторон), то судьбу этого здания – будь оно хоть с завершенной крышей – рано или поздно ожидает участь палестинского мира... Ключ для армян к реальному миру схоронен в азербайджанском общественном сознании, а не у властвующей элиты; и точно так же ключ для азербайджанцев схоронен в армянском общественном сознании... Путь к успеху в переговорном процессе пролегает через морально-духовное оздоровление обществ».

Мурад Петросян, Главный редактор карабахской газеты «Что делать»

Введение

В Нагорном Карабахе довольно популярно обвинение типа «Лить воду на мельницу врага». Это как бы является внутривосточной движущей силой в смысле консолидации общества. На самом деле это не «движок» для внутреннего развития, а самый настоящий тормоз, исключая многообразие и конкуренцию. Основой живучести упомянутого обвинения является наличие серьезной проблемы безопасности в Карабахе и обостренного чувства опасности у жителей Нагорного Карабаха.

Так, среди населения еще силен комплекс боязни демократических преобразований. В этом плане симптоматичным является философский диалог-спор между одной государственной и одной оппозиционной газетой в Карабахе. В очередном номере государственной газеты на первой странице крупным шрифтом была высказана следующая мысль: «Если мне скажут: на чашах весов с одной стороны – демократия, с другой – безопасность страны, я выберу последнее. И никто не имеет права упрекнуть меня за это!» А оппозиционная газета перепечатала это, но поставила рядом известное изречение Бенджамина Франклина: «Тот, кто готов обменять свою свободу на безопасность, не достоин ни свободы, ни безопасности». Вот так – два мнения, два принципа, две философии и психологии.

Впрочем, оказалось, что это не только карабахская болезнь. Совсем недавно, в связи с 20-летием независимости Армении, один из лидеров армянской партии Дашнакцутюн Грант Маргарян попытался обобщать результаты пройденного пути таким образом: «На одной из чаш вашего суждения взвесьте позитив, на другой – негатив. На чашу положительных достижений можете положить восстановление независимой государственности. На ту же чашу положите освобожденный Арцах и армянскую армию. А на другую чашу можете класть что угодно – дефицит демократии, социальные проблемы, несправедливые отношения в обществе, экономические ограничения, произвол власти и все что угодно. Теперь попробуйте взвесить».¹

По сути, с одной стороны внутривосточные задачи приносят в жертву внешнеполитическим достижениям или, точнее, восприятию достижений, а с другой – общенациональные достижения противопоставляют интересам гражданского общества.

1 Читайте (на армянском языке): <http://www.Iragir.am/armsrc/country-Irahos53738.html>

Укоренению этой дилеммы способствуют милитаристские заявления Азербайджана. Нагорно-карабахские же власти, в свою очередь, пользуются этой ситуацией «демократия или безопасность», а также воинственной риторикой азербайджанского руководства для укрепления авторитарного режима и предотвращения коренных демократических преобразований.

Согласно материалам армянских и некоторых других СМИ, из Баку звучат не только милитаристские заявления, там насаждается ненависть к Армении и Карабаху, а также ко всему, что прямо или косвенно связано с армянами и армянством. Дело доходит до абсурда. К примеру, на недавнем чемпионате мира 2011 г. по боксу, который проходил в Баку, Миша Алоян, ставший в составе сборной России чемпионом мира, сообщил, что ему пришлось под охраной покинуть дворец, так как у выхода его ждали разъяренные азербайджанские болельщики.² Абсурд и комизм ситуации состоит в том, что мишенью ненависти стал не армянин и не представляющий Армению человек – Миша на самом деле только родился в Армении, а по национальности он курд-езид.

Естественно, такой «агитпроп» создаёт благоприятную почву для дальнейшего укоренения дилеммы «демократия или безопасность» как в Нагорном Карабахе, так и в Армении. Вопрос о распространении образа врага со стороны Азербайджана – тема другого исследования. Только коллективными усилиями сможем мы ответить на вопрос о том, действительно ли ненависть азербайджанцев ко всему армянскому равна той, о которой рассказывают как армянские, так и азербайджанские и российские СМИ. Здесь же я продолжу анализировать ситуацию в СМИ Нагорного Карабаха. При этом вопрос о том, является ли эта ситуация только реакцией на азербайджанскую и до какой степени, остаётся открытым.

Одно кажется бесспорным: без прекращения информационной войны ни эта ситуация, ни конфликт в целом не продвинулся к разрешению, т.е. информационная война до определённой степени является причиной дилеммы «безопасность или демократия». А мы все находимся именно в ситуации информационной войны, которая ведётся между конфликтующими сторонами. Поэтому, в частности, любое серьёзное урегулирование карабахской проблемы нужно было бы начинать с прекращения информационной войны, потому что информационная война не только подрывает доверие к переговорному процессу, но и создает внутренние проблемы.

Методология исследования

В данном исследовании проанализировано определенное количество материалов СМИ Нагорного Карабаха, Армении, Азербайджана и РФ. Кроме анализа этих материалов, было

2 Чемпион мира по боксу Миша Алоян: «Из бакинского дворца уходил под охраной!». Регнум, 10 октября 2011 г. www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1454325.html.

проведено исследование, основанное на личном архиве как собственных публикаций, так и статей коллег. Автором были изучены соответствующие научные работы, касающиеся, в частности, национализма и его проявлений.

Ввиду отсутствия специальных исследований по выявлению клише и стереотипов в карабахских СМИ, автор, ссылаясь на исследования, проведенные в Армении и Азербайджане, попытался классифицировать стереотипы и клише в армянских СМИ, характеризующие Азербайджан как страну и государство. Под «клише» понимались неизменно употребляемые слова и словосочетания с негативным подтекстом или содержанием, а под стереотипом – повторяемые с определенной частотой, но при этом облаченные в разные слова мысли, идеи, характеристики и пр. с таким же негативным подтекстом или содержанием.

Исследуемые материалы были разделены на три подтемы: образ врага во внутривнутриполитической жизни, во внешнеполитической деятельности и как препятствие в миротворческой деятельности.

Были использованы также материалы карабахских «ню-медиа». В Нагорном-Карабахе информационных интернет-ресурсов немного, поэтому, в основном, были использованы три сайта из имеющихся ресурсов: <http://artsakhnews.am>, <http://artsakhtoday.com> и <http://www.karabakh-news.com>. Так как карабахская политическая жизнь обстоятельно и повседневно освещается информационным агентством «Регнум», то этот ресурс тоже был использован. В период исследования был проведен сбор материалов по идентификации и конкретизации образа врага.

Результаты исследования

Симбиоз образов врага

Главный враг в карабахском понимании – это своеобразный симбиоз турка и азербайджанца, эдакий «двуглавый монстр». Причем здесь имеется также и лингвистическое решение этого синтеза. Если в литературном армянском языке наличествует этноним «турк» (гурок), то в карабахском диалекте армянского языка взамен этого слова создан смешанный этноним «торк», под которым подразумевается вышеупомянутый симбиоз турка и азербайджанца. Будучи редактором карабахского издания, автор этих строк не раз уточнял, кого конкретно имел в виду автор той или иной статьи, используя это слово, ибо не совсем понятно было, о ком речь – об азербайджанцах или турках.

В материале «Азербайджанцы – те же турки...» карабахского электронного издания *artsakhtoday.com* можно найти кое-что не только об этом «лингвистическом чуде», но и об отношении к азербайджанцам.

«Наш опыт говорит о том, что мы имеем дело с разновидностью турок, которые признают лишь силу...», – утверждает военный психолог Давид Джамалиян. Впрочем, Д.Джамалиян подтверждает то, о чем жители Арцаха всегда говорили. Не случайно в арцахском диалекте нет понятия «азербайджанец», а есть слово «торк», производное от слова «турк». Таким образом, люди идентифицировали сегодняшних азербайджанцев с турками, не видя между ними никакой разницы. Что касается утверждения Д.Джамалияна о том, что сегодняшние азербайджанцы признают лишь силу, то в Арцахе эту простую истину дети впитывали с молоком матери. Десятилетия «совместного проживания» в братском Азербайджане мало что изменили в психологии людей. До сих пор в Арцахе, если хотят успокоить детей, то пугают их фразой «торк заберет тебя». Эта фраза всегда действовала на арцахских ребятшек безотказно».

Впрочем, принято считать, что для такого лингвистического новшества есть обоснование, так как в Советском Союзе до 1936 года по отношению к современным азербайджанцам употреблялись этнонимы «турок», «азербайджанский турок», «кавказские татары». В армянских источниках можно найти ссылку на весьма интересное историческое обстоятельство. В 1936 г. по распоряжению И.В. Сталина тюркский язык Азербайджана был переименован в «азербайджанский», а тюрки Азербайджана в «азербайджанцев».³

В этом контексте армянские СМИ часто используют результаты сельскохозяйственной переписи Азербайджана 1921 года, согласно которой 94,4% населения, проживавшего на территориях, вошедших позже (в 1923 году) в состав новообразованной Автономной Области Нагорного Карабаха (АОНК), составляли армяне и 5,6% – азербайджанские тюрки и другие национальности.⁴

Впрочем, такое отношение характерно не только для карабахцев. Недавно группой молодых ученых при поддержке Бюро Фонда Генриха Белля на Южном Кавказе было проведено весьма интересное исследование по теме «Национальный дискурс в Армении», согласно которому образы Турции и Азербайджана одинаково враждебны и демонизированы в армянском общественном сознании. В армянских СМИ образ Турции тесно сплетается с образом Азербайджана. Причем Азербайджан практически всегда упоминается в контексте возможных угроз. Самостоятельного и сколь-либо цельного образа Азербайджана и представления о нем как таковом в армянских информационных изданиях нет. По мнению исследователей, более распространенным в армянском националистическом дискурсе является нарратив, представляющий собой отрицание Азербайджана. Как указано в вышеупомянутом исследовании:

«Само наличие Азербайджана признается, но при этом он объявляется несостоятельным государством. Говоря об этом, многие авторы акцентируют внимание

3 См. Фарид Алекперли, «К истории этнонима ТЮРК в Азербайджане», <http://www.proza.ru/2011/01/17/351>

4 Итоги сельскохозяйственной переписи в Азербайджане, издание Центрального статистического управления Азербайджана, Баку, 1924 г.

на недемократичности правящего в Азербайджане режима, факте династической передачи власти от Гейдара Алиева его сыну Ильхаму, а также на том, что экономика Азербайджана является почти полностью сырьевой и неэффективной. Нередко в армянских СМИ Азербайджан называют нефтяной монархией, султанатом или феодальным государством».⁵

Анализ информационных изданий приводит к заключению, что актуальной остается угроза резни или этнической чистки со стороны как Азербайджана, так и Турции. Даже со стороны чиновников высказывалась мысль, что «если Карабах окажется под контролем Азербайджана, то там не останется ни одного армянина».⁶ Однако, по мнению исследователей, «если в случае с Турцией мы имеем дело со страхом и укоренившимися фобиями, то потенциал Азербайджана получает гораздо более низкую оценку».⁷ Они считают, что основной причиной восприятия предполагаемых со стороны официального Баку вызовов в качестве менее опасных является тот факт, что «в националистических кругах есть ожидание разгрома Азербайджана в случае начала новой войны».⁸

К слову сказать, турецкая сторона сама дает поводы для карабахского симбиоза, идентифицируя себя с азербайджанской стороной такими слоганами, как «боль Азербайджана – наша боль», «Турция плечом к плечу с Азербайджаном будет бороться за Карабах», «мы – одна нация, два государства» и т.д.,⁹ и, как принято считать, одинаковым антиармянским настроением. Впрочем, вряд ли можно однозначно говорить об одинаковости хотя бы потому, что в последние годы в Турции была инициирована общественная дискуссия на тему о роли армян, в контексте которой нередко звучат и проармянские заявления, что по определению невозможно в нынешнем Азербайджане. Нелишнее отметить, что слоган «мы – одна нация, два государства» больше используется с политическими целями со стороны руководства Азербайджана и Турции, нежели является результатом общественного восприятия.

В Турции тоже можно натолкнуться на абсурдные истории. К примеру, в *Regnum.ru* опубликована следующая информация:

«В Турции трем гражданам было предъявлено обвинение в «армянской пропаганде» путем ношения одежды бренда *Emporio Armani*. Об этом забавном и одновременно печальном инциденте рассказывает турецкая газета *Taraf* в статье под заголовком «Армани – армянин». Автор статьи – публицист Рони Маргулис не называет конкретных имен, дат, однако уверяет, что эта история - не выдумка. «Мне никогда

5 «Националистический дискурс в Армении: образы Турции и Азербайджана одинаково враждебны и демонизированы». Регнум. 7 июня 2011 г. <http://www.regnum.ru/news/polit/1413303.html>.

6 Там же.

7 Там же.

8 Там же.

9 «Эрдоган: Турция плечом к плечу с Азербайджаном будет бороться за Карабах». News.am 25 окт. 2011 г. <http://news.am/rus/news/79300.html>.

не приходила в голову мысль, что таким образом я занимаюсь пропагандой. Я уважаю мою страну, я не виновен», – заявил один из подозреваемых на суде. «У меня вообще не было задней мысли или каких-либо намерений. С другой стороны, Emporio Armani – знаменитый итальянский бренд. Я не согласен с выдвинутыми против меня обвинениями», – сказал второй обвиняемый. Третий сказал: «Да, я признаю, майка принадлежит мне. Но я не совершил никакого греха».¹⁰

Хотя не все так однозначно. Тому подтверждение – сложные азербайджано-турецкие отношения. Вот одна из рассекреченных информации *WikiLeaks* (передает *Первый армянский информационный канал*):

«Мы никогда не думали, что Турция нас так дешево продаст», – сказал глава Азербайджана Ильхам Алиев в присутствии американского посла. Кризис в азербайджано-турецких отношениях стал причиной «крайне тревожного» звонка посла Турции в Баку Хулуси Кылыча его американскому коллеге Энн Дерс в воскресенье 5-го апреля 2009-го года. ... Посол Турции просил США убедить официальный Баку, что после открытия армяно-турецкой границы Армения продолжит переговоры по карабахскому урегулированию».¹¹

Условия, в которых формируются мнения молодежи о «враге»

В данной главе автор считает целесообразным привести результаты одного неопубликованного исследования, проведенного в 2005 году карабахской организацией «Клуб молодых политологов», не только потому, что они явно показывают отношение молодого поколения карабахцев к азербайджанцам, но и потому, что такая целевая группа отсутствует в большинстве других исследований. Несмотря на то, что это исследование было выполнено несколько лет тому назад, оно по-прежнему актуально в отсутствие альтернативных данных, поскольку молодежь редко включают в такие исследования. Оно продемонстрировало, что в 2005 г. карабахская молодежь практически не была знакома с азербайджанцами, никогда их не встречала и не видела, знала о них только из рассказов родителей (рассказов о военных сражениях и вражде) и поэтому у нее было опасливое отношение к азербайджанцам, которые воспринимались ими как угроза. В этом плане молодежь представляет собой благодатную почву для распространения пропаганды, направленной на развитие и преувеличение образа врага.

Исследование «Клуба молодых политологов» по сути является серией мини-опросов на тему карабахского конфликта. Они были нацелены на определение степени готовности

10 «Армяне ведут пропаганду в Турции при помощи "Emporio Armani" – СМИ». Регнум. 17 окт. 2011 г. www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1456436.html

11 WikiLeaks: «Мы никогда не думали, что Турция нас так дешево продаст». *Первый Армянский Информационный*, 15 сент. 2011 г. http://www.1in.am/rus/scaucasus_sazerbaijan_9560.html

карабахской молодежи к контактам, к интеграции и мирному сосуществованию с азербайджанской стороной, а также на восприятие молодыми людьми образа врага и их видения интегрированного будущего региона.

Всего в фокус-группах было опрошено 80 человек в возрасте от 16 до 30 лет. Подавляющее большинство респондентов – более 80% – никогда не выезжали за пределы Нагорного Карабаха и не встречались с азербайджанцами. Впрочем, в ходе опросов выяснилось также, что в тех городах, где есть интернет-связь, некоторые респонденты имеют интернет-контакты с азербайджанцами.

Результаты свидетельствуют о том, что старшеклассники, которые никогда не встречались с представителями Азербайджана и видели только последствия войны, а не саму войну, видят мирное сосуществование двух народов в ключе добрососедских отношений, однако не под крышей одного государства. «Взрослые рассказывали, что к армянам тогда относились плохо, думаю, если снова мы будем жить вместе, будет так же плохо». У респондентов постарше возрастом отношение гораздо более недоверчивое.

Клише и стереотипы

Специальные исследования на тему выявления клише и стереотипов в карабахских СМИ не проводились, однако учитывая в целом идентичность атмосферы в армянских и карабахских СМИ, а также характерную для СМИ терминологию и традицию перепечатывания материалов на общеармянские темы, мы полагаем, что могут быть интересны результаты исследования, проведенного с 1 по 30 июня 2010 года Объединением журналистов Азербайджана «Ени несил» и Ереванским пресс-клубом в рамках проекта Фонда Партнерство Евразии «Оценка пристрастности онлайн медиа при освещении армяно-азербайджанских отношений», поддержанного Министерством иностранных дел Великобритании.¹² Ниже приведена часть результатов исследования, которая проливает свет на стереотипы и клише армянских СМИ по отношению к азербайджанской стороне. Вот некоторые результаты анализа интернет-материалов армянских СМИ, проведенного азербайджанскими обозревателями. Аналогичное исследование было проведено и по азербайджанским СМИ и их отношению к армянской стороне.

В указанном исследовании под «клише» понимаются неизменно употребляемые в армянских средствах массовой информации слова и словосочетания, негативно воспринимаемые азербайджанской аудиторией. Под «стереотипом» – мысли, идеи, повторяемые с

12 «Перекрестный мониторинг: недостоверные сведения, клише и стереотипы в новостных онлайн изданиях Азербайджана и Армении» (2010 г.). Синописис исследования Ереванского пресс-клуба и Объединения журналистов Азербайджана «Ени несил», проведенного с 1 по 30 июня 2010 г. в рамках проекта Фонда Партнерство Евразии «Оценка пристрастности онлайн медиа при освещении армяно-азербайджанских отношений». http://www.ypc.am/upload/ArmAzlInternet_2010_rus.pdf

определенной частотой, но при этом облеченные в разные формы и слова, которые имеют негативный подтекст или прямое негативное содержание.

Клише

Согласно клише в армянских СМИ: Азербайджан является «страной-агрессором», ведет «агрессивную, наглую и хамскую политику» (подразумевается также информационная война). Сами азербайджанцы характеризуются как «пещерные, способные на всякого рода зверства и вандализм». В этом контексте также используется «геноцид» армян – в Азербайджане, в Баку, в Гяндже, в Сумгаите, в Мараге (армянское село в Мардакертском районе Нагорного Карабаха), в Нагорном Карабахе и др.

Стереотипы

Согласно стереотипам в армянских СМИ: «Армения – сторонник мирного, а Азербайджан – военного решения конфликта»; «азербайджанская сторона в одностороннем порядке нарушает перемирие и международные нормы». Примечательно утверждение, что «продолжение Азербайджаном деструктивной политики ускорит международное признание НКР». В качестве противовеса и логической реакции в обиходе циркулируют стереотипы о том, что «армянская сторона не должна делать Азербайджану никаких уступок, что любая уступка может лишь подогреть аппетит Азербайджана. Более того, говорится о том, что азербайджанская армия нынче деморализована, небоеспособна и слаба, а армянская армия намного сильнее и храбрее азербайджанской, потому и возобновление боевых действий завершится ее неизменной победой».

Приводится не только характеристика Азербайджана как страны, государства и его институтов, но и характеристика индивидуальных представителей нации и государства. Согласно этим характеристикам, армянофобия возведена в Азербайджане в ранг государственной политики: «национальные меньшинства в Азербайджане преследуются и подвергаются религиозным притеснениям, этническим чисткам, ассимиляции»¹³; «нет терпимости даже внутри мусульманской конфессии; азербайджанцы – антисемиты».¹⁴ Следует вывод, что поэтому руководители Азербайджана, думающие не о судьбе страны, а лишь об укреплении позиции собственного клана, не могут проявить заботу об армянах Нагорного Карабаха.

Азербайджан характеризуется также в региональном контексте. Эта страна играет «дестабилизирующую роль на Южном Кавказе и является угрозой для региона»,¹⁵ «Азербайджан и азербайджанцы... покушаются на чужие культурные ценности».¹⁶

13 Там же, стр. 19

14 Там же, стр. 19

15 «Глоссарий языка вражды: использование стереотипов в СМИ Азербайджана и Армении», Стр. 32 http://mediafairplay.files.wordpress.com/2012/04/stereotypes_finalsep2012.pdf

16 Там же, стр. 23

Как конфликт представлен в карабахских СМИ

Краткая справка об информационном поле

Информационное поле Нагорного Карабаха находится на стадии становления. Если в сегменте печатных СМИ есть определенное многообразие и наряду с государственными газетами наличествует партийная печать (несколько партий имеют свои печатные органы), есть одна частная газета (армяноязычная «Нор эдж») и одна авторская газета (русскоязычная «Что делать»), а также независимый ежемесячный журнал «Аналитикон» (издающийся при поддержке британской организации «Ресурсы примирения» в рамках проекта «Европейское партнерство за мирное урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта»), то таковое отсутствует в сфере электронных СМИ. Единственным телеканалом является Общественная телерадиокомпания Арцаха – бывшее государственное телевидение. В Нагорном Карабахе очень мало информационных интернет-ресурсов, хотя в этой сфере в последнее время наметился определенный прогресс. Республиканская газета «Азат Арцах» – это не только главный официоз, но и единственная солидная газета с наибольшей периодичностью. С 2007 года в Нагорном Карабахе нет политической оппозиции, следовательно нет также и оппозиционных СМИ.

В карабахских СМИ хотя и редко, но все же появляются материалы на азербайджанскую тему, иногда иронично-саркастические, что было более свойственно этапу информационной войны в период эскалации конфликта в 90-х годах. Вот, к примеру, материал (со ссылкой на voskanapat.info) «Азербайджанский ученый: азербайджанцы происходят от циклопов» электронной газеты karabakh-news.com от 13 марта 2011 г.

«Оказывается, по соседству с нами обосновались потомки одноглазых циклопов. Нет, это не оскорбительная реплика. Если бы я хотел оскорбить, я бы написал – потомки безмозглых циклопов. Первое утверждение, кстати, тоже не мне принадлежит, это – вывод, к которому, после скрупулезного изучения истории тюркских племен, еще в 40-е годы прошлого века пришел азербайджанский ученый М. Рафили».¹⁷

Затем приводится цитата из брошюры известных армянских иранистов Гарника Асатрян и Николая Геворкяна под названием «Азербайджан: принцип присвоения и иранский мир». Работа эта была опубликована еще в далеком 1990 году. На 18 странице этого исследования автор вышеупомянутого опуса обнаружил вывод азербайджанского доктора филологических наук.

¹⁷ Давид Джамалян, «Потомки циклопов: азербайджанцы происходят от циклопов». *Voskanapat.info*, 13 марта 2011 г. http://voskanapat.do.am/news/potomki_ciklopov/2011-03-13-1191

«Так вот, по мнению видного азербайджанского ученого М. Рафили, азербайджанцы происходят от циклопов. Данным открытием он поделился с читателями в своей статье «Культура азербайджанского народа до Низами», вышедшей в свет в 1947 году в Баку, в сборнике «Низами Гянджави» (страницы 26-45). Весьма примечательно, что азербайджанский ученый к этому, несомненно мудрому и хорошо продуманному, выводу приходит, опираясь на... всемирно известное сочинение Гомера «Одиссея». И приходится лишь удивляться, что до Рафили на это никто не обращал внимания».¹⁸

И статья продолжается в том же духе. Эта публикация примечательна тем, что такие материалы давно не появлялись в карабахских СМИ, которые «баловались» этим в первые годы карабахского движения, когда были популярны иронично-саркастичные ответы на антиармянские статьи в азербайджанской прессе. Но однозначно твердить о «ренессансе» этого жанра пока не приходится.

Власть и общество

Как правило, нагорно-карабахские власти не выступают с резкими заявлениями и выступлениями в адрес Азербайджана, ограничиваясь утверждением, что без участия карабахской стороны переговорный процесс не может быть эффективным, с чем должен смириться Азербайджан, или заверениями о том, что Нагорный Карабах никогда не откажется от своей фактической независимости и никогда больше не окажется в составе Азербайджана. Такой тон характерен также для других заявлений по самым разным международным вопросам и общеармянским темам. Единственным исключением можно считать недавний ответ президента Бако Саакяна на вопрос журналиста о перспективах армяно-турецких протоколов. Глава государства скептически отнесся к перспективам армяно-турецкого диалога и обосновал это тем, что Армении приходится иметь дело с нечестным партнером, чуть ли не с обманщиком.

То обстоятельство, что власти, как правило, стремятся выглядеть на международной арене конструктивными и цивилизованными, теоретически является ресурсом влияния на них со стороны международных акторов.

Иное дело – атмосфера в обществе. С одной стороны твердят, что Нагорный Карабах готов сесть за стол переговоров с Азербайджаном, с другой стороны насаждается атмосфера недоверия по отношению к тем людям и организациям, которые в рамках разных международных проектов сотрудничают с азербайджанскими коллегами. Негласно их называют шпионами и агентами внешнего влияния. Скажем, один из апологетов такого отношения, будучи «министром культуры», несколько лет тому назад вплотную занимался «охотой на ведьм», что послужило поводом для того, чтобы журналист издававшейся еще тогда газеты «Демо» назвал это ведомство «министерством культуры безопасности».

18 Там же.

В Нагорном Карабахе власть упрекает журналистов в том, что они слишком пацифистски и мягко настроены, в то время как азербайджанские журналисты настроены весьма агрессивно и воинственно. Как писал в своей нашумевшей статье бывший начальник Главного информационного управления при Президенте Александр Григорян: «воевать, так воевать».

Такая двусмысленность – конструктивность со скептической подоплекой – привела к тому, что дискурс общества ныне более радикален, чем дискурс власти. То есть во внешний мир посылают неагрессивные мессиджи, а во внутреннем пространстве все наоборот. Отсюда и разные реакции «адресатов».

Меньшая радикальность руководства страны объясняется еще и тем, что верхушка нагорно-карабахского истеблишмента полностью доверяет руководству Армении, которое по сути представляет также интересы Нагорного Карабаха в переговорном процессе и одобряет так называемые мадридские принципы, подразумевающие решение проблемы компромиссным путем, что в данном случае означает для карабахцев отказ от «освобожденных территорий» или «пояса безопасности», как часто называют эти территории. Так вот, нагорно-карабахское руководство с одной стороны избегает резких патриотических заявлений, боясь негативной реакции руководства Армении, а с другой стороны негласно поощряет пессимизм по отношению к переговорному процессу и примирению с Азербайджаном.

С годами был очерчен также образ «внутреннего врага». И именно здесь дилемма «безопасность или демократия» расцвела в большей мере. По сути внутренний враг – это любой человек, который не согласен с властью и критикует ее деятельность.

Причем этот образ непоследователен, потому что иногда в стан друзей руководства причисляются люди, у которых весьма «непатриотичные» принципы и мировоззрение, и наоборот – иногда противниками являются апологеты усиления второй армянской государственности. Критерий отбора друзей и врагов – лояльность к властям. К примеру, среди друзей власти значатся также некоторые лица из той среды, в которой преобладают пацифистские настроения, но зато они одобряют деятельность власть имущих. Словом, на первом месте интересы власти. Причём, так как власть персонифицирована, то критерием является не приверженность интересам государства или нации, а личная преданность. Это, по сути, приводит к застою, ибо основная цель – не давать людям думать.

В годы войны внутреннего врага называли «дезертиром», в послевоенный период называют «шпионом» и «агентом внешнего влияния». Кроме того, в последнее время начали писать о «пришлом элементе» – людях, которые приехали жить в Нагорный Карабах совсем недавно и недовольны властью (довольные «пришельцы» приветствуются, более того, пользуются определенными писаными и неписаными льготами в соответствии с пропагандой триединства армянства – Нагорного Карабаха, Армении и армянской диаспоры).

В ноябре 2011 г. такой ажиотаж возник в связи со статьей Айка Ханумяна «Бако Саакян создал в НКР полицейское государство», опубликованной в некоторых армянских СМИ и перепечатанной азербайджанским ресурсом Vesti.az.¹⁹ Вот что пишет в материале «Для чего пишет Аик Ханумян?» одна электронная газета:

«Шапкозакидательство и крайность, вот основные методы деятельности тех, кто пытается заняться «общественной деятельностью» в Арцахе... Само название уже носит откровенно клеветнический и провокационный характер. Насколько далеки от действительности эти обвинения, говорит лишь факт самого пребывания Айка Ханумяна в Арцахе и его постоянные попытки очернения всего того, что происходит сегодня в Арцахе, без каких либо правовых последствий для него... Обвинения в тотальной коррупции могут принять за чистую монету лишь те, кто не знаком с нынешней ситуацией в нашем обществе и наверное рассчитаны на внешнюю аудиторию. Однако в этом случае возникает вопрос, на кого работает А.Ханумян, очерняя все то, что сегодня происходит в Арцахе и то, с каким злорадством перепечатывает его Vesti.az».²⁰

Другая электронная газета не обошлась без оскорблений, опубликовав материал с броским заголовком «Плоды больного воображения»:

«Откуда столько озлобленности в молодом человеке, у которого вся жизнь впереди. Трудно понять человека, приехавшего всего пару лет назад в Арцах, но уже позволяющего себе менторским тоном поучать ее жителей уму-разуму и азам демократии».²¹

Образ врага как механизм для легитимизации власти

Образ врага – внешнего и внутреннего – является также механизмом легитимизации и сохранения власти при любом качестве результатов ее деятельности. Власти так заняты проблемой «врагов», что иногда им не хватает времени и сил для обеспечения нормальной жизнедеятельности общества. И общество всегда с пониманием относится к этому, по своей воле отложив решение своих же проблем «на потом», на лучшие и более безопасные времена.

Укоренению такого отношения объективно способствуют некоторые положительные для общественного организма моменты, связанные с образом врага. Эти образы помогают

19 Айк Ханумян: «Бако Саакян создал в «НКР» полицейское государство». Vesti.az 08 Ноября 2011 г. <http://bit.ly/Vr83o1>.

20 «Для чего пишет Аик Ханумян?» Artsakh Today, 14 ноября 2011 г. Document2<http://www.artsakhtoday.com/?p=9532&lang=ru>

21 Владимир Григорян «Плоды больного воображения». Artsakh Today, 15 ноября 2011 г. http://artsakhtoday.com/?p=9542&fb_source=message

укреплению защитной реакции и всеготовности, концентрации ресурсов у одного полюса, что облегчает решение касающихся безопасности вопросов, они становятся причиной того, чтобы власти взяли на себя ответственность за решение основополагающих вопросов безопасности страны и ее граждан, они способствуют сплочению населения и укреплению идентичности и, наконец, экономному расходованию имеющихся средств.

Однако самым большим минусом является то, что общество по существу избегает ответственности, лишает себя функций творца собственной судьбы и ставит себя в зависимость от таких же людей, как они сами. Фактически человек по своей воле жертвует своей свободой ради всеобщей безопасности, не понимая, что именно с имеющейся степенью свободы у него больше ресурсов защищать себя и свою страну. Он ограничивает свое участие в определении своей же судьбы.

Видимо, необходимо время, чтобы народ понял, что демократия не только не является угрозой безопасности, она – один из ее гарантов. Ибо жить в безопасности может только свободный человек. Хотя бы потому, что не лишает себя права на участие в принятии решений, касающихся его судьбы.

Образ друга в карабахских СМИ

Главным другом карабахцев, естественно, является **Армения** или, точнее сказать, Мать Армения, так как принято считать, что мы один народ – два государства, или, точнее, у нас триединство – Армения, Нагорный Карабах и армянская диаспора.

В то же время в Нагорном Карабахе все чаще и сильнее звучит недовольство тем обстоятельством, что Нагорный Карабах как бы оказался в стороне от переговоров. Многим уже кажется неприемлемым тот факт, что руководство Армении, по сути, монополизировало право на урегулирование карабахской проблемы. Чем дальше, тем больше людей считают, что Армения должна взять на себя миссию гаранта безопасности карабахских армян и не более. В этой связи становится актуальной тема взаимоотношений между Арменией и Нагорным Карабахом. В последнее время как в Армении, так и в самом Нагорном Карабахе начали говорить о необходимости уточнения прав и обязанностей двух государств в вопросе урегулирования карабахской проблемы. Политика невмешательства,²² которую проводят нагорно-карабахские власти, становится непонятной для карабахского общества, в котором усиливаются разговоры о необходимости создания второго армянского политического центра и признания карабахского фактора как отдельного регионального военно-политического, на что с ревностью смотрят власти Армении.

22 Как известно, Нагорный Карабах напрямую не участвует в переговорном процессе, хотя сопредседатели Минской группы ОБСЕ периодически приезжают в Степанакерт.

Для старшего поколения однозначным другом является **Россия**. В разговорах с представителями старшего поколения бессмысленно высказывать сомнения относительно бескорыстности позиции России, свой отпечаток на их психологии оставила советская пропаганда. Однако более молодое поколение весьма скептически относится к роли русских в судьбах армян и не согласно с тем, что Россия – наш спаситель.

Однозначно дружественной воспринимается другая региональная держава – **Иран**. Хотя на психологию армян со школьной скамьи серьезно влияет литература об Аварайрской битве (судьбоносная битва между армянами и персами – 5 век) и, в частности, исторический роман армянского классика Дереника Демирчяна «Вардананк», тем не менее «сегодня» берет верх над «вчера», чему способствует дружественная политика иранских властей.

«Позиции Армении и Ирана по многим региональным и международным вопросам имеют удивительную схожесть», – заявил в ноябре 2011 г. министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи во время визита в Ереван.²³ Также (в связи с этим визитом) один из духовных лидеров Ирана Айтатолла Макарем Ширази призвал власти Азербайджана извлечь уроки из последних региональных событий.²⁴ 14 мая 2011 г. посольство Ирана в Армении выступило с беспрецедентным заявлением о том, что в связи с конфликтом между Арменией и Азербайджаном Иран всегда придерживался убеждения, что для установления долгосрочного мира конфликт необходимо урегулировать на основе диалога, неприменения силы и уважения права на самоопределение.²⁵ Однозначная ссылка на принцип самоопределения нации вызвала протесты в Баку.

К странам-друзьям армян карабахцы причисляют также **США** – единственную страну, в бюджете которой отдельной строкой обозначена гуманитарная помощь Нагорному Карабаху, что расценивается как фактическое признание. Кроме того, именно президентом США Вудро Вильсоном в 1920 г. были начертаны границы Армении в Севрском договоре, которому, правда, не суждено было сбыться, но который соответствовал чаяниям армян всего мира. Не стоит сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что в Соединенных Штатах действует самое мощное армянское лобби.

К **Франции** тоже традиционно хорошо относятся карабахцы, хотя в некоторых интеллигентских кругах принято говорить об отрицательной роли французов в судьбе Киликийского армянского государства. Но симпатии были и остаются, о чем «в курсе»

23 «Схожесть позиций позволит Армении и Ирану совместно решить региональные проблемы – Салехи». Regnum, 8 ноября 2011 г. <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1464658.html>

24 <http://tert.am/am/news/2011/11/08/iran-azerbajjan>

25 «Посольство Ирана в Армении выступило с заявлением», Еркрасмас, 14 мая 2011 г. <http://www.yerkramas.org/2011/05/14/posolstvo-irana-v-armenii-vystupilo-s-zayavleniem/>. Вы можете ознакомиться с более глубоким анализом данного заявления этого же автора в июльском 2011 г. издании журнала «Аналитикон»: <http://theanalyticon.com/?p=493&lang=ru>

французские власти, иногда акцентирующие этот вопрос. «Ни одна страна не может лучше представить, что значит Нагорный Карабах для Армении, чем Франция», – заявил президент Франции Николя Саркози во время визита в Ереван в октябре 2011 г.²⁶

Перспективы диалога

Хотя у армян и азербайджанцев разный список друзей, на однозначную поддержку которых они рассчитывают в решении карабахской проблемы, не осознавая, что этим они закрывают дорогу армяно-азербайджанскому диалогу, все же кажется, что со временем стороны почувствуют безальтернативность такого диалога.

Тот факт, что они говорят языком вражды и ненависти – очень плохо, но стоит обратить внимание также на то обстоятельство, что так они говорят у себя, как принято считать – для внутреннего потребления. Как и в старые добрые советские времена, самое лучшее оставляют «на экспорт».

Весьма любопытна следующая информация. Президент России Дмитрий Медведев на встрече 21 октября 2011 г. со студентами различных российских вузов и представителями молодёжных организаций раскрыл также некоторые подробности встреч глав Армении и Азербайджана.

«Удивительно то, что окружение обоих президентов, естественно, очень неплохо друг с другом ладят – и президента Алиева, и президента Саргсяна – и переходят легко с азербайджанского на армянский, с армянского – на азербайджанский. Это просто происходит на моих глазах. Более того, это, конечно, такой потаённый момент. Но, я надеюсь, и Серж Азатович, и Ильхам Гейдарович на меня не обидятся, если я скажу, что и они друг с другом неплохо ладят. Когда мы сидим вместе за столом, они очень хорошо общаются».²⁷

Вспоминается также давний анекдот о многократных встречах Алиева старшего с Робертом Кочаряном. Говорят, только одну тему не успели обсудить два президента за все это время – карабахскую проблему. Им и так было о чем говорить.

Таким образом, нормальные отношения власть берет себе, а вражду и ненависть оставляет обществу. Общества всегда игнорировались – как собственными властями, так

26 «Нет большей опасности, чем сохранение статус-кво в зоне карабахского конфликта – Саркози», Regnum, 6 окт. 2011 г. www.regnum.ru/news/fd-abroad/karabax/1452995.html

27 «Президенты Армении и Азербайджана неплохо ладят друг с другом – Медведев», Regnum, 21 окт. 2011 г. www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1458226.html

и посредниками и другими международными игроками. А недавние визиты представителей армянской и азербайджанской интеллигенции в Баку, Ереван и Степанакерт были проведены как спецоперация. Складывается впечатление, что народы хотят помирить тайно, чтобы никто об этом не знал, в том числе и сами эти народы.

Главный вывод моих рассуждений заключается в том, что в наведении мостов доверия между обществами конфликтующих сторон рассчитывать только на содействие властей не приходится. Так что придется и самим находить выход.

Выводы

Общества конфликтующих сторон могут сказать свое веское слово и взять бразды правления в свои руки в урегулировании карабахской проблемы только после демократических преобразований. Так что сначала нужно навести порядок «у себя дома», в чем может помочь международное сообщество. Демократизацию нельзя ставить в зависимость от геополитических и стратегических интересов. Нужно стимулировать демократические преобразования в Армении, Азербайджане и Нагорном Карабахе. Нужно напрямую способствовать становлению демократических институтов в Азербайджане, Армении и Нагорном Карабахе и, в первую очередь, становлению независимых СМИ, так как они могут сыграть огромную роль в объективном освещении карабахской проблемы и процесса урегулирования конфликта, будут способствовать отказу от информационной войны и ликвидации «образа врага», чтобы в дальнейшем оказывать влияние на свои правительства в деле активизации переговорного процесса и принятия взаимоприемлемых решений.

ГЛАВА 6

Утилизация этнографических мифов (герой/ предатель) в контексте современных военных конфликтов и послевоенного строительства осетинского общества

Эдуард Кабулов

Советизация и ее влияние на традиционные устои осетин

С начала распада Советского союза в Южной Осетии стали проявляться активные действия, носящие националистический характер. Это объясняется многими причинами, в том числе опытом советизации во всех его значениях. Как известно, в период вхождения в состав многонациональной империи СССР, где вопросу национальной идентичности придавалось исключительно политическое значение, осетины, как и многие другие национальные меньшинства, свою этническую принадлежность выражали и реализовывали в собственном узком кругу, в узком и безопасном пространстве. Способов для такого самовыражения было мало из-за отсутствия обучения на родном языке, навязывания советских ярлыков и тотальной урбанизации основного населения, впоследствии нарушившей традиционный уклад жизни индивидуума, семьи и всего сообщества.

В результате советизации и насильственной урбанизации у осетин произошла ломка традиционных устоев общества, где основополагающим законодательным органом для мини-сообществ был «Ныхас» (народный совет).

Принадлежность индивида к своей национальной группе в советском общественно-политическом устройстве выражалась, в основном, через публичное признание своей ассоциированности путем особых общественных заявлений.

В советское время недостаточное пространство для публичного самовыражения национальной идентичности и получения ее признания диктовало поиск альтернативных путей. И в тоже время общественный круг сужался до минимума и ограничивался малой и большой семьей, где реализовывалось и утверждалось сознание своей национальной принадлежности и ее уникальности, происходило приобщение к исторической памяти своего народа, приходило ощущение, что человек является его частью.

Как известно, историческая память нации функционирует через нарративы, передаваемые из поколения в поколение. Осетины в этом деле не исключение. Интересно посмотреть, что Н. Берзенов, известный русский путешественник, писал в 1851 году:

«Осетины с жадностью слушают сказки и рассказы, похожие на сказки о богатырях горских, вопреки мнению многих, будто бы у горцев нет других подстреканий к войне и разбою, кроме добычи. Однако слава, желание приобрести известность, часто заставляют осетина взяться за винтовку и шашку... Быть известным джигитом-храбрецом в селении, в долине, в целых горах, составляющих его мир – есть высшая награда его желаний и трудов... Рассказы о их набегах и приключениях боевой и охотничьей жизни, о встречах и невзгодах пути чрезвычайно занимательны. Новость предметов, живая простота рассказов и, наконец, здравость их суждений о горской войне, о выгодах местности, о том, как должно нападать на врагов или избегать их, –

могут заинтересовать любого ветерана, обстрелянного в сражении. Вообще они презируют смерть и считают себя превосходнейшими воинами. Грузины, например, которых они в насмешку называют «попхихорами», служат любимой прибауткой их шуток. Мальчишки, учась стрелять в цель, передразнивают грузина, будто он стреляет, отворачиваясь от ружья...»¹

В советские времена у осетин такой пересказ, поддерживающий и передающий истории, совершается за вечерним столом в кругу семьи или за праздничными общественными обильными застольями, где традиционность пересекается с новизной, привнесенной смешением культур. В этом случае можно говорить о традиционных формах подтверждения самосознания, самореализации и, в некоторой степени, социализации с использованием нового контента.

В этот период заявления о своей принадлежности и несхожести с другими стали носить характер застольного тоста – видоизмененного варианта традиционной молитвы. Не претендуя на глубокие исследования в области национальных традиционных ритуалов, можно отметить, что из интервью, которые я брал у людей преклонного возраста в разных уголках Южной Осетии, однозначно вырисовывается картина, подтверждающая, что традиционное застолье осетин до советизации не сопровождалось потреблением высокоградусных алкогольных напитков и обильными, ломящимися от яств застольями.

Советизация вместе с идеологическими и политическими изменениями привнесла в осетинское общество смешение разных компонентов из разных культур, в том числе из грузинской – обильность застолья, из русской – ценность потребления водки.

Аскетизм в обыденной жизни и мера во всем характеризовали быт и идеологическую составляющую осетинского общества до революции.

Соответственно традиционный тост-молебен носил весьма содержательный и лаконичный характер, осетины молились своим мифологизированным богам, просили у них благословения на то или иное дело, при этом адресатами были конкретные боги, в зависимости от случая обращения.²

Потребность в самоидентификации у осетин могла бы быть поддержана и реализована также через нарративы, рассказываемые за ритуалом долгого застолья, и пополняла бы фольклор, если бы не военный конфликт, вспыхнувший во время и после развала Советского Союза.

1 Н. Берzenов, Из воспоминаний об Осетии, «Кавказ», 1852 г, № 5, стр. 67.

2 См. «Религия Осетин», Тома Кулаева. Доступен по адресу <http://www.osetia.ru/~toma/Religija.html>; Также см. «Традиционная культура и религия Осетин», Н. Емельянова, по адресу <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=926>.

Грузино-осетинский конфликт послужили своеобразным детонатором возрождения нового общественного мышления, базирующегося на преодолении национальной опасности через консолидацию общества вокруг лидера-героя. Эта была кризисная общественная реакция на чрезвычайные обстоятельства при условии разваливающейся советской идеологии, где одними из основных тезисов были нерушимая дружба народов и защита государством каждого отдельного индивида.

Пребывая еще долгое время в советизированном политическом и социальном устройстве после распада СССР, Южная Осетия оказалась перед лицом множества вызовов, в том числе перед опасностью физического истребления со стороны многочисленных воинских подразделений, тогда называемых «грузинскими неформалами», которые окружили и регулярно обстреливали Южную Осетию со всех сторон.

Система ностальгического советского устройства, когда в обществе были популярны идеи о том, что в Кремле непременно будут приняты санкции против грузинской агрессии, хотя сам СССР уже отсутствовал, мешала тогдашней Южной Осетии справиться с новыми вызовами. Сам парадокс отсутствия СССР, но сохранения его схемы и идей, вызывал всевозможные противоречия в обществе, в том числе идеологические.

Военный конфликт диктовал свои условия функционирования общества. Порядок принятых решений стал спонтанным и хаотичным, но в то же время он воспринимался в качестве народного по сравнению с методами рухнувшего советского строя. Образовались неформальные группы, их лидеры взяли на себя функции управления обществом и республикой, которая сама себя провозгласила после аннулирования Грузией статуса Юго-Осетинской автономной области.

Заказ на героев

Идеалы героизма развивались на протяжении многовековой истории человечества, запечатлеваясь первоначально в формах стихийно складывающегося массового нравственного сознания и устного народного творчества (в частности, в т. н. героическом эпосе), а в дальнейшем становясь предметом художественной литературы, искусства и изучения специальных теоретических дисциплин – этики, эстетики, социологии, психологии.

Считается, что героизм – это совершение выдающихся по своему общественному значению поступков, отвечающих потребностям исторического развития и интересам народных масс, требующее от человека готовности к самопожертвованию. Героический поступок всегда связан с максимальным напряжением нравственных и физических сил, он требует величайшего личного мужества, выдержки, стойкости. Проблема героизма имеет многочисленные аспекты – этический, психологический, эстетический и др. Однако для

философии наибольшее значение имеет социологическое рассмотрение этой проблемы, основанное на изучении сущности исторического процесса. В связи с таким рассмотрением проблемы геройства возникают вопросы о критерии героя, о его исторических предпосылках и о роли личности в истории.

Попытку провести социологический анализ проблемы героя сделал итальянский философ Вико, который применил термин «героизм» для обозначения определенного периода в развитии человечества, т.н. героического века, «века героев», который следует за «веком богов» и предшествует «веку людей». Связывая геройство с условиями гражданской жизни античного общества, Вико считал геройство невозможным в последующий, «разумный» период развития истории:

«Героизм теперь по самой природе гражданственности невозможен [...] поэтому нужно прийти к тому заключению, что героя в нашем смысле слова угнетенные народы жаждут, философы изучают, поэты воображают, но гражданская природа... не знает такого рода благодеяний».³

Эта концепция получает всестороннее развитие у Гегеля, который отличительным признаком геройства в древности считал совпадение индивидуальной деятельности, личной мотивации совершить важный и опасный для самого индивида публичный поступок и всеобщего резонанса на этот поступок. Античный герой, согласно Гегелю, не знал коллизии между деянием и моралью, чувством и долгом. Гегель относил «героический век» к периоду становления государства и государственности вообще:

«В государстве нет больше места героям: последние встречаются только в период нецивилизованного [...] состояния. Цель их – правовая, необходимая и государственная, и они осуществляют ее как свое личное дело».⁴

Идеологи Просвещения и революционного романтизма создали концепции бунтарства героической личности, борющейся за национальную и политическую свободу и за «естественное» равенство людей.

В реакционном романтизме, наоборот, герой противопоставлялся народу, «толпе» и даже обожествлялся в «культ героев»;⁵ в образе «сверхчеловека» у Ницше он получил моральное право на насилие.⁶ Эти идеи нашли развитие и в реакционных течениях буржуазной мысли 20 в., которые подчёркивают индивидуальную исключительность героя, связывают геройство с милитаризмом и рассматривают милитаризм в позитивном смысле.

3 Дж. Вико, «Основания новой науки об общей природе наций». Л., 1940 г., стр. 295.

4 Г.В.Ф. Гегель, «Философия природы», Соч., т. 7, М.–Л., 1934 г. стр. 112.

5 Т. Карлейль, «Герои, почитание героев и героическое в истории», Изд. Эксмо, Москва, 2008 г.

6 Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра», Изд. Азбука, 2009 г.

В советское время общественная риторика героизации переместилась в контекст труда, были придуманы и введены в общественное употребление такие термины, как «герой социалистического труда», а во время Второй мировой войны – «герой невидимого фронта», «герой войны». Возможно, опыт прошлых поколений осетин, переносимый через нарративы и тем самым закрепляющий в традиционном укладе мышления концепцию восприятия самой жизни, сыграл важную роль в том, что осетины особо отличились в войне с фашизмом, получив самое большое относительно (с учетом населения) количество званий «Герой Советского Союза».

Все концепции и характеристики героя и героизма, приведенные выше, наглядно прослеживаются на примере общественного устройства Южной Осетии во время распада СССР и начавшегося грузино-осетинского военного конфликта, а также в небольшие передышки между возобновлениями активных военных действий в зоне прекращения огня.

В контексте Южной Осетии героический поступок имеет особое значение. Само рождение идеи независимости республики ассоциируется с символическим геройским поступком: 23 ноября 1989 года группа молодых ребят, большей частью студентов, взявшись за руки, перекрыла дорогу многотысячной колонне грузинских шовинистически настроенных неформалов во главе с лидерами националистических партий и группировок Грузии, следовавшей из Тбилиси в Цхинвал под предлогом проведения там митинга. Дальнейшая эскалация конфликта развивалась стремительно.

Информационная и физическая изоляция от всего мира, экстренная военная ситуация, вопрос физического выживания, проблемы, связанные с экономическим развалом, потерями сельскохозяйственных ресурсов и вынужденной миграцией сельского населения из осетинских сел, граничащих с Грузией, а также проблемы осетин из внутренних районов Грузии, ищущих убежище в Южной Осетии, требовали принятия неотложных мер.

Натиск войны, крах советского управления, неизбежность голода и угроза физического истребления в девяностых годах возобновили в общественном сознании южных осетин дремлющий, но лелеемый в исторической памяти народа феномен потребности в героях как спасителях нации.

Желание пойти воевать был сильным, искренним. Молодые люди, не обученные военному делу, массово уходили на войну. Шел большой поток осетинских студентов из Москвы и из крупных городов СССР. Большинство из них погибло. Было популярно и не подлежало сомнению базовое идеалистичное допущение, что пойти на войну и принять там смерть – это спасение нации, которое обеспечит ей свободную счастливую жизнь в будущем. С такой мотивацией молодые люди легко отдавали свои жизни.

Как это ни парадоксально звучит, но военный конфликт в конце двадцатого столетия и игнорирование его внешним миром вернул средневековый социальный заказ на героев в весьма цивилизованном на тот момент обществе с высоким уровнем толерантности, открытости, демократичности и образования. Чтобы обосновать такое состояние общества, приведу два примера известных статистических данных Госкомстата СССР. Первый – в Осетии был самый высокий в СССР процент межэтнических браков, и второй – процент женщин с высшим образованием также был самым высоким в СССР.

Но при полном параличе системы общественного функционирования и при наличии серьёзных опасностей для жизни сложилась ситуация, в которой оживление героического эпоса и перенос его в реальную каждодневную жизнь оказались возможными. Напряженность консолидировала осетинскую общественность, герои были востребованы и заняли свое почетное место в обществе, они же способствовали его мобилизации.

Однако подобная эйфоричная консолидация осетинского общества против общего врага в дальнейшем привела к соответствующей трансформации мировоззрения общества в целом.

Интересно отметить, что за все годы после подписания Дагомьского [Сочинского] соглашения в июне 1992 г.⁷ эта потребность общества в героях не спадала. Она видоизменялась, но сохраняла свою актуальность в общественном сознании и, таким образом, в силу сверхзначимости, служила и до сих пор служит инструментом управления югоосетинским обществом.

В течение всего времени после подписания указанного соглашения и вывода военных формирований из зоны конфликта ситуация в регионе грузино-осетинского конфликта носила неоднозначный характер. Напряжённость, связанная с ночными обстрелами, убийства и грабежи на линии прекращения огня носили перманентный характер. Общество не теряло понимания, что в политическом запасе должны быть сильные лидеры, которые способны жестко ответить на вызовы времени.

Факт востребованности героев в течение столь продолжительного времени может свидетельствовать о реальном военном положении, о не снижающейся угрозе возобновления военных действий, которую ощущает общество, о непреодолимости экономической и политической зависимости от России и об изоляции от всего мира. Все эти и другие факторы служат причиной сохранения социального заказа на лидера-спасителя, которого наделяют безграничным доверием, которому делегируют принятие решений и которого наделяют полномочиями распределять все ресурсы без отчета перед обществом.

7 Сочинское соглашение («Соглашение о принципах мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта») – документ, подписанный в г. Сочи (Россия) 24 июня 1992 г. российским президентом Борисом Ельциным и председателем Государственного совета, главой Грузии Эдуардом Шеварднадзе. Иногда именуется Дагомьским соглашением (Дагомьскими соглашениями).

На примере развития конфликта в Южной Осетии и отслеживания общественной военной риторики можно сделать выводы, что необходимость в героях-правителях в конфликтный период умело использовалась как средство управления обществом в целях выживания, а в постконфликтный период – для политических манипуляций обществом.

Весьма очевидно напрашиваются выводы, что при приложении некоторых усилий по поддержанию полувоенного положения и сокращении грани между войной и миром, в конечном итоге получается ситуация, удобная для манипуляции общественным мнением со стороны как формальных, так впоследствии уже и неформальных лидеров.

Лидеры национального движения, прошедшие через военный конфликт и, исходя из общественной риторики, выигравшие его, набирались опыта ведения борьбы и продолжали применять его в разных сферах в период мирной жизни или, если говорить точнее, в промежутках между эскалациями конфликта.

Следует отметить, что во времена долгих военных затиший общество подвергалось сомнению целесообразность и моральность поведенческих моделей героев. В обществе происходили скрытые и даже публичные дискуссии о том, какими мотивами руководствуются его лидеры, принимая те или иные решения, предпринимая то или иное действие, не связанное с военным делом. Можно утверждать, что протестный заряд в обществе усиливался и становился критичным во многие периоды так называемого затишья.

Лидеры переносили такое положение тревожно и эмоционально. Было очевидно, что их влияние на общество ослабевало, а рычаги управления становились более неподконтрольными и непредсказуемыми, когда не было прямой угрозы извне. Этотстораживающий факт меняющейся общественной динамики нацеливал лидеров на поиск путей сохранения статус-кво.

Изменение ракурса политической риторики

Для удержания власти политической элите нужно было непременно поддерживать восприятие угрозы как в обществе в целом, так и в каждом его члене, и возвращать все и всех к привычным военизированным и героическим формам правления. Вследствие этого в периоды затишья образ внешнего врага был спроектирован также и вовнутрь общества. Таким образом, одной из успешных форм угроз стал выдуманный самими же лидерами источник, исходящий уже из самого общества, так называемый «внутренний предатель», «враг среди нас». На языке цивилизованной политической культуры таким людям или группе дали бы название «оппозиционеры», «инакомыслящие». В этой новой политической риторике югоосетинской власти под «предателем» подразумевался человек, который в обмен на материальные блага готов отдать обратно врагу то, что было достигнуто путем страданий народа и геройства отдельных его представителей.

Достигнутое интерпретировалось по-разному и никогда не имело лаконичного содержания, но формы были весьма обширными и расплывчатыми. Чаще всего под достигнутым подразумевалась стабильность – отсутствие открытого вооруженного противостояния и сам факт выживания. Ни один из лидеров не мог привести аргументы в пользу видимых изменений в экономических и социальных показателях республики, в связях с внешним миром или иных позитивных факторов.

Строительство в периоды военного затишья оказывалось делом не менее трудным, чем военное ремесло. И в этом деле герои не находили себе такого достойного и просторного места, как на войне.

Однако у героев военного сопротивления присутствовало стойкое базовое допущение, что и в мирной жизни они должны властвовать, что, впрочем, не оспаривалось обществом, предполагавшим, что они имеют на это моральное право, ибо жертвовали своими жизнями за всех.

Следует отметить, что феномен жизнеспособности и практичности такой риторики заключался в следующем: народ был готов обменять свои свободы и все свои права на «лишь бы не было войны».

Изучая прессу, отслеживая ее риторику, опросив свидетелей и участников событий тех времен, мы можем предположить, что после 90-х годов в повестку дня югоосетинского послевоенного общества была включена концепция поляризации лидеров национального движения – герой и предатель – и вокруг этого строилась политическая система общества. Сами лидеры вели упорную борьбу за свои безграничные права, данные герою по неписанному праву, и эта лидерская полемика отражалась на всем обществе. Общество рефлексировало по вопросам о том, кто где воевал, каковы доказательства этому, кто гнался за трофеями войны, кто какие экономические выгоды приобрел для себя в результате войны.

Как ни парадоксально, в наиболее защищенном положении в этом плане оказались погибшие. Они все остались героями в восприятии общества и обсуждению не подлежали, вне зависимости от того, в какой ситуации они погибли.

В мирное время многие из героев продолжали бороться за свои безграничные привилегии. В этой борьбе народ массово им не помогал, основную поддержку они получали от своих друзей и родственников, которые имели свой интерес в этой борьбе. Таким образом, складывались кланы, которые впоследствии разделяли власть, а активная часть общества раскалывалась на группировки в зависимости от выраженных симпатий и самой принадлежности к той или иной неформальной группе.

Результаты поляризации общества по принципу не героев, героев и предателей отразились на практической стороне социальных отношений в Южной Осетии. Прежде всего это касалось практической работы по восстановлению инфраструктуры и приведения жизнедеятельности республики в рабочее состояние. Налицо было нежелание лидеров заниматься «грязной, недостойной героев, работой». К числу таких работ причислялись, например, сельское хозяйство, строительство, ремонтные работы и связанные с сервисными услугами сферы деятельности.

Впоследствии все методы геройства лидеров, сохраняющих активную жизненную позицию, были перенесены в мирную жизнь; они медленно и монотонно стали уничтожать своих противников (других таких же героев) геройскими методами. К началу войны августа 2008 года фактически не осталось сильных кланов и их лидеров, кроме того, который был у власти.

Искусственное воспроизведение героев

Методы правления власти оставались такими же, как на войне. Но парадокс заключался в том, что герои «не производились» из-за отсутствия войны. В этом случае их стали воспроизводить. Власть целенаправленно использовала древнейшие традиционные формы управления обществом в кризисные моменты истории. Например, выделение героев, почитание их через специальную символику. Служивших преданно власть часто награждала Орденом мифической чаши Уацамонга (просящая славы).⁸ Эта чаша была высшей наградой для отличившегося воина у древних осетин. Вручение её в современном контексте – это своеобразная возможность производства «героев для общественного и политического пользования».

Все аспекты послевоенной политической жизни Южной Осетии связаны тоже со своеобразной интерпретацией ритуала по разделению членов общества на достойных и недостойных. В частности, восстановление жилья предусматривалось, прежде всего, для тех, кто остался в Цхинвале во время войны августа 2008 года, а уже затем для тех, кого во время войны не было, при этом не принимались во внимание материальные трудности, социальная незащищенность людей и т.д.

8 Нартамонга (в других вариантах – Амонга, Уацамонга) — в осетинской (нартской) мифологии волшебная чаша («указательница»), присутствующая на пирах нартских воинов-героев. «Они хранят у себя Нартамонга и торжественно приносят её на пир. Она используется ими и для других целей, и тогда Алагата ставят условия. Например, во время пира, когда соперничавшие друг с другом Сослан и Челахсартаг плясали и на полу и на столах, а один из них даже на концах поднятых вверх нартских мечей, Алагата вынесли Уацамонга, четырёхугольную чашу Нартов, полную ронга и сказали: «Кто спляшет с чашей на голове, не пролив ни капли, тот и есть лучший плясун». Ж. Дюмезиль, «Осетинский эпос и мифология», Москва, Наука, 1977 г., стр. 179.

Отмена заказа на героев

Новейшая история и связанное с этим новое общественное мышление в Южной Осетии зародилось с момента предоставления гарантий безопасности со стороны России. Власть, так долго и успешно использовавшая военную пропагандистскую машину, увидела и поняла ее бесполезность в этой ситуации.

Началась волна протеста против власти и, в частности, против неправильного распределения средств на восстановление разрушенного войной 2008 года имущества и всей инфраструктуры. На этот раз протест общества затронул такие фундаментальные вопросы, как отсутствия гражданских свобод, узурпация власти и ресурсов отдельной группировкой.

Выборы в ноябре 2011 года показали, что схема «герой должен управлять обществом» устарела и больше не относится к югоосетинскому обществу.

Тем не менее, инертное мышление власти не допускало сценария перемен. Несмотря на уверенность правящей элиты в том, что на президентских выборах победит мужчина и непременно один из созданных ими героев, она свободно и без опасения зарегистрировала женщину-оппозиционерку кандидатом в президенты, в то время как оппоненты-мужчины, представляющие такую же серьезную конкуренцию, по тем или иным причинам не были допущены к предвыборной борьбе. В результате неожиданно сложилась ситуация, когда именно вокруг женщины-антигероя сплотилась большая часть общества и впервые на постсоветском пространстве женщина выиграла выборы.

В Южной Осетии возник момент, когда общественное мышление стало развиваться и меняться так стремительно и динамично, что власть даже не успела этот факт уловить и понять, не говоря уже о принятии этой данности.

Интересно, что даже Россия в своем пропагандистском подходе к политическим вопросам Южной Осетии учитывала ментальность осетин, их приверженность традиционному институту геройства, и заведомо поддержала одного из кандидатов мужского пола – военного, потенциального героя.

Однако Россия, как и местная югоосетинская власть, не учла, что данный институт геройства может работать исключительно в экстремальной ситуации, при наличии угрозы для жизни общества. Приходится констатировать, что реакция правящей элиты и российских властей была старой и традиционно милитаристской. Можно говорить о «геройской» спецоперации по ликвидации выбора народа Южной Осетии – аннулирование выборов и преследование выбранного лидера–женщины.

Однако интересен тот факт, что в отсутствии прямой угрозы уничтожения обществу народный протест против этого бесправия и несправедливости был демократическим, уже не связанным с героическими и военными методами.

Выводы

Зарождение национальной идеи в постсоветском югоосетинском пространстве и ее укрепление на фоне военного конфликта было связано в массовом сознании с лидерами национального сопротивления и их индивидуальными действиями на фоне безграничного лимита доверия в обществе по отношению к ним.

Общество принимало как данность, что героизм – это не ремесло и ему не обучают. И это означало, что национальные лидеры сопротивления – обладатели каких-то особых качеств. Несмотря на то, что в обществе преобладали стереотипные установки и чрезмерные ожидания по поводу роли и действий героя в кризисный момент, данный фактор сплачивал общество и давал силы бороться с внешними трудностями, связанными с конфликтом.

Необходимость наличия в обществе в кризисный период ориентиров для всех и каждого представляется очевидной на примере общественной ориентации Южной Осетии на национальных лидеров в начале 90-х годов прошлого столетия. При этом политически общество оказалось на уровне средневековья, с сильно сплочённой общественной структурой и своеобразной системой государственной безопасности.

Модели военного поведения героев в мирный период приводили к фрустрации общества, постепенно наблюдался отход от идеалистических целей национального движения, начинался конфликт частных интересов и общего национального дела.

В югоосетинском обществе того периода полностью подтвердились концепции, ограничивающие героизм только вооружёнными действиями.

На примере югоосетинского общества можно предположить, что герои-одиночки подрывают целостность сообщества нарративами об их отчасти сверхчеловеческих поступках, и это могло служить еще одной причиной фрустрации в отношении героев. Воспоминания, которые остаются в среде современников о герое как о «человеке с большой буквы», могут вызвать вопрос о месте и роли членов общества с более скромными способностями и возможностями.

Можно утверждать, что в мирный период возможности манипулирования обществом снижались радикально и удерживающие власть элиты креативно создавали новые формы пропаганды и манипуляции, в основе которых уже лежало манипулирование этнографическими мифами о героях и геройстве, используемое в политических целях.

На примере югоосетинского постсоветского общества очевидно, что в период отсутствия прямой угрозы безопасности происходит своеобразная девальвация ценностей национального движения, которая выражается в более прагматичном подходе к настоящему и будущему устройству Южной Осетии – в обществе размышляют по поводу выгоды независимости или присоединения к России, т.е. воссоединения с северными осетинами.

Данная публикация пытается пролить свет на способы, с помощью которых создаются и передаются мифы и доминантные нарративы, связанные с конфликтами на Южном Кавказе. В охватывающем весь регион проекте исследованы три механизма, с помощью которых создаются и распространяются мифы: учебники истории; политический дискурс; СМИ, в том числе и блогосфера. Особое внимание уделено тому, каким образом связанные с конфликтами мифы обусловлены местными политическими манипуляциями, как создаются «образы врага» и каким образом они, в свою очередь, способствуют усилению сопротивляемости конфликтов их разрешению.

В данном томе мы приводим результаты исследований политического дискурса, анализируя способы использования этих образов врага во внутренней политике Южного Кавказа, вступившего в третье десятилетие длительных конфликтов. Приведенные здесь работы явно и недвусмысленно свидетельствуют о том, как социальные мифы в постконфликтных обществах – такие, как «ощущение жертвы» и поиск карающего «спасителя» с одной стороны и поза «победителя» с другой стороны - используются для манипулирования общественным мнением ради кратковременных политических выигрышей.

Один из выводов заключается в том, что до тех пор, пока в политических и публичных дискурсах доминируют такие образы, конфликты остаются неразрешимыми. Это сужает пространство, доступное для рефлексии и критического мышления, и создает атмосферу, в которой продвижение внутренних социальных или демократических изменений не имеет приоритетного характера, что, в свою очередь, оказывает отрицательное влияние на перспективы разрешения конфликтов. До тех пор, пока не будет открыт доступ кислорода к альтернативным дискурсам, кавказские общества будут стоять перед лицом нескончаемых конфликтов и соперничества.

International Alert.

346 Clapham Road, London SW9 9AP, United Kingdom

Tel +44 (0)20 7627 6800, Fax +44 (0)20 7627 6900, Email general@international-alert.org

www.international-alert.org

ISBN: 978-1-909578-06-7